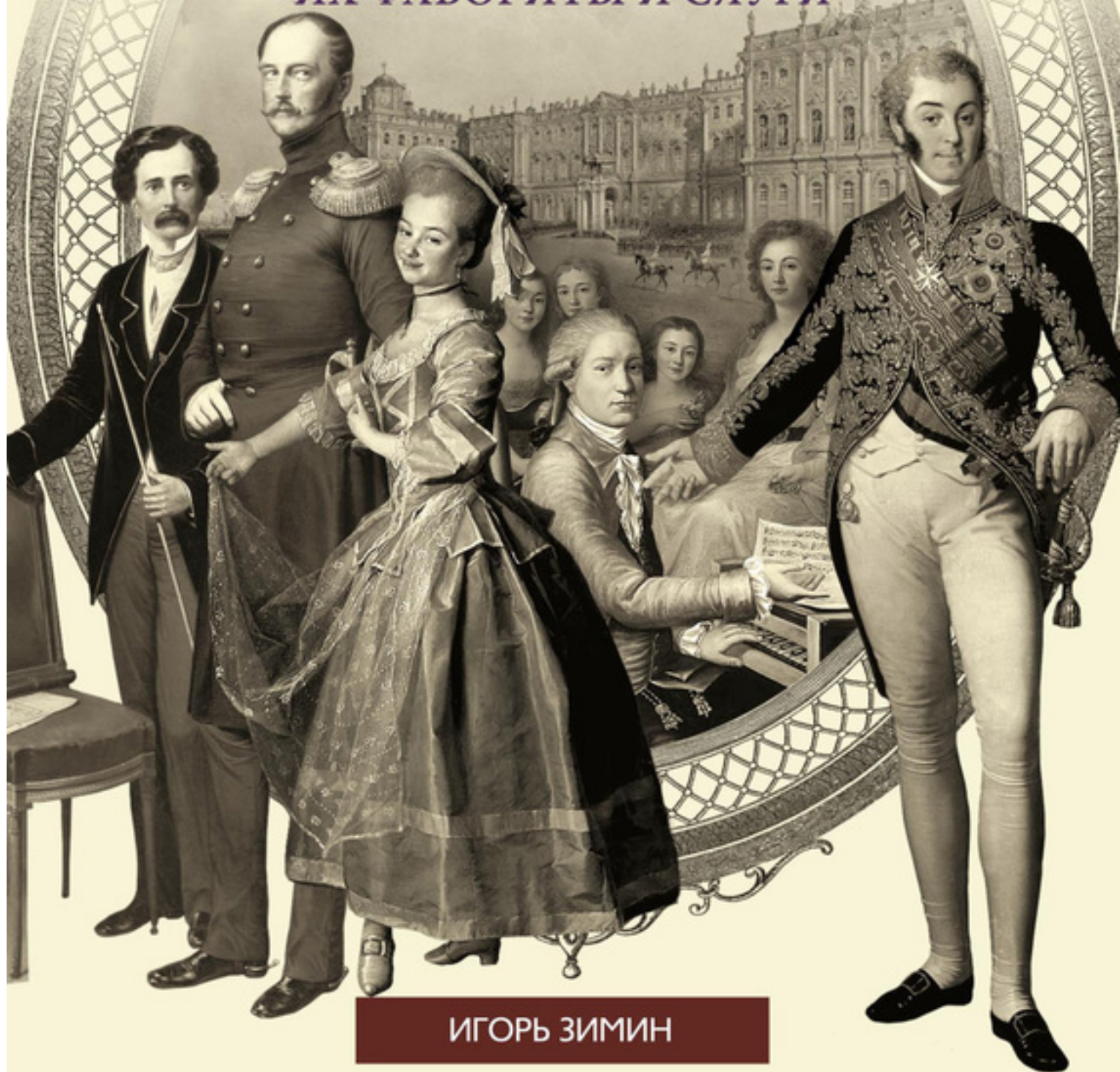

400 лет ДОМУ РОМАНОВЫХ

ЛЮДИ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

МОНАРШИЕ ОСОБЫ,
ИХ ФАВОРИТЫ И СЛУГИ

ИГОРЬ ЗИМИН

Игорь Зимин

**Люди Зимнего дворца. Монаршие
особы, их фавориты и слуги**

«Центрполиграф»

2014

Зимин И. В.

Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги /
И. В. Зимин — «Центрполиграф», 2014

В предлагаемой книге профессор И. В. Зимин приводит результаты своих очередных исследований повседневных аспектов жизни российских монархов в Зимнем дворце. Кроме того, он обстоятельно рассказывает о традиционных церемониалах, праздниках и развлечениях в монаршем доме, о медиках, обслуживавших государей, об организации охраны Зимнего дворца в различные периоды его истории, о том, что происходило во дворце в революционном 1917 году.

© Зимин И. В., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Введение	6
Глава 1. Монаршие особы зимнего дворца	7
Екатерина II	7
Павел I	47
Александр I	83
Николай I	102
Ноябрь-декабрь 1825 г. в Зимнем дворце	106
Семья Николая I	141
Александр II и его семья	185
Конец ознакомительного фрагмента.	230

Игорь Зимин

Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги

© Зимин И.В., 2014

© ООО «Рт-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

С 1762 по 1917 г. Зимний дворец оставался главной резиденцией императорской семьи. В 1762-м началась его «биография», которую в первую очередь «делали» первые лица государства, жившие в нем. Но, кроме первых лиц, как правило, располагавшихся на втором, парадном этаже, в огромном дворце жили сотни других людей. Они селились как во вполне благоустроенных квартирах на третьем этаже резиденции, так и в дворцовых подвалах, каморках и на чердаках. Многие из этих людей также оставили свой след в «биографии» Зимнего дворца.

Отсвет этого бесчисленного множества судеб до сих пор хранят стены Зимнего дворца, в его прошлом неразрывно сплелись «люди и стены», и настоящая книга не претендует на какое-либо полное изложение истории проживания здесь многих поколений Романовых и их окружения – слишком эта история пестра и многогранна. Кроме того, многие события и факты затрагивались в наших предыдущих работах, посвященных повседневной жизни Романовых¹.

В настоящей книге рассматриваются только некоторые сюжеты, что происходили либо в самом Зимнем дворце, либо в непосредственной близости от него, поскольку главным героем книги является сам Зимний дворец.

По словам В. А. Жуковского, «Зимний дворец как здание, как царское жилище, может быть, не имел подобного в целой Европе. своею огромностью, своею архитектурю изображал он могущественный народ, столь недавно вступивший в среду образованных наций, а внутренним своим великолепием напоминал о той неисчерпаемой жизни, которая кипит во внутренности России... Зимний дворец был для нас представителем всего отечественного, русского, нашего».

¹ Зимин И. В. 1) Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010; 2) Детский мир императорских резиденций. М., 2011; 3) Царские деньги. М., 2012; 4) Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917 гг. М.; СПб., 2013.

Глава 1. Монаршие особы зимнего дворца

Екатерина II

Екатерина II прожила в Зимнем дворце все свое царствование, с 1762 по 1796 г. – 34 года. Конечно, она весной выезжала в Царское Село, затем переезжала в Петергоф, опять возвращалась в Царское Село и только в середине сентября – в октябре возвращалась на зиму в любимый ею дворец. Живя зиму в Петербурге, она довольно редко покидала свой дом, где имелось все необходимое для комфортной и спокойной жизни. Поскольку многообразие жизни неисчерпаемо, обратимся лишь к некоторым сюжетам из жизни императрицы «на фоне» Зимнего дворца...

Екатерина II въехала в Зимний дворец в апреле 1762 г., накануне Пасхи, как супруга императора Петра III Федоровича. В статусе супруги императора она пребывала в Зимнем дворце очень недолго – с начала апреля по конец июня 1762 г. В этот срок она родила от Григория Орлова ребенка, обустроилась в новых покоях, организовала и успешно осуществила государственный переворот и короновалась, превратившись из супруги императора в полноправную хозяйку огромной империи. Для Екатерины Алексеевны это было действительно очень горячее время...

Тогда, весной 1762 г., современники, впервые оказавшиеся в Зимнем дворце, с любопытством осматривали огромное, еще недостроенное и необжитое здание. Даже в необустроенном виде Зимний дворец производил огромное впечатление на всех видящих его. Одним из таких свидетелей начала «жизни» Зимнего дворца стал А. Т. Болотов. Будучи адъютантом высокопоставленного лица, он регулярно в апреле-июне 1862 г. бывал в императорской резиденции, впоследствии подробно описав увиденное.

Мемуарист отмечал, что «самая уже огромность и пышность здания сего приводила меня в некоторое приятное изумление, а когда вошел я с генералом внутрь сих новых императорских чертогов и увидел впервые еще от роду всю пышность и великолепие дворца нашего, то пришел в такое приятное восхищение, что сам себя почти не вспомнил от удовольствия.

Г. Гроот. Цесаревич Петр Федорович и Екатерина Алексеевна. 1740-е гг.

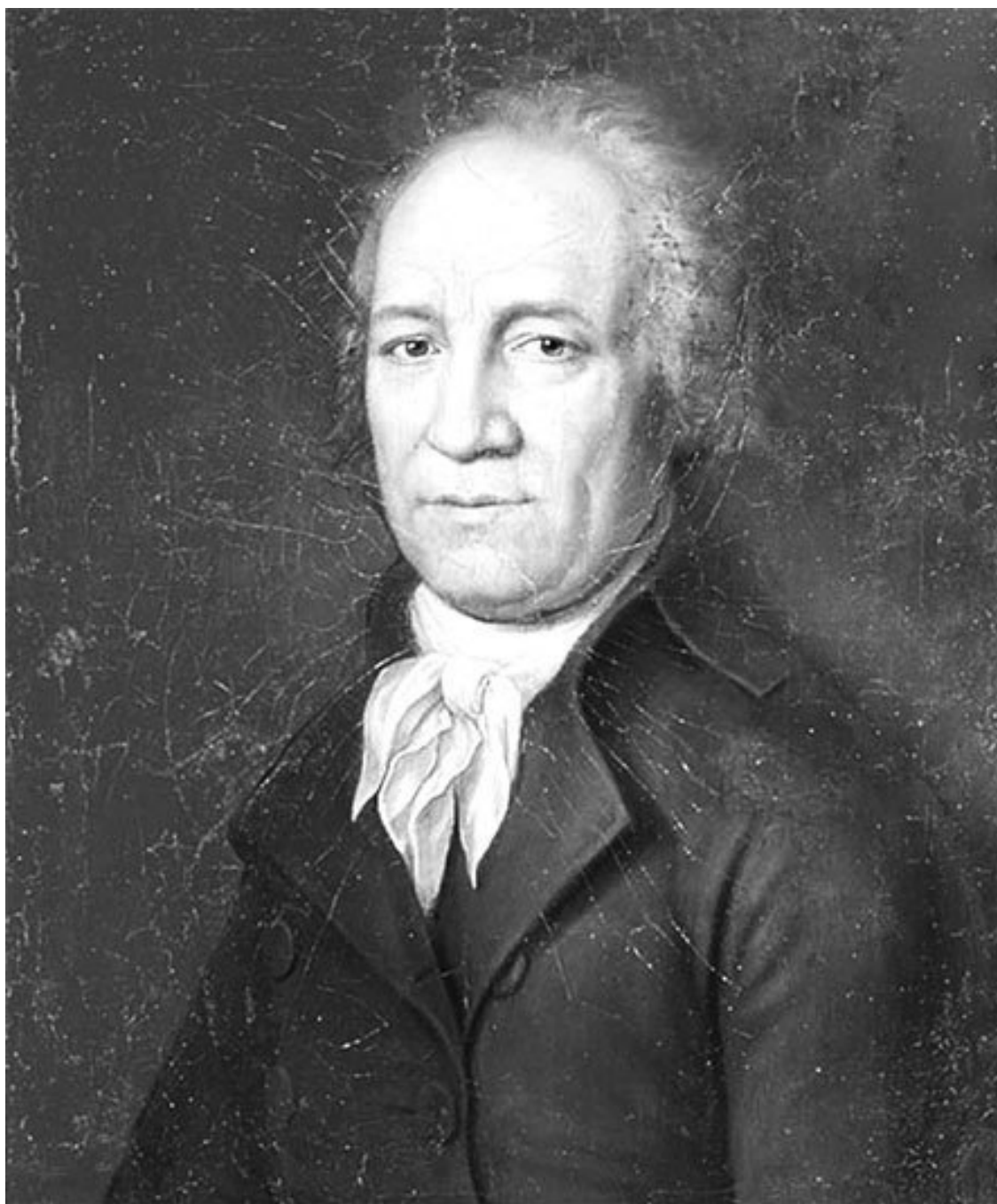

Ф. С. Рокотов. Портрет Алексея Бобринского в младенчестве. Ок. 1763 г.

Все комнаты, чрез которые мы проходили, набиты были несметным множеством народа и людей разных чинов и достоинств. Все одеты и разряжены были в прах, и все в наилучшем своем платье и убранствах»².

² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. История моей Петербургской службы. Письма 91–99. Электронная версия. URL: http://modernlib.ru/books/bolotov_andrey/zapiski_a_t_bolotova_napisannih_samim_im_dlya_svoih_potomkov.

В Зимнем дворце А. Т. Болотов впервые увидел императрицу Екатерину Алексеевну, которая тогда, казалось бы, совершенно смирилась со своей второстепенной ролью в женском окружении императора Петра III. Болотов пишет, что он «увидел двух женщин в черном платье, и обеих в Екатерининских алых кавалериях, идущих друг за другом из отдаленных покоев в комнату к государю». Ранее он видел только портрет Екатерины Алексеевны и не узнал ее, поскольку перед ним предстала «женщина низкая, дородная и совсем не такая». Кстати, второй дамой, следовавшей за императрицей, оказалась фаворитка Петра III – Елизавета Воронцова, мемуаристу она показалась совершенно безобразной.

Портрет Андрея Тимофеевича Болотова

Екатерина II в коронационном уборе

А. П. Антропов. Портрет Елизаветы Романовны Воронцовой. 1762 г.

Екатерина II в профиль. Эриксен Вигилиус. До 1762 г.

Свита и императорская семья быстро обжились в Зимнем дворце, и императорский двор зажил привычной жизнью в новых покоях. Мемуарист пишет: «Видел, как тут играли в карты и как танцевали, наслушался прекрасной музыки, в которой государь сам брал соучастие и играл на скрипке вместе с прочими концерты, и довольно хорошо и бегло; наконец за большим столом и со многими, с превеликим хохотанием и криком, забавлялся он в любимую свою игру кампию...»³.

³ Болотов А. Т. Указ. соч. Кампия – род карточной игры.

Ф. С. Рокотов. Портрет Петра III

Однако прежде всего приводили в должный вид императорский юго-восточный ризалит. Остальные же помещения дворца, частично отделанные, стояли в буквальном смысле пустыми, не обставленными мебелью. По воспоминаниям Болотова, «во всех тех комнатах, где мы бывали, не было тогда ни единого стульца, а стояли только в одной проходной комнате

одни канапе, но и те были обиты богатым штофом, и таким, на каких мы сначала не смели и помыслить, чтоб садиться...»⁴.

Отметим и то, что столь краткое царствование эксцентричного внука Петра I имело и вполне объективные причины, поскольку молодой император фактически не занимался делами, положенными ему по должности. Так, А. Т. Болотов с горечью вспоминает, что «редко стали уже мы заставить государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок английского пива, до которого был он превеликий охотник, уже опорожнив-шим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладицы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровию от стыда пред иностранными министрами, видящими и слышащими то и бесспорно смеющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа так поражается всем тем, что бежал бы неоглядкою от зрелища такового! – так больно было все-то видеть и слышать.

⁴ Болотов А. Т. Указ. соч. Кампия – род карточной игры.

А. П. Антропов. Портрет Петра III в мундире лейб-гвардии Преображенского полка. 1762 г.

Не успеют, бывало сесть за стол, как и загремят рюмки и бокалы, и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются иногда все, как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладницы и несообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошло до того, что, вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы и кричать: „Ну! Ну! братцы кто удалее, кто сшибет с ног кого первый!“, и так далее. А по сему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкущихся и друг друга наземь валяющих?

Хохот, крик, шум, биение в ладоши раздавались только всюду, а бокалы только что гремели. Они должны были служить наказанием тому, кто не мог удержаться на ногах и упал на землю. Однако все сие было еще ничто против тех разнообразных сцен, какие бывали после того и когда дохаживало до того, что продукты бахусовы оглуляли всех пирующих даже до такой степени, что у иного наконец и сил не было выйти и сесть в линию, а гренадеры выносили уже туда на руках своих»⁵. Естественно, на фоне своего беспутного 34-летнего мужа будущая Екатерина II выглядела как светоч благоразумия и мудрости. Чем она и не преминула воспользоваться...

Когда 30 апреля 1762 г. в Зимнем дворце канцлер граф М. И. Воронцов объявил об окончании войны с Пруссией, императорская резиденция немедленно превратилась в главную площадку для пышных празднеств: «Для обеда и бала после одного приготовлен и с великою поспешностию отделан был большой зал во дворце, в том фасе одного, который был окнами на Неву реку». Это был самый большой зал Зимнего дворца – Тронный, занимавший весь объем второго этажа северо-западного ризалита, окнами выходивший на Неву. Впоследствии на месте этого огромного зала сформировалась анфилада парадных гостиных императриц (включая Малахитовую гостиную) и череда парадных залов: Концертного, Николаевского и Аванзала.

Судя по воспоминаниям Болотова, на этом торжестве Петр III вел себя в привычной манере: «...Государь, опорожнив, может быть, во время стола излишнюю рюмку вина и в энтузиазме своем к королю прусскому дошел до такого, забывая самого себя, что публично, при всем великом множестве придворных и других знатных особ и при всех иностранных министрах, стал пред портретом короля прусского на колени и, воздавая оному непомерное уже почтение, называл его своим государем: происшествие, покрывшее всех присутствовавших при том стыдом неизъяснимым и сделавшееся столь громким, что молва о том на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела в сердцах всех россиян и во всем народе крайне неприятные впечатления»⁶. Негативизм мемуариста вполне понятен, поскольку Фридрих II с 1756 г. был главным врагом России в ходе Семилетней войны (1756–1763 гг.) и русские хорошо помнили победы над пруссаками на полях Гросс-Егерсдорфа (1757 г.), Цорндорфа (1758 г.) и Кунерсдорфа (1759 г.).

⁵ Болотов А. Т. Указ. соч.

⁶ Болотов А. Т. Указ. соч.

А. фон Менцель. Концерты в Сан-Суси. Фрагмент. Фридрих II играет на флейте

В ходе апрельских празднеств по окончании войны с пруссаками еще не оформленную стрелку Васильевского острова использовали для театрализованных действий «с фейерверком». Во время праздника на стрелке возвели гигантские щиты «против дворца и окон самой оной залы, где отправлялось тогда торжество. Впереди, против сих щитов, поделаны были другие движущиеся колоссальные фигуры, изображающие Пруссию и Россию, которые, будучи сдвигаемы по склизам и загоревшись, сходились издалека вместе и, схватившись над жертвенником руками, означали примирение. Не успело сего произойти, как произошло вдруг на сем месте пальмовое дерево, горевшее наипрекраснейшим зеленым и таким огнем, какого я никогда до того не видывал. А вслед за сим выросли тут же и многие другие такие же деревья и составили власно как амфитеатр кругом сего места»⁷.

⁷ Болотов А. Т. Указ. соч.

Екатерина II на ступенях Казанского собора 28 июня 1762 г.

Подобные праздники, глубоко оскорблявшие национальные чувства продолжались очень недолго. В мае 1762 г. Петр III навсегда покинул Зимний дворец, а Екатерина Алексеевна в это время активно собирала сторонников, для того чтобы 28 июня 1762 г., в день переворота, хозяйкой въехать в Зимний дворец. А. Т. Болотов, бывший очевидцем событий, вспоминал, что «шествие ее простиралось прямо к Казанской соборной церкви, и тут провозглашается она императрицею и самодержицею всероссийскою и принимает первую, от случившихся при ней, присягу; а потом, при провождении своей гвардии и множества бегущего вслед народа, шествует в Зимний дворец и окружается там гвардиею и бесчисленным множеством всякого звания людей, радующихся и кричащих: „Да здравствует мать наша, императрица Екатерина!“».

Сама же императрица вспоминала, что она «отправилась в новый Зимний дворец, где Синод и Сенат были в сборе. Тут наскоро составили манифест и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пешком войска, которых было более 14 000 человек гвардии и полевых полков. Едва увидели меня, как поднялись радостные крики, которые повторялись бесчисленной толпой».

Далее Болотов писал: «Самый народ, наполняющий всю площадь и все улицы кругом дворца и восклицающий во все горло, не знал ничего о самых обстоятельствах всего дела. Тотчас привезены были и поставлены, для защищения входа во дворец, заряженные ядрами и картечами пушки, расстановлены по всем улицам солдаты и распушен слух, что государь, будучи на охоте, упал с лошади и убится до смерти и что государыня как опекунша великого князя, ее сына, принимает присягу. В самое то же время приказано было всем полкам, всему духовенству, всем коллегиям и другим чиновникам собраться к Зимнему дворцу для учинения присяги императрице, которая и учинена всеми не только без всякого прекословия, но всеми охотно и с радостью превеликою»⁸. Так началось новое царствование...

⁸ Болотов А. Т. Указ. соч.

Утвердившись во власти, Екатерина II быстро привыкла к своему новому дому и делала все для того, чтобы ее новая резиденция оказалась в одном ряду с известнейшими резиденциями европейских монархов. Поэтому, кроме принимаемых архитектурно-планировочных решений, императрицу в немалой степени заботил и окружающий дворец «ландшафт». Именно при Екатерине II набережные Невы одели в гранит. При этом по-немецки педантичная и аккуратная императрица требовала соблюдать порядок на строительной площадке. Именно с этим связана ее записка к обер-полицмейстеру Петербурга Н. И. Рылееву: «Чево вы смотрите? К Эрмитажу ни с которой стороны приезда и проезда нет, для чего вы не требуете, как от конторы строений, так и от Карадыкина⁹, чтоб строили не завалы берега пешеходна и улицу, по крайней мере, чтоб проезд остался»¹⁰.

Обустранивалась императрица и в своих личных комнатах. В их классицистических интерьерах отражались и личные вкусовые пристрастия императрицы, и ее интеллектуальный уровень. По свидетельству «допожарных» авторов, которые могли видеть сохранявшиеся до 1837 г. антресоли императрицы, «в ее внутренних комнатах изображалась простота со вкусом; в них мало было позолоты, резьбы, дорогих тканей. Отличные только картины и обширное книгохранилище составляли лучшие убранства»¹¹.

В. С. Садовников. Вид набережной и Мраморного дворца

Как известно, короля делает свита. Екатерина II на протяжении своей жизни окружала себя разными людьми. Кадровая политика императрицы была небесспорной, но чаще всего выбор ее оказывался удачным. Со сподвижниками ее связывали отношения разного уровня. Некоторых она любила. Просто любила, как любит женщина. Некоторые вызвали ее неприкрытое раздражение, как амбициозная, но столь необходимая в 1762 г. сподвижница по пере-

⁹ Карадыкин Николай Матвеевич (1750–1804) – тайный советник, управляющий Кабинета Е. И. В.

¹⁰ Собственноручные записочки императрицы Екатерины II к С.-Петербургскому обер-полицмейстеру Н. И. Рылееву // Исторический вестник. 1881. № 2.

¹¹ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2084.

вороту Е. Р. Дашкова. Но чаще, понимая слабости и сильные стороны сподвижников, она как прагматичный политик использовала их. Все эти люди из года в год посещали рабочий кабинет императрицы в Зимнем дворце, а некоторые из фаворитов, сумевших выйти на уровень государственных деятелей, жили непосредственно в Зимнем дворце.

Особенно тяжело Екатерине II пришлось в первые годы царствования, когда ей приходилось доказывать, что она в состоянии не только удержать власть, но и провести реформы в интересах всего дворянства. Очень понятна ее фраза, оброненная в письме, датированном 2 июля 1762 г., к своему бывшему «другу сердечному» графу С. Понятовскому: «Я завалена делами и не могу сообщить вам подробную реляцию»¹². Тогда после переворота прошло менее недели.

Со временем у императрицы выработался собственный ритм работы, оставлявшей ей время для светских, представительских мероприятий и развлечений. Хотя и эти «мероприятия», и «развлечения» тоже были важной частью ее работы. Этот «рабочий ритм» определял расписание дня Екатерины II. Кстати, следует иметь в виду, что она была классическим «жаворонком», рано начинавшим свой рабочий день.

О ритме своего рабочего дня в Зимнем дворце императрица писала одному из своих французских корреспондентов: «Я встаю аккуратно в 6 часов утра, читаю и пишу одна до 8, потом приходят мне читать разные дела; всякий, кому нужно говорить со мною, входит поочередно один за другим; так продолжается до 11 часов и далее, потом я одеваюсь. По воскресеньям и праздникам иду к обедне, в другие же дни иду в приемную залу, где обыкновенно дожидается меня множество народа; поговорив полчаса или $\frac{3}{4}$ часа, я сажусь за стол; по выходе из-за стола является гадкий генерал¹³, чтобы читать мне наставления; он берет книгу, а я свою работу. Чтение наше, если его не прерывают пакеты с письмами и другие помехи, длится до шести часов с половиною; тогда или я еду в театр, или играю, или болтаю с кем-нибудь до ужина, который кончается до 11 часов. Затем я ложусь и на другой день повторяю то же самое, как по нотам»¹⁴.

¹² Избранные письма. Императрица Екатерина II // О величии России. М., 2003.

¹³ Императрица имела в виду Г. Орлова.

¹⁴ Из жизни императрицы Екатерины II // Гражданин. 1873. № 48.

Д. Г. Левицкий. Портрет Е. Р. Дашковой. 1784 г.

Конечно, рабочий график императрицы менялся в зависимости от состояния здоровья, времени года и возраста. Упоминая о том, что она жаворонок, вставая «аккуратно в 6 часов утра», императрица весной 1774 г. могла отметить, что «встала... в осьмом часу, потом пошла в бани», а в августе того же года – что «спала до десятого часа, а вставши... здорова, но слаба из меры вон». Эта умная, проницательная и волевая женщина, конечно, не была неким запрограммированным механизмом. Иногда ей хотелось полежать в постели подольше, иногда она болела, все у нее было, «как у людей»...

В последующие годы противоречивый образ императрицы идеализировался, слившись с мифологизированным образом «Екатерины II Великой». Но имелись и бытовые зарисовки, почерпнутые из очень устойчивой дворцовой мифологии, хранившейся в виде преданий в императорских резиденциях на разных уровнях, от лакеев до сановников. Так, по этим преданиям, в последние годы жизни «она требовала уже вспоможения. Колокольчик давал знак, и Марья Савишна Перекусихина первая ей представляла. Иногда сия находила ее паки погруженною в сладкой дремоте; не желая же прервать оной, часто сама на софе против ея засыпала, и тогда уже Екатерина ее пробуждала. В один день, предавшись сну до 7 часов, сказала она: „О какое услаждение! Для чего не могу и я, как другие, пользоваться таким успокоением?“».

Встав с постели, она немедленно шла в уборную, где находила теплую воду для полоскания рта и лед к обтиранию лица»¹⁵.

В своей «царской работе» Екатерине II необходимо было держать в памяти множество деталей и быть компетентной в самых разных вопросах, принимая «окончательные решения». Об уровне компетентности и осведомленности императрицы сохранилось множество свидетельств. Например, граф Рожер Дама свидетельствовал, как однажды в своем доме, в кабинете, будучи совершенно один, он, глядя на проходившие мимо два гвардейских батальона, обронил: «„Если бы шведский король увидел это войско, я думаю, он заключил бы мир“. Я ни к кому не обращал этих слов, так как считал, что я был один. Два дня спустя, когда я явился на поклон к императрице, она нагнулась и сказала мне на ухо: „Итак, вы думаете, что если бы шведский король осмотрел мою гвардию, он заключил бы мир?“». ¹⁶ Этот эпизод наглядно свидетельствует, насколько плотно велся надзор за иностранными дипломатами, работавшими в России. Императрица не считала нужным это скрывать, демонстративно давая понять, что все «они» «под колпаком» ее тайной полиции.

По свидетельству современников, первым утренним докладчиком императрицы был петербургский обер-полицмейстер, который сообщал о «происшествиях, состоянии цен на жизненные припасы в городе, о молвах народных. Самые неважные обстоятельства доводились до ее сведения. Екатерина была любопытна, желая знать о своих чадах, и речи их много действовали над ее умом»¹⁷.

В результате многолетних «кадровых перестановок» императрице удалось создать вокруг себя окружение, довольно успешно отвечавшее на вызовы времени, закрепляя за Россией статус великой державы. Безусловно, с одной стороны, Екатерина II была многогранной личностью, чье образование удачно легло на природный интуитивный ум и женскую прагматичность. С другой стороны, все знать невозможно, и со временем у императрицы появились профессиональные уловки, ставившие в тупик мало знавших ее людей.

Например, у императрицы имелся сервиз с картами России, по одной губернии на тарелку. По одной из легенд Зимнего дворца, «бывало, военные люди, или губернаторы, или предводители выходили после обеденного стола у Императрицы Екатерины в изумлении от знания ею каждой крепостцы, каждой местности, отличительной ее особенности, множества имен, словом, от разнообразия тех вопросов, которые она задавала своим гостям относительно России. Объяснялось это, между прочим, и секретом ее сервиза. Когда у Императрицы обедали военные люди, то она имела перед собою во время обеда тарелки, на которых со всеми подробностями обозначены были крепости или военные карты; когда обедали губернаторы, то ей подавали тарелки с картами тех губерний, коих губернаторы перед нею сидели, карты, на которых обозначились не только города, но ярмарки, фабрики, количество населения и тому подобные сведения, значительно облегчавшие ей труд памяти припоминать все, что она узнавала из рапортов и донесений»¹⁸. Вероятнее всего, мемуарист утрирует столь прагматичное использование сервизов, но подобный «географический» сервиз, действительно, имеется в коллекции Государственного Эрмитажа.

Многие годы, проживая в Зимнем дворце, окруженная не слишком часто менявшимся штатом слуг, императрица выстроила с ними достаточно своеобразные отношения, малотиличные для XVIII в.

Императрица Екатерина II, как умный человек, прекрасно понимала, какие последствия могут иметь ее слова, сказанные в запальчивости. Поэтому даже тогда, когда для гнева были

¹⁵ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2085.

¹⁶ Записки графа Рожера Дама // Старина и новизна: Ист. сб. СПб., 1914. Кн. XVIII. Электронная версия.

¹⁷ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2087.

¹⁸ Из жизни императрицы Екатерины II.

все основания, она старалась не давать волю чувствам. Она «редко приходила ко гневу, и, когда увеличивался в ее щеках румянец, она засучивала в верх рукава, расхаживала по комнате, пила воду и никогда в первом движении ничего не определяла»¹⁹. (Наверное, она мысленно считала до десяти, как советуют психологи, а затем принимала решение.) Это правило – не рубить с плеча – распространилось как на сановников, так и на слуг.

А. А. Безбродко и И. И. Бецкой

В. Я. Чичагов и А. Г. Орлов-Чесменский

¹⁹ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2080.

Г. Р. Державин и Е. Р. Дашкова

П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин и А. В. Суворов

В «командный состав» личного штата императрицы входили пять камердинеров: три при ней в Зимнем дворце и два при Малом Эрмитаже. Те, кто находился «при особе», имели свои специализации: «Первый смотрел за гардеробом и готовил платья для следующего дня. Второй надзирал за порядком в личных покоях. Третий возглавлял кладовую, в которой хранились парча, бархат, полотно и другие вещи. Он еженедельно представлял Екатерине II ведомость „О выдаче всего в неделю“ даже до мелочей, как-то: ленточек, тесемок, и она всегда поме-

чала своею рукою: „записать в расход“»²⁰. Немецкая системность Екатерины II проявлялась и в таких житейских мелочах.

Впрочем, императрица иногда позволяла себе раздражаться, когда «по работе» не могла найти ту или иную бумагу. Естественно, гнев выплескивался на ближний круг – камердинеров, о чем свидетельствует эпизод с одним из них, А. С. Поповым: «Ища на своем бюро какую-то бумагу и не находя ее, Екатерина, за ропот с его стороны и оправдания, выслала его от себя. Но, оставшись одна, нашла свою пропажу в ящике и приказала позвать Попова²¹. Тот не шел, говоря: „Зачем я к ней пойду, когда она меня выгнала!“ Это сказали Государыне, и она вышла в переднюю, и сказала ему: „Прости меня, Алексей Семенович. Я перед тобою виновата“. Но не знакомый с утонченностями обращения Попов и на это заявление милости Государыни не удержался, чтобы не сказать: „Да ведь это не в первый раз; вы часто от торопливости своей на других нападаете, Бог с вами. Я на вас не сержусь!“. Екатерина II только улыбнулась»²².

Подчас своеобразный либерализм императрицы мешал ее работе. Мемуарист свидетельствует, что «однажды г. Козицкий²³ читал пред нею бумаги, а в другой комнате придворные играли в волан и заглушали его слова. – Не прикажете ли, сказал он, пребыть им в тишине? От них ничего не слышно. – Нет, отвечала она, у всякого свои занятия; мы судим рядом с тобою о делах, они же в забавах, которых я нарушить не желаю. Возвысь ты голос, и оставим их веселиться»²⁴. Конечно, подобные сцены отчасти были спектаклем, квалифицированно разыгранным Екатериной, но так бывало далеко не всегда, и изредка выведенная из себя императрица очень по-женски «нападала» на своих подданных...

Хотя, случалось, что нерадение слуг вполне расчетливо прощалось императрицей, хорошо понимавшей значение дворцовых легенд и историй в формировании облика «просвещенной» правительницы. Князь Ф. Н. Голицын приводит одно из таких преданий Зимнего дворца: «Государыня была очень терпелива и до служащих в ее комнатах очень милостива. Вот сему пример. Однажды, после обеда, она, сидя в кабинете, изволила написать записку и позвонила, чтобы вошел камердинер; но никто не входит. Она в другой раз, но также никого. Подождавши немного, она уже изволила встать, пошла к ним в комнату и с удивлением, но без гнева, им сказала, что она несколько раз звонила, но никто не идет. Они, оробевши, извинились, что не слышали. „А что вы делаете?“ – изволила Государыня спросить. „Мы между собою играли в карты по обыкновению“. – „Так вот тебе, Михайла, письмецо; отнеси его к князю Потемкину; а чтоб не останавливать вашу игру, я, покуда ты ходишь, сяду за тебя“. – Какая милость и какое снисхождение!»²⁵. Можно сомневаться в достоверности подобных легенд, но фактом является то, что императрица указом запретила пороть провинившихся слуг Зимнего дворца. Для ее преемников, особенно для Николая I, указ его бабушки превратился в серьезную «дисциплинарную проблему».

Отчетливо понимая груз ответственности, который она несла, Екатерина II жестко следовала правилу «делу – время, потехе – час». Даже пребывая в состоянии очередной влюбленности, она не позволяла фаворитам посягать на ее рабочие часы. Так, в 1775 г. императрица

²⁰ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2092.

²¹ Попов Алексей Семенович (1728–1780) – камер-фурьер и камердинер императрицы Екатерины II. Надгробие в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры (скульптурная композиция с портретом, мрамор. 1781 г. Скульптор Я. Земельгак). Памятник перенесен из Некрополя XVIII в. в собор в 1954 г.

²² Избранные письма. Императрица Екатерина II // О величии России. М., 2003. Электронная версия.

²³ Козицкий Григорий Васильевич (1724–1775) – секретарь Екатерины II. Окончил Киевскую духовную академию, затем продолжил образование за границей. В 1756 г. определен в Санкт-Петербургскую Академию наук лектором философских и словесных наук, затем назначен адъюнктом и «почетным советником». Пользовался покровительством братьев Орловых. В 1768 г. назначен секретарем при принятии прошений на высочайшее имя. Отличался трудолюбием и хорошим знанием иностранных языков (переводил Овидия, Свифта, Мармонтеля и др.).

²⁴ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2088.

²⁵ Голицын Ф. Н. Записки / Предисл. П. И. Бартенева // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 5. Стб. 1317.

писала П. В. Завадовскому: «Я повадила себя быть прилежна к делам, терять прямо как возможно менее, но как необходимо надобно для жизни и здоровья прямо отдохновения, то сии часы тебя посвящены, а прочее время не мне принадлежит, но Империи, и буде сие время не употреблю как должно, то во мне родится будет на себя и на других собственное мое негодование, неудовольствие и *mauvaise humeur* от чувства, что время провождаю в праздность и не так, как должна. Спроси у кня[зя] Ор[лова], не исстари ли я такова. А ты тотчас и раскричиси, и ставишь сие, будто от неласки. Оно не оттого, но от порядочного разделения прямо между дел и тобою. Смотри сам, какая иная забава, разве что прохаживаюсь. Сие я должна делать для здоровья»²⁶.

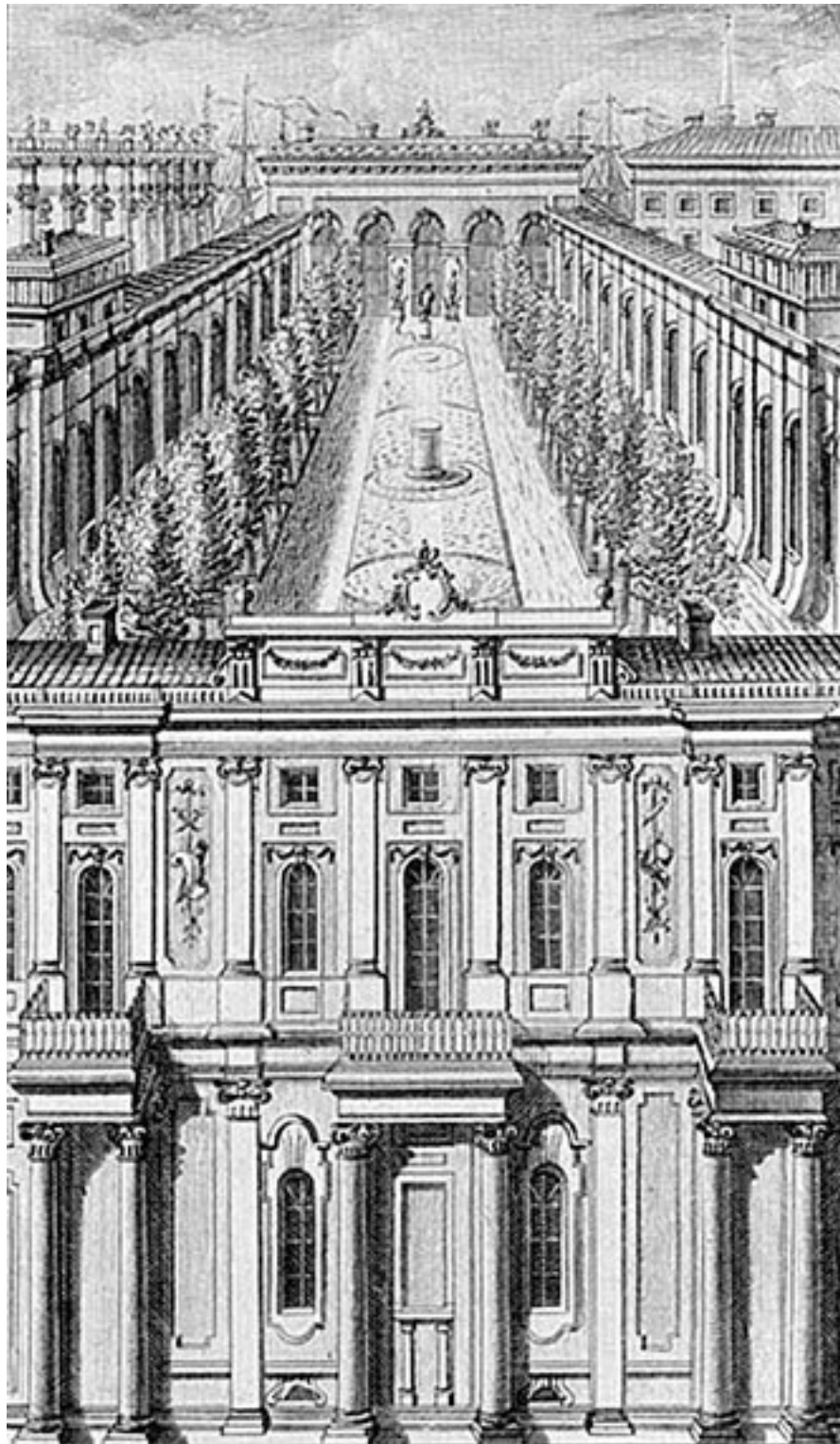
Таким образом, светские развлечения императрицы в Зимнем дворце устраивались, в том числе, и «для здоровья». В целом развлечения императрицы укладывались в стандарты XVIII в. Даже ее склонность к работе своими руками не выходила за рамки обычаев, укоренившихся в императорских резиденциях со времен Петра I. Так, Екатерина II «точила из кости, дерева, янтаря, переводила на стекла антики, играла по одной партии в бильярд и возвращалась после на свою половину»²⁷. Упомянем и то, что на крыше Фонарика над личной половиной Екатерины II появилась астрономическая башенка, оснащенная телескопом.

И. Б. Лампи. Портрет П. В. Завадовского. 1795 г.

²⁶ Письма Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому (1775–1777 гг.) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. Электронная версия.

²⁷ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2091.

Малый Эрмитаж. Вид на Южный павильон и перспектива Висячего сада в сторону Северного павильона. Гравюра Н. Саблина. 1773 г.

Об этой астрономической башенке упоминает в записках воспитатель великого князя Павла Петровича С. А. Порошин (9 октября 1765 г. Воскресенье): «Пришел к Государю Цесаревичу граф Григорий Григорьевич Орлов от Ея Величества звать Великого Князя на обсерваторию, которая построена вверху над покоем Ея Величества. Пошел туда Его Высочество, и Государыня быть там изволила. Весь город виден». Добавим, что эту астрономическую

башенку, устроенную над личными покоями Екатерины II, в совсем ветхом состоянии снесли по распоряжению Николая I в 1826 г., она отслужила, по крайней мере, 61 год.

Висячий сад Малого Эрмитажа сегодня

Место для частного отдыха императрицы было вынесено за стены «каменного Зимнего дома» и находилось в Малом Эрмитаже. Там имелось несколько «зон отдыха». Северный павильон, выходящий окнами на Неву, именовался «Оранжерейным домом». Южный павильон, выходивший окнами на Миллионную улицу и Дворцовую площадь, соединенный коридором с покоями императрицы, за глаза именовался «Фаворитским корпусом». Эти два корпуса соединял висячий сад, уже при Екатерине II затянутый металлической сеткой, для того чтобы не разлетались населявшие его птицы.

Так называемые эрмитажные собрания проводились в Оранжерейном павильоне, где имелись роскошно убранные комнаты и залы. Собственно, эти собрания гостей в Оранжерейном павильоне и стали поводом для переименования всего корпуса в Малый Эрмитаж.

Склонная к регламентации всего и вся, императрица разделяла и круг своего общения даже в развлечениях. Наиболее известны ее эрмитажные собрания – большие и малые.

Большие эрмитажные собрания проходили по воскресеньям. На них допускался весь дипломатический корпус и особы первых двух классов по Табели о рангах. Императрица, сопрягая отдых с работой, беседовала с вельможами и дипломатами. Наверное, такие собрания для нее были больше работой, чем отдыхом.

Малые эрмитажные собрания проводились по четвергам. В этот день в Малом Эрмитаже собирался только очень узкий круг «своих». Во время собраний танцевали, смотрели небольшие спектакли и ужинали. Одной из таких «своих», допущенных в святая святых, оказалась будущая фрейлина императрицы, тогда 15-летняя княжна В. Н. Шувалова (в замужестве графиня В. Н. Головина). Ее еще дебютанткой на придворной сцене, в начале 1780-х гг., допустили к такому собранию: «Императрица велела дяде привезти меня в собрание малого Эрмитажа. Мы отправились туда с дядей и матушкой. Собиравшееся там общество состояло из фельдмаршалов и генерал-адъютантов, которые почти все были старики, статс-дамы графини Брюс, подруги императрицы, из фрейлин, дежурных камергеров и камер-юнкеров. Мы ужинали за механическим столом: тарелки спускались по особому шнуру, прикрепленному

к столу, а под тарелками лежала грифельная доска, на которой писали название того кушанья, которое желали получить. Затем дергали за шнурок, и через некоторое время тарелка возвращалась с требуемым блюдом. Я была в восхищении от этой маленькой забавы и не переставала тянуть за шнурок»²⁸. Уточним, что дядей юной дебютантки был влиятельный обер-камергер И. И. Шувалов, в молодости многолетний фаворит императрицы Елизаветы Петровны.

Портрет В. Н. Головиной. Нач. XIX в.

²⁸ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной. М., 1911. Электронная версия.

Ф. С. Рокотов. Портрет И. И. Шувалова. 1760 г.

В начале 1780-х гг. на эти эрмитажные собрания часто приводили маленьких великих князей Александра и Константина, столь любимых царственной бабушкой. Мемуаристка упоминает, что будущему Александру I тогда было четыре года, а Константину – три. Маленькие мальчики под звуки скрипки «танцевали» с молоденькими фрейлинами. При этом танцевали они полонез!²⁹

²⁹ Полонез (от польск. – *polonez*, от фр. *polonaise* – польский) – торжественный танец-шествие в умеренном темпе, имеющий польское происхождение. Исполнялся, как правило, в начале балов, подчеркивая торжественный, возвышенный характер праздника. В полонезе танцующие пары двигаются по установленным правилам геометрическим фигурам.

Императрица Екатерина II в окружении членов семьи и придворных. С гравюры Ф. Г. Сидо. 1784 г.

По вторникам императрица Екатерина II играла в карты в Бриллиантовой комнате, окруженная не только своими придворными, но и блеском бесчисленных драгоценных камней.

Естественно, на придворные собрания Екатерина II являлась одетой в соответствии со своим статусом. Как женщина и императрица, Екатерина II могла позволить себе иметь богатейший гардероб. Тем более что она постоянно пребывала «в состоянии любви». О масштабах закупок деликатных женских мелочей свидетельствует «Реестр купленным по комнате Ея Императорского Величества» за 1767 г.: «360 пар чулок шелковых белых дамских по 6 р. пара – 2160 р.; 50 дамских перчаток льняных белых по 6 р. пара – 300 р.»³⁰.

Значительное место в истории Зимнего дворца занимают истории, связанные с фаворитами Екатерины II. Литературы на эту тему множество, но для нас главным является именно Зимний дворец и все происходящее «на его фоне».

Все фавориты императрицы Екатерины II то или иное время жили в Зимнем дворце. Постепенно сложились некие традиции, связанные с «географией» Зимнего дворца. Со времен графа Григория Орлова, первого фаворита-«жильца» Зимнего дворца, рядом с покоями императрицы постепенно сформировался комплекс покоев ее фаворитов. Фавориты менялись, а комнаты переходили от одного сердечного друга к другому. Как мы уже упоминали, они «географически» располагались в южном павильоне Малого Эрмитажа, связанного коридором с покоями императрицы в юго-восточном ризалите Зимнего дворца. Впрочем, иногда фаворитов могли поселить на антресолях первого этажа, прямо под покоями императрицы. Это позволяло совершенно приватно обставить взаимные визиты по внутренним лестницам ризалита.

Фаворитизм был обычным явлением при всех европейских дворах XVIII в., фактически превратившись в государственный институт, что воспринималось аристократией совершенно спокойно, поскольку для монархов-мужчин это считалось нормой. Особенностью России стало то, что институт фаворитизма со времен Екатерины I (и даже со времен царевны Софьи) складывался, когда на российском троне царствовали женщины. Впрочем, за долгие годы «бабьего

³⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3880. Л. 264. Реестр именным Ея императорского Величества указам 1767 г.

царствования» привыкли и к этому. В результате при Екатерине II фаворитизм приобрел черты почти узаконенного государственного института.

Для самой Екатерины II (кстати – вдовы) институт фаворитизма, кроме естественного для каждой женщины желания опереться на крепкое мужское плечо, превратился в своеобразный «кадровый кастинг», поскольку каждого из своих фаворитов Екатерина II старалась «подтянуть» к своим государственным занятиям, стараясь разделить с ними не только ложе, но и груз государственных забот. Многие из фаворитов оказывались «пустышками», и им на смену приходили другие. Некоторые из этих «других» охотно разделяли труды императрицы по управлению огромной Империей и оставались на значительных должностях, даже перестав бывать в спальне своей повелительницы.

Другими словами, спальня императрицы в юго-восточном ризалите Зимнего дворца была неким «отделом кадров», через него она «прокачивала» кандидатов, пыталась отыскать «крепкое мужское плечо», на которое можно опираться в делах государственных. В случае очередной «кадровой находки» императрица не стеснялась оповестить об этом весь свет. Нельзя забывать, что Екатерина II была женщиной, причем женщиной одинокой, и, как любая женщина, она нуждалась в мужском внимании, ласке и любви. Надо признать, что при всем уме, таланте, интуиции и потрясающей работоспособности Екатерина II вряд ли смогла бы добиться таких успехов в государственной деятельности без опоры на своих соратников, которыми она сумела себя окружить.

Екатерина II и Г. А. Потемкин на памятнике «Тысячелетие России». Новгород Великий

М. О. Микешин. Памятник Екатерине II в Петербурге. 1873 г.

Зная эти личностные особенности императрицы, ее окружение ожесточенно боролось за то, чтобы «подставить» императрице «своего» кандидата, понимая, что «свой», при удаче, превратится во влиятельную фигуру на шахматной доске власти. Например, столь удачную «кадровую находку», как Г. А. Потемкина, «подвела» к императрице ее доверенная приспешница Прасковья Александровна Брюс, которую императрица попросту называла «Брюсшей». Одна из завсегдатаев вечеров в Зимнем дворце писала мужу (20 марта 1774 г.): «Не поверишь,

батюшка, сколько интриг и обманов в людях увидишь; кажется, друзья душевные, целуются, уверяют, а тут-то и друг другу злодействуют...».

Если «случай» удавался, то императрица держала своего любовника на «коротком поводке». Так, один из таких кратковременных «случаев» – П. В. Завадовский – описывал свой распорядок дня в Зимнем дворце следующим образом: «Надобно тебе знать, что я утром от 9 часов до обеда при лице государыни; после обеда почти до 4 часов у нее ж: 7-й и 8-й часы провождаются в большом собрании, где все играют, а я не всякой же день. По окончании сего я опять бываю у государыни, и от 10-го часа уже не выхожу из комнаты своей».

Портрет Г. А. Потемкина-Таврического

Жан де Самсуа. Портрет П. А. Брюс «Весна». Ок. 1756 г.

Фаворитам запрещалось покидать Зимний дворец без разрешения императрицы. Даже ее последний фаворит Платон Зубов, поселившийся в Зимнем дворце, по примеру прочих, «в первом этаже в отдельных комнатах, над которыми были спальня и кабинет Государыни с маленькою потаенною лестницею, сообщающею верх с низом», «не мог без доклада отлучиться из дворца; ему воспрещалось разговаривать с женщинами; и если он приглашался кем-нибудь женатым на обед, то хозяйка должна была выезжать из дому»³¹. Напомним, что 24-летний князь Платон Александрович Зубов поселился в Зимнем дворце в 1791 г., когда императрице было 62 года. Упомянем и о том, что рядом с комнатами Екатерины II проживала камер-юнгфера Мария Саввична Перекусихина (1739–1824). При Екатерине II она заняла совершенно особое положение. Через нее ходатайствовали о самых деликатных делах, добиваясь милостей императрицы. При этом как доверенное лицо императрицы М. С. Перекусихина не «гребла под себя», и о ней современники вспоминали, по большей части, добрыми словами. Так, Ф. В. Ростопчин писал о ней: «Будучи достойно уважена всеми, пользуясь неограниченною доверенностию Екатерины и не употребляя оной никогда во зло...»³². Как камер-фрау Перекусихина первой входила в спальню императрицы по ее звонку, чтобы помочь одеваться.

³¹ «Любимец должен повсюду сопровождать государыню» (Неизвестная рукопись из семейного архива князей Оболенских-Нелединских-Мелецких // Источник. Документы русской истории. № 6. 2001. Электронная версия).

³² Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I-

И. Б. Лампи. Портрет светлейшего князя П. А. Зубова. 1793 г.

М. С. Перекусихина

М. С. Перекусихина родилась в небогатой дворянской семье в Рязанской губернии. Ее старший брат был крупным гражданским чиновником, получив должность сенатора в 1788 г. Императрица привязалась к этой женщине, не имевшей серьезного образования, не знавшей иностранных языков, но безусловно преданной ей. Екатерина II высоко ценила преданность Перекусихиной, называя ее своим другом.

Уверенность в преданности слуги появилась у императрицы не на пустом месте. Дело в том, что именно в комнатах М. С. Перекусихиной кандидаты в фавориты проходили своеобразные смотрины: «Когда Государыня намеревалась возвысить кого на степень своего любовника, тогда приказывала наперснице своей Марьи Саввичне Перекусихиной позвать его к себе обедать, куда приходила Государыня как бы нечаянно. Там разговаривала она с гостем и старалась изведать: достоин <ли> был он того высокого предпочтения, которое ему предназначалось. Когда обращал он на себя внимание Государыни, тогда давала она глазами знать Марьи Савичне, которая по уходе Ея сообщала о сем тому, кто понравился. Рано на другой день являлся к нему придворный доктор, который свидетельствовал состояние здоровья его. В тот же вечер с новым званием камергера или флигель-адъютанта сопровождал он Государыню в Эрмитаж и переходил в приготовленные для него комнаты. Порядок сей завелся с Потемкина и продолжался неизменно».

Современники оставили несколько историй, живописующих отношения этих очень разных женщин: «Случилось Императрице занемочь в одно время с госпожкою Перекусихиною, и каждая беспокоилась о состоянии другой. Екатерина при всей слабости напрягала силы и с помощью вожатых являлась всякой день к навещению усердной своей служительницы. Болезнь Императрицы увеличилась, она готовилась к смерти, но и в сей трепетный час не забывает о приверженной к себе, кладет 25.000 рублей в пакет с надписью: *Марье Савишне после моей смерти*. Небо сжалилось над Россиею, прошла опасность, и Екатерина возвращена к жизни.

Тогда она призывает ту к себе и, вруча ей пакет, говорит так: „Мне было очень тяжело, не думала я опять жить с тобою, однако все помышляла о тебе, и вот тому доказательство. Возьми это как залог моей к тебе дружбы и пользуйся при мне здравствующей тем, что я после себя тебе приготовила“. Г. Перекусихина упала в слезах к ее ногам, вся душа ее изливалась в благодарности. И кто бы не отдал всей жизни при уверенности, что каждый подвиг оценится и что жертва такую самодержицею приемлется?»³³.

Или еще одна симпатичная история, в которой проглядывает самоирония, столь свойственная Екатерине II: «Однажды во время ее отдохновения с г. Перекусихиной на железном канаве, проходящий петербургский франт, взглянув на них весьма спесиво, не скинул шляпы и, насвистывая, продолжал прогулку. – „Знаешь ли, сказала она, как мне досадно на этого шалуна? Я в состоянии приказать его остановить и вымыть за то голову“. – „Ведь он не узнал вас, матушка“, – отвечала та. – „Да я не об том говорю, конечно, не узнал; но мы с тобою одеты порядочно, еще и с галунчиком, щеголевато: так он обязан был иметь к нам, как к дамам, уважение“. Наконец она засмеялась и заключила неудовольствие следующими словами: „И то сказать, Марья Савишна, устарели мы с тобою; а когда бы были помоложе, поклонился бы он и нам“»³⁴.

Когда Екатерина II умирала в своей спальне Зимнего дворца, Мария Саввична безотлучно находилась рядом со своей умирающей хозяйкой до самого ее конца.

Благодарная память о М. С. Перекусихиной³⁵ сохранялась в Зимнем дворце довольно долго, хотя ее по указу Павла I и удалили из резиденции: «Уволить от двора девицу Марию Перекусихину и производить ей по службе пенсию из Кабинета по тысячи двести рублей в год». Павел I пожаловал ей дом на Английской набережной и имение в Рязанской губернии. Ее часто посещали те, кто помнил блестящий век Екатерины II. Так, оказавшись в 1810 г. в Петербурге, графиня В. Н. Головина сочла нужным навестить ее как «особу, замечательную и по своему уму, и по той привязанности, которую она сохранила к государыне, другом которой была целые тридцать лет»³⁶.

Еще одной камер-фрейлиной императрицы была графиня Анна Степановна Протасова. Она оказалась в Зимнем дворце благодаря своему родственнику Г. Г. Орлову. Поскольку внешность молоденькой девушки оказалась своеобразной, то женихов для нее, несмотря на всю заинтересованность императрицы, не нашлось, Екатерина II взяла А. С. Протасову к себе на должность камер-фрейлины. По свидетельству графини В. Н. Головиной, «графиня Протасова, безобразная и черная, как королева островов Таити, постоянно жила во дворце»³⁷.

Со временем Протасова перетянула во дворец и племянниц. Императрица, согласно дворцовым легендам, терпеливо сносила непростой характер своей камер-фрейлины, называя Протасову «моей королевой». В. Н. Головина приводит следующую сценку, рисующую некую принципиальную позицию Екатерины II в отношении ближайшего окружения: «Однажды, когда Протасова была особенно не в духе, ее величество, заметив это, сказала ей: – Я уверена, моя королева, – она так называла ее в шутку, – что вы нынче утром прибили свою горничную и потому как будто в дурном расположении. А вот я, встав в пять часов утра и решив дела в пользу одних и во вред другим, оставила все дурные впечатления и беспокойства в своем кабинете и прихожу сюда, моя прекрасная королева, в самом лучшем настроении»³⁸.

³³ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2097.

³⁴ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2115.

³⁵ М. С. Перекусихина похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Надгробие сохранилось.

³⁶ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

³⁷ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

³⁸ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

Портрет А. С. Протасовой (?). Кон. 1790-х гг.

По свидетельству Карла Массона, служившего некоторое время при великом князе Александре Павловиче и, безусловно, знакомого со многими дворцовыми легендами, именно через комнаты камер-фрейлины А. С. Протасовой в последние годы жизни Екатерины II проходили кандидаты «на должность» фаворита: «Зубова испробовали и направили к m-elle Протасовой и к лейб-медику для более подробного освидетельствования. Они, очевидно, дали благоприятный отзыв»³⁹. Собственно, такие фразы мемуаристов и устойчивые легенды Зимнего дворца приписывали этим двум камер-фрейлинам Екатерины II некие обязанности «пробирдам».

Мы не будем касаться истории и деталей взаимоотношений Екатерины II с ее фаворитами, поскольку нас главным образом интересует Зимний дворец, в стенах которого и происходили все эти истории. В обширной переписке императрицы следы этой «географической

³⁹ Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

составляющей» Зимнего дворца встречаются довольно часто. Например, в феврале 1774 г. Екатерина II писала Г.А. Потемкину: «Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вивлиофику (библиотеку. – И. З.) к дверям, чтоб Вас дожидаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна...». Из письма предстает удивительный образ 45-летней женщины, два часа простоявшей на сквозняке в ожидании любимого человека.

В записке от 1 марта 1774 г. императрица упоминает об «Алмазном покое»: «Ну, добро, найду средство, буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить, но от тебя же стараться буду закрыть. А чувствовать запретить не можешь. Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение-обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пушу в Алмазный, а без того, где скрыть обоюдное в сем случае чувство от любопытных зрителей. Прощай, голубчик».

А. С. Протасова с племянницами. 1792 г.

В обширной переписке Екатерины II с Г. А. Потемкиным и другими фаворитами многократно упоминается «мыленка», входившая в комплекс личных покоев императрицы. 15 марта 1774 г. Екатерина II обращается в Г. А. Потемкину с вопросом: «Здравствуй, Господин подполковник. Каково Вам после мыльни?». Принимала императрица фаворита и в своем будуаре: «Сегодня, если лихорадка тебя не принудит остаться дома и ты вздумаешь ко мне прийти, то увидишь новое учреждение. Во-первых, приму тебя в будуаре, посажу тебя возле стола, и тут Вам будет теплее и не простудитесь, ибо тут из подпола не несет».

Несмотря на довольно свободные нравы того времени, Екатерина II старалась локализовать встречи с любимым человеком комнатами личной половины в юго-восточном ризалите Зимнего дворца. В апреле 1774 г. она сообщала фавориту: «Я пишу из Эрмитажа, где

нет камер-пажа. У меня ночью колика была. Здесь неловко, Гришенька, к тебе приходите по утрам».

Письма Екатерины II к Г. А. Потемкину буквально дышат страстью: «Право, пора и великая пора за ум приняться. Стыдно, дурно, грех, Ек[атерине] Вт[орой] давать властвовать над собою безумной страсти» (после 19 марта 1774 г.); «Гришенок бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милый, целую и обнимаю душою и телом, му[ж] доро[гой]» (после 8 июня 1774 г.). И таких записок очень много.

Был у влюбленных и свой «язык». Тогда, в 1774 г., 45-летняя императрица, искреннее любившая 35-летнего Потемкина, называла его «золотым фазаном», «юлой», «дорогим мужем», «миленьким», а себя «служанкой» и «любящей верной женой»: «С[упруг] м[ой] мил[ый] остаюсь в[сегда] л[юбящей] в[ас] в[ерной] ж[еной] я буду также или вашей покорнейшей служанкой, или вашим покорнейшим слугою, или также обоими сразу».

Любопытно, что исследователи не прошли мимо любовных писем императрицы, сделав их основой для составления некоего словаря любовных словечек, бывших в ходу у несомненно одаренной литературным даром Екатерины II⁴⁰.

Впрочем, на следующий, 1775 г., императрица не менее искреннее писала очередному любовнику – графу П. В. Завадовскому: «Петруса, ты смеешься надо мною, а я от тебя без ума. Я же улыбку твою люблю беспмятно. Петруса милый, все пройдет, окромя моей к тебе страсти. Петруса, мне оставляешь одной тогда, когда его хочется видеть. Петруса, Петруса, преиди ко мне! Сердце мое тебя кличет. Петруса, где ты? Куда ты поехал? Бесценные часы проходят без тебя. Душа мая, Петруса, преиди скорее! Обнимать тебя хочу. Душа моя, ласка моя всегда одинака; я тебя люблю, как душу; я спала слишком много и от того голова болит; нога же, кажется, не в пример лучше вчерашнего. Прощай, душатка»⁴¹.

⁴⁰ Вот некоторые из них: ангел, ангел мой; батинька, батинька-голубчик-милый, батинька-душа, батинька-сударынька, батюшка-голубчик, батя; владыко и cher éроих (дорогой супруг); голубчик, голубчик милый, Гришенок мой, Гришенок бездонный, беспримерный и милейший в свете, Гришинька, Гришинька друг мой, Гришатка мой собственный, голубушка, голубчик-друг-сердечный, голубчик-батинька; душа милая, друг милый, друг собственный, душа милая-голубчик, душенька, душечка, душа моя милая, душеноч мой дурак, дорогая сладкая губки, душатка милая, душечка милая, душечка, душа; жизнь, индейский петух, казак, кот заморской, лев в тростнике, милый, милушка, милуша, миленькой, милая душа, милый и бездонной мой, милый мой и прелюбезной друг, милый друг, милая милуша, милая милушечка Гришинька, мамурка, милая Гришифишечка, милуша милая, милуша милушенька, моя жизнь, мой дорогой, моя душа бездонная, Москов; нежный муж; павлин, радость, сударушка, сударка, славной и сладкой, сударка миленькой, собственной мой милый, сокол мой дорогой; татарин, тигр, шалун, яйцкой, Пугачев, Яур (?). Cher éроих (милый супруг), mon cher ami, та pettuche (мой попугайчик), m'amour (любовь моя), morbleu (чорт возьми, тыфу пропасть!), mon bijou (моя драгоценность; сокровище), mon ami, top beau faisan dog (мой прекрасный золотой фазан), mon mari (мой муж), top cher et bien aimé éроих (дорогой и возлюбленный супруг), mon toutou (амка, гамка, вавка). См.: Язык любви сто лет назад / Сообщ. И.А. // Русская старина. 1878 г. Т. 23. № 11. С. 543–544.

⁴¹ Письма императрицы Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому (1755–1777 гг.).

Портрет великих князей Александра и Константина. Работа цесаревны Марии Федоровны. 1791 г.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Константина Павловича. Пастель. ГРМ

Самыми большими и постоянными фаворитами Екатерины были ее внуки – Александр и Константин. Их она любила, как любит всякая бабушка. Она их растила, воспитывала, выбирала им жен и строила в отношении них далеко идущие планы.

При этом внуки, даже повзрослев, продолжали оставаться для императрицы детьми, и все связанное с их детством она бережно хранила. Когда в 1831 г. вскрыли один из опечатанных комодов императрицы, хранившийся в дворцовой кладовой с 1796 г., то там среди прочего нашли детские вещи, столь дорогие для бабушки: «В узелке детское белье и именно: три пеленки, два бархатных пунцовых свивальника, бумажное одеяло, одна подвязочка и пять ветошечек... В узелке же: детский шелковый шлафрок, одна пара детских бумажных чулок, батистовый фартучек, бумажный нагрудничек, вязаная бумажная фуфаечка, три шапочки»⁴².

⁴² РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 13. Л. 2 // Об открытии комода, поступившего в Кабинет Его Величества после кончины блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины II, и об отправлении некоторых из вещей к разным лицам по назначению г. министра Императорского двора. 1831. Именно благодаря Николаю I сохранились «военные вещи» Екатерины II: «Мундир генеральский зеленого сукна шитый по мужскому с красным воротником и обшлагами; Мундир Преображенского полка зеленого гарнитура; Мундир Семеновского полка; Мундир Измайловского полка; Мундир Конно-гвардейского полка синего гарнитура; Мундир Кирасирского полка синий; Мундир морской Белого гарнитура; Сюртук Преображенский; Мундир армейский зеленого гарнитура». См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. Л. 182. О достопамятных вещах, принадлежавших импе-

Павел I

Будущий император Павел I впервые оказался в Зимнем дворе в дни переворота, возведшего на трон Екатерину II. В ночь на 27 июня 1762 г. маленького 8-летнего Павла внезапно разбудили и под охраной отряда войск перевезли из Летнего (что на Фонтанке) в Зимний дворец. Рядом с наследником неотлучно находился его воспитатель Никита Иванович Панин, который руководил его воспитанием со времен Елизаветы Петровны.

Окончательно в Зимний дворец наследник-цесаревич великий князь Павел Петрович переехал вместе с матерью весной 1763 г., когда позади остались коронационные торжества. Для наследника выделили комнаты, ранее предназначавшиеся самой императрице, находившиеся на втором этаже западного фасада Зимнего дворца, окнами на Адмиралтейство.

Для наследника обустроили комнаты, из них главными стали учебная и библиотека, поскольку мальчику старались дать добротное образование в соответствии с веяниями века просвещения. До 14-летнего возраста Павлу преподавали Закон Божий, математику, историю, географию, физику, языки: русский, французский и немецкий, астрономию. Учебный процесс велся отрывочно, без определенной программы.

Эриксен Виргилиус. Портрет великого князя Павла Петровича в учебной комнате Зимнего дворца. 1766 г.

Большую роль в воспитательном процессе сыграла сформировавшаяся в Зимнем дворце библиотека великого князя, постоянно пополнявшаяся в последующие годы. Эта библиотека погибла во время пожара 1837 г., но остались ее каталоги, перечисляющее 1150 наименований книг в 1697 томах. Исследователи утверждают, что библиотека «работала», поскольку наследник-цесаревич любил читать. Основой для таких выводов стали записки учителя арифметики

наследника С. А. Порошина⁴³, охватывающие несколько лет середины 1760-х гг. Судя по запискам С. А. Порошина, это было ознакомительное чтение, поскольку большинство книг упоминается один, много, два раза. Однако список книг, с которыми знакомился 10-11-летний великий князь, впечатляет: Монтескье, Руссо, Д'Аламбер, Гельвеций, труды римских классиков, исторические сочинения западноевропейских авторов, произведения Сервантеса, Буало, Лафонтена.

Заметим, что вряд ли наследника подобное чтение увлекало, поскольку книги были явно не по возрасту. Однако чтение подобных книг также являлось частью образовательного процесса, приучая наследника к мысли о том, что к нему вполне обоснованно предъявляются более жесткие требования, чем к его ровесникам.

Более предметно великого князя в Зимнем дворце знакомили с произведениями Вольтера. Конечно, в этом факте отчетливо просматривается влияние Екатерины II, которая высоко ценила писателя и философа. Так, в записках Порошина говорится о чтении «вольтеровой Истории Петра Великого», семь раз о Вольтеровой Генриаде, шесть раз о чтении «Задига», неоднократно упоминаются также драматические произведения Вольтера. Но наряду со «взрослыми», серьезными книгами, мальчишка читал не менее серьезные «детские книги». Например, любимые бесчисленными поколениями «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо упомянуты в записках шесть раз.

⁴³ Порошин С. А. Записки служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. СПб., 1844.

Портрет Н. И. Панина

С. А. Порошин

Как всякий мальчишка его возраста, великий князь любил разглядывать разные книжные «картинки» и эстампы. В записи Порошина от 23 октября 1764 г. упоминается: «После стола изволил Его Высочество в опочивальне своей, сидя на канапе, смотреть со мною эстампы, принадлежащие энциклопедическому лексикону». Под «лексиконом» имеется в виду знаменитая энциклопедия Дидро и Д'Аламбера, имевшаяся в библиотеке Павла Петровича в Зимнем дворце.

В библиотеке Зимнего дворца имелись и картографические материалы. По воспоминаниям С. А. Порошина (1 ноября 1764 г.), наследник, «рассматривая генеральную карту Российской империи, сказать изволил: „Эдакая землища, что сидючи на стуле всего на карте и видеть нельзя, надобно вставать, чтоб оба концы высмотреть“».

Задавал мальчик вопросы и о недавнем прошлом. Иногда речь заходила и о его отце – императоре Петре III Федоровиче. Как-то речь зашла о Тайной канцелярии (8 октября 1764 г.). Когда наследник поинтересовался у С. А. Порошина, где теперь Тайная канцелярия, учитель ответил: «„Она отменена Государем Петром Третьим“». На сие изволил сказать мне: – „Так

поэтому покойный Государь очень хорошее дело сделал, что отменил ее“». Я отвечал, что, конечно, много то честным людям сделало удовольствия и что многие непорядки отвлечены тем.

Впрочем, переоценивать интеллектуальные забавы цесаревича не следует. Хотя Порошин и отмечал в «Записках», что, по большей части, Павел Петрович учился с большим желанием, но когда на Пасху наследника на неделю освободили от занятий, то «радость была пре-великая». Возраст есть возраст, и мальчик с удовольствием играл на бильярде, в воланы и шахматы, ставил опыты с электричеством, «забавлялся» у токарного станка. А после Пасхи в 1765 г. «попрыгивал и яйцами бился и катал в спальне»⁴⁴. Мальчик любил поглазеть из окна, часто проводил время на балконе над Салтыковским подъездом, наблюдая жизнь горожан. Наследник большую часть времени проводил в стенах Зимнего дворца, который был для него целым миром. Но и эти родные для него стены надоедали. Поэтому Порошин отметил в записках, что даже прогулка вокруг Зимнего дворца доставила наследнику большое удовольствие и он «рад очень был».

Уже в детстве у Павла Петровича обозначились черты характера, которые отчетливо проявились, когда он повзрослел. Например, торопливость во всем и навязчивая пунктуальность. Так, С. А. Порошин упоминает, как мальчик болезненно переживал малейшие отклонения от дневного графика: «В девятом часу сели ужинать. За столом говорили по большей части о здешних комедиянтах. Его Высочество в неудовольствии был, что уже поздненько становится, и он принужден будет лечь опочивать несколько минут позже обыкновенного. После стола чуть было о сем до великих слез не дошло, за что и достойной выговор сделан. Наконец лег опочивать в десятом часу в исходе».

Будили наследника по утрам его камердинеры. Если мальчик по каким-то причинам ложился спать позже 10 часов вечера, то они его утром не трогали, давая выспаться. Когда мальчишка просыпался и понимал, что «проспал», он сердился: «Встал в почти половине восьмого и нахмурился, что поздно»; «Встал в 8-м часов. Сердился, что проспал и кричал на камердинера, для чего не разбудил» (27 апреля 1765 г.). Потом, когда Павел Петрович вырос, современники в один голос подчеркивали его пунктуальность.

Что касается торопливости, то вот еще один характерный отрывок из записок С. А. Порошина (7 декабря 1764 г.), который отчетливо перекликается с воспоминаниями об императоре Павле I: «У Его Высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом <...> за час еще времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся (т. е. в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурыера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть поранее. О ужине такие же заботы <...>. После ужина камердинерам повторительные указы, чтоб как возможно они скорей ужинали с тем намерением, что как камердинеры отужинают скорее, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась, заботится, чтоб поутру не проспать долго. И сие всякой день почти бывает, как ни стараемся Его Высочество от того отвадить».

И действительно, когда 42-летний Павел Петрович взойшел на императорский трон, эта судорожная торопливость в делах бросалась в глаза очень многим. Казалось, император предчувствовал свою недалекую кончину и торопился изменить страну своими бесчисленными указами и распоряжениями.

Как известно, Павел I очень серьезно относился к воинской службе и ношению военной формы. Пожалуй, именно Павел Петрович столь отчетливо обозначил эту наследственную черту Романовых, устойчиво воспроизводившуюся вплоть до Николая II. А начало этому

⁴⁴ Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С. А. Порошина). 1765 г. / Сообщ. С. Н. Абразанцевым // Русский архив. 1869. Вып. 1.

«процессу», видимо, было положено 27 июля 1765 г.: «Сего утра прислал Захар Григорьевич Чернышов⁴⁵ к Его Высочеству книжку „Описание и изображение всех здешних мундиров“. Сей книжке весьма рад был Его Высочество. Перебирал ее раз десять». Так или иначе, в последующие годы Павел Петрович получил хорошую военную подготовку. В 1772 г., в 18 лет, он начал исполнять обязанности генерал-адмирала и фактически командовал Кирасирским полком, полковником которого являлся с 1762 г.

Из детства Павла I и его увлечение Мальтийским орденом. После воцарения оно привело его не только к тому, что император стал гроссмейстером Мальтийского ордена, но и к далеко идущим планам личной встречи с папой Римским. Мы можем даже привести точную дату, когда в стенах Зимнего дворца 10-летний мальчик впервые услышал о Мальтийском ордене, – 28 февраля 1765 г. В этот день С. А. Порошин читал будущему императору «Вертонову Историю об Ордене Мальтийских кавалеров. Изволил он потом забавляться и, привязав к кавалерии своей флаг адмиральской, представлять себя кавалером Мальтийским». А через несколько дней Павел Петрович «по окончании учения забавлялся, привеся к кавалерии своей флаг адмиральской. Представлял себя послом Мальтийским и говорил перед маленьким князем Куракиным речь».

⁴⁵ Чернышев Захарий Григорьевич (1722–1784) – граф, генерал-фельдмаршал. Прославился успешными действиями в годы Семилетней войны. В 1763–1774 гг. возглавлял Военное ведомство. Генерал-губернатор Москвы (1782 г.).

А. Рослин. Портрет графа З. Г. Чернышева. 1776 г.

Кроме чтения, в воспитательном процессе великого князя предусмотрели и трудовое воспитание. Это решение могла принять только Екатерина II, последовательно реализовывавшая в стенах Зимнего дворца воспитательные идеи просветителей. В результате в покоях наследника установили токарный станок, и он по примеру своего великого прадеда обучился работать на нем. Кстати говоря, эта традиция обучения работе на токарном станке с большим или меньшим успехом реализовывалась вплоть до начала XX в. С. А. Порошин записал в дневнике 2 ноября 1765 г.: «Его высочество, побегавши, изволил забавляться около токарного станка, потом играть на серинетах⁴⁶ и смотреть книгу, где разные изображены птицы»⁴⁷.

Поскольку мальчика окружал круг учителей, старавшихся развлекать юного наследника познавательными разговорами, то мнения его о жизни вне Зимнего дворца формировались во многом благодаря этим беседам. Когда в апреле 1765 г. 10-летнему Павлу сообщили о смерти М. В. Ломоносова, то явно с чужих слов последовал следующий пассаж: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал»⁴⁸. Эта фраза отражала подспудную борьбу, которая велась между русскими и немецкими учителями за влияние на наследника. В результате этой борьбы добросовестного наставника великого князя С. А. Порошина «съели», удалив его из Зимнего дворца.

⁴⁶ Серинет – маленький органчик высокого строя, с рукояткой. Служит для приучения птиц к пению мелодий, в особенности чижигов (от *фр. serin*) и канареек.

⁴⁷ Семенов В. А. Читательские интересы императора Павла I. Электронная версия.

⁴⁸ Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича.

С. Тончи. Портрет императора Павла I в короне гроссмейстера Мальтийского ордена. 1798–1801 гг.

Согласно педагогическим воззрениям Екатерины II, наследника держали в строгости. Стандартный режим для наследника в стенах Зимнего дворца включал подъем в шесть часов утра, туалет, завтрак и занятия до часу дня. Потом следовали обед, небольшой отдых и снова занятия. Это не был жесткий, раз и навсегда установленный режим. Серьезные коррективы в него вносили обязательные представительские обязанности и возрастные болезни.

По традиции покои матери и сына располагались в разных концах Зимнего дворца. Тем не менее цесаревич Павел Петрович постоянно бывал на половине матери, как правило, вече-

ром. В комнатах императрицы он играл в карты, бильярд, шахматы, дурачился с молодыми фрейлинами. Его учитель записал в дневнике 10 апреля 1765 г.: «Государыня в фонарике, не очень была здорова. Пришед окно отворили. Не отходил от окна и поскакивал. Черни много зевало. Нищему рубль дал»⁴⁹. Так и видится в этих коротких строках, залитый огнями Зимний дворец, толпа черни, глазеющая на окна покоев императрицы и подпрыгивавший мальчишка-наследник, бросающий из окна рубль нищему.

Кроме визитов к матери, вечерние часы отводились для представительских обязанностей, что тоже было очень важной частью воспитательного процесса. Наследник не только присутствовал на придворных спектаклях, но сам несколько раз выступал на сцене придворного театра в юго-западном ризалите Зимнего дворца.

Как правило, в десять часов мальчик укладывался спать. Подобный режим для подрастающих великих князей воспроизводился вплоть до Александра III. Можно констатировать, что наследник Павел Петрович рос в окружении взрослых и с детства очень серьезно относился ко всем своим обязанностям.

Несомненной душевной травмой для взрослеющего мальчика стала история гибели его отца – императора Петра III Федоровича, шепотом рассказанная «в подлинной версии» наследнику престола «доброжелателями». Мать и сын очень рано душевно отделились друг от друга и их отношения приняли характер подспудного неприятия друг друга. Проще говоря, ни мать, ни сын не любили друг друга. И это мягко сказано. По словам В. О. Ключевского, «мать не любила сына. У нее всегда для него вид государыни, холодность, невнимательность – никогда матерью не являлась».

Поскольку мальчика воспитывали «на французский манер», а, кроме этого, окружавшие мальчика взрослые не стеснялись обсуждать в его присутствии собственные любовные приключения, то довольно рано у мальчика появились «нежные мысли». С. А. Порошин упоминает, что Павел Петрович влюбился во фрейлину Екатерины II Веру Николаевну Чоглокову в 10-летнем возрасте (1 сентября 1765 г.): «Государь Цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал имя той фрейлины, которая больше всех ему нравится. Как подошли кое-кто к окошку, то он тотчас стереть изволил». Следует упомянуть, что фрейлина была только на 2 года старше наследника. Через несколько недель уже 11-летний Павел на маскараде ухаживал за фрейлиной (как тогда выражались – «махал изрядно»): «Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была, и приступы Его Высочества не отбивала суровостью».

По свидетельству Порошина, «шутя говорили, что пришло время великому князю жениться. Краснел он и от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец изволил сказать: „Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв: наемни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит“. Смеялись много о сей его высочества заботливости». В 1769 г. Вера Николаевна Чоглокова вышла замуж за графа Антона Миниха, внука фельдмаршала. Забегая вперед, заметим, что «рогами» наследник обзавелся сразу же после первой женитьбы и, действительно, их веса совершенно не почувствовал.

После 14 лет в образовательной программе великого князя появились взрослые науки: коммерция, казенные дела, политика внутренняя и внешняя, войны морские и сухопутные, «учреждение мануфактур и фабрик и прочих частей, составляющих правление государства».

В 1772 г. Павле Петрович стал совершеннолетним, ему исполнилось 18 лет. Тогда ходили подспудные разговоры, что Екатерина II должна передать власть своему совершеннолетнему сыну, но все те, кто хорошо знал императрицу, только улыбались, слыша эти разговоры. Поэтому 20 сентября 1772 г. прошло в Зимнем дворце как совершенно обычный день, и факти-

⁴⁹ Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича.

чески положение великого князя осталось прежним. К делам его не призвали, а только начали искать ему невесту⁵⁰.

Свадьба наследника стала завершением почти двух лет забот императрицы Екатерины II. Жenu своему сыну императрица подбирала тщательнейшим образом. В результате в Россию «на кастинг» приехали три кандидатки: принцессы дармштадские Амалия, Вильгельмина и Луиза. Павел Петрович выбрал принцессу Вильгельмину, которая после миропомазания 15 августа 1773 г. превратилась в великую княжну Наталию Алексеевну (1755–1776). Екатерина II писала: «...Мой сын с первой же минуты полюбил принцессу Вильгельмину, я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он, и так как эта принцесса во всех отношениях превосходит своих сестер... старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой влюблен...».

29 сентября 1773 г. в Зимнем дворце состоялась свадьба 19-летнего цесаревича Павла Петровича с Наталией Алексеевной. После венчания вельможи собрались в Тронном зале Зимнего дворца, где находился сервированный стол. Далее последовал бал, открытый новобрачными. Платье невесты по традиции было буквально усыпано бриллиантами. Так в Зимнем дворце начался новый этап в жизни наследника Павла Петровича.

Отдельного двора для великокняжеской четы не образовали, поскольку молодая семья осталась жить в Зимнем дворце под плотным контролем императрицы. У Екатерины II, конечно, имелась вся необходимая информация о положении дел на половине молодой семьи, поскольку буквально после свадьбы сына она определила к его условному двору «своего» человека – генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова. 5 ноября 1773 г. она писала генералу: «Николай Иванович! Я вас избрала, чтобы быть при сыне моем, а на какой ноге и в какой должности, о сем завтра поутру в десятом часу, когда вы ко мне придете, я сама с вами изъяснюсь. Впрочем, остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина»⁵¹.

⁵⁰ Начало поиска немецкой невесты для Павла Петровича относят к 1768 г.

⁵¹ Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 // Русский архив. 1864.

А. Рослин. Портрет великой княгини Наталии Алексеевны. 1776 г.

Поскольку все отчетливо понимали, что Салтыков будет «глазами» Екатерины II при молодом дворе, то положение генерала оказалось очень сложным. В инструкции, написанной Екатериной II, Салтыкову предписывалось: «1. Старайтесь понравиться моему сыну. 2. Оказываете ему возможную предупредительность, соединенную с большим уважением. 3. Старайтесь приобрести его доверие, но не спешите в сем и без всякой суеты, ибо сначала думать надлежит, что по молодости и по другим побочным причинам он несколько дичиться станет. Но вы на сие не смотрите, и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведение».

В этом же документе императрица оговорила, что Салтыков будет жить «при дворе». Генералу выделили огромную квартиру для его семьи, находившуюся прямо над покоями цесаревича Павла Петровича. Очень важным было то, что в инструкции императрица четко оговорила свободный доступ Салтыкова на свою половину: «Вам можно говорить со мною и сове-

товаться сколько угодно: можете являться ко мне, когда вздумается... В случае нужды, когда вам нужно будет настаивать, опирайтесь на мою волю».

Одновременно с инструкцией, данной Салтыкову, императрица написала письмо и своему сыну: «Любезный сын! Я назначила к тебе генерала Салтыкова. Таким образом при тебе будет лицо значительное, и не для того только, чтобы придать важности твоим выходам, но и для того, чтобы держать в порядке людей, назначенных к твоему двору, чего требует твое звание... Это человек исполненный честности и кротости, и везде, где он ни служил, им были довольны; поэтому, я не сомневаюсь, что вы поладите... С женитьбою кончилось твое воспитание, невозможно долее оставлять тебя на положении ребенка и в двадцать лет держать под опекою. Перед публикою ответственность теперь падет на тебя одного, и она жадно будет следить за твоими поступками. Эти люди все подсматривают, все подвергают критике, и не думай, чтобы оказана была пощада тебе, как и мне»⁵². Надо заметить, что это более чем трезвая оценка отношения высшего света как к самой императрице, так и к наследнику. Иллюзий по поводу «любви» ближайшего окружения Екатерина II лишилась очень давно...

⁵² Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 // Русский архив. 1864.

М. Ф. Квадаль. Портрет графа Н. И. Салтыкова. Германия

И. С. Саблуков. Портрет Екатерины II

Несмотря на вполне зрелый возраст Павла Петровича, Екатерина II не торопилась подключать его к деловым заботам по управлению страной. В 1773 г. она предложила сыну назначить для того «час или два в неделю, по утрам, в которые ты будешь приходить ко мне один для выслушания бумаг. Таким образом, ты ознакомишься с ходом дел, с законами страны и моими правительственными началами. Согласен?». Тем не менее даже это скромное знакомство с непарадной стороной государственной деятельности принесло свои плоды.

С оригинала П. Батони. Портрет великого князя Павла Петровича. 1782–1787 гг.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Павла Петровича. 1780-е гг.

В 1774 г. наследник представил матери документ под названием «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оно́го, и касательно обороны всех пределов».

Говоря о семейной жизни цесаревича, заметим, что Екатерина II обманулась в своих надеждах, поскольку невестка оказалась совсем не той кроткой девочкой, какой казалась до замужества. Во-первых, Наталья Алексеевна сумела сразу же поставить вспыльчивого Павла

Петровича под свой жесткий контроль. Английский посланник Д. Харрис отмечал, что она «управляла мужем деспотически. Не давая себе даже труда выказать малейшей к нему привязанности». Во-вторых, невестка императрицы отчетливо и постоянно пыталась обозначить некую свою «оппозицию» к «большому двору». В результате между западным фасадом и юго-восточным ризалитом Зимнего дворца обозначилось нешуточное охлаждение отношений. И это происходило на фоне застарелых обид между сыном и матерью. О таланте к интригам красноречиво говорит то, что великой княгине Наталии Алексеевне, несмотря на десятки внимательных глаз, удавалось скрывать свою любовную связь с другом цесаревича – графом Андреем Разумовским.

Екатерина II давала невестке следующую, не без яда написанную характеристику: «... Опасаясь злых, мы не доверяем целой земле. Не слушаем ни хороших, ни худых советов. До сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всем этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и все хотят делать по-своему. Спустя полтора года и более мы еще не говорим по-русски, хотим, чтобы нас учили, но не хотим быть прилежными. Долгов у нас вдвое больше, чем состояния, а едва ли кто в Европе столько получает». Таковы были обстоятельства первого брака Павла I, который начался и завершился в стенах Зимнего дворца.

К весне 1776 г. отношения между старым и молодым двором обострились до крайности. Однако затянувшийся конфликт между свекровью и невесткой, сыном и матерью прервала трагедия – 15 апреля 1776 г. в Зимнем дворце во время родов, после пяти дней мучений, умерла 20-летняя жена Павла Петровича – великая княгиня Наталья Алексеевна. Первым погиб ребенок. Во время этих трагических событий Екатерина II и Павел Петрович неотлучно находились в комнатах наследника, поблизости от рожавшей великой княгини. Но в день смерти великой княгини Екатерина II уехала в Царское Село, увезя с собой сына⁵³.

⁵³ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1278.

А. Рослин. Портрет князя Андрея Кирилловича Разумовского. 1776 г.

Курировали роды врачи Роджерсон и Крузе. Когда стало ясно, что великая княгиня родить не в состоянии, встал вопрос о кесаревом сечении или о плодоразрушающей операции с помощью акушерских щипцов. Решение должна была принять императрица. Пока принималось непростое решение, ребенок погиб, а вскоре у роженицы начался сепсис, приведший к ее смерти.

Для того чтобы пресечь слухи⁵⁴, начавшиеся распространяться по Петербургу, в Зимнем дворце провели вскрытие умершей великой княгини. Как выяснилось, великая княгиня не могла родить, поскольку имела дефекты в развитии тазовых костей⁵⁵. Тут возникают вопросы к врачам, следившим за развитием беременности, но об этом речь пойдет ниже...

Императрица писала своим европейским корреспондентам: «Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать и мы с нею. У меня сердце истерзалось; я не имела ни минуты отдыха в эти пять дней и не покидала великой княгини ни днем, ни ночью до самой кончины. Она говорила мне: „Вы отличная сиделка“. Вообразите мое положение: надо одного утешать, другую ободрять. Я изнемогла и телом и душой...».

⁵⁴ Слухи обвиняли Екатерину II чуть ли не в завуалированном убийстве невестки.

⁵⁵ В детстве принцесса упала, сильно ударив спину. Врачи лечили ее притираниями, рекомендовав впоследствии больше гулять и танцевать. Впрочем, в других источниках упоминается об операции по удалению «хвостика» – «лишнего» позвонка на копчике. Так или иначе, проблемы у принцессы в области тазовых костей действительно имелись. И эти проблемы придворные врачи просмотрели.

Для цесаревича одновременная утрата жены и ребенка оказались потрясением. Не менее тяжелым ударом для него стала обнаруженная в бумагах жены любовная переписка Натальи Алексеевны с его другом – графом Андреем Разумовским, чью подлинность подтвердил духовник императрицы. Поэтому Павел Петрович не присутствовал на похоронах супруги и через несколько дней после траурной церемонии принял решение о новой женитьбе.

Запасная кандидатура на роль невестки у Екатерины II уже имелась, да и Фридрих II, «подсунувший» к Императорскому двору «бракованную» принцессу, стремился помочь матримонимальным планам Екатерины II. Это была 17-летняя вюртембергская принцесса София-Доротея, правда, помолвленная с одним из немецких принцев. Уже 18 апреля 1776 г. Екатерина писала: «Я сомневаюсь, чтобы он (принц Людвиг. – И. З.) женился на принцессе вюртембергской, несмотря на то, что они уже помолвлены: он совсем не стоит ее».

Екатерина II была человеком дела и 13 июня 1776 г. Павел Петрович отправился в Берлин⁵⁶, для того чтобы повидаться с принцессой. Конечно, банальная история с предательством жены и лучшего друга и смерть ребенка тяжело отразилась на характере великого князя, усилив его негативные стороны.

Пока сын сватался, Екатерина II решала не менее серьезные вопросы. Например, она немедленно оплатила все долги, которые успела набрать за очень короткое время ее покойная невестка: «О заплате по шести счетам долгов по комнатам Его Императорского Высочества и покойной великой княгини 200 250 р. 36 к. и 400 червонных»⁵⁷ (1 мая 1776 г.). Затем она распорядилась привести половину сына в Зимнем дворце в соответствующий вид: «Об отпуске на позолоту столовой Его Высочества. 1746 р.» (16 августа 1776 г.).

События развивались молниеносно. К сентябрю очередная немецкая принцесса прибыла в Зимний дворец. 14 сентября 1776 г. в Большом соборе Зимнего дворца состоялось миропомазание принцессы, ее нарекли Марией Федоровной. 15 сентября 1776 г. там же состоялось обручение Марии Федоровны с Павлом Петровичем. 26 сентября 1776 г. в Зимнем дворце состоялась свадьба, и женой Павла Петровича стала София-Мария-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, в православии Мария Федоровна. В результате цесаревич, овдовев в апреле 1776 г., уже через пять месяцев вновь женился.

Через год после заключения брака, 12 декабря 1777 г., великая княгиня родила в Зимнем дворце первенца – будущего Александра I. Тогда любящая бабушка немедленно озаботилась ванночкой для младенца, заказав ее «серебрянику Кепингу», уплатив за нее из «комнатной суммы»: «Употреблено на дело ванны 1 пуд 35 фунтов 62 золотника и 95 доль на 1721 р.».

Вскоре дворец наполнился детскими голосами, поскольку дети рождались буквально один за другим. Всего в семье Павла I родилось четыре мальчика: Александр (12 декабря 1777); Константин (27 апреля 1779); Николай (25 июня 1796); Михаил (28 января 1798) и шесть девочек: Александра (29 июля 1783); Елена (13 декабря 1784); Мария (4 февраля 1786); Екатерина (10 мая 1788); Ольга (11 июля 1792) и Анна (7 января 1795). Для детей отвели комнаты второго этажа юго-западного ризалита Зимнего дворца.

Следует подчеркнуть, что молодая супружеская чета так укрепила генетический фундамент правящей императорской фамилии, что вплоть до 1917 г. в ней не было даже намека на угрозу династического кризиса, вызванного отсутствием наследников мужского пола.

К началу второго брака характер наследника Павла Петровича вполне определился – мнительный и недоверчивый, торопливый и непредсказуемый, моментально вспыхивавший по пустяковому поводу, готовый «сдать» свои недавние искренние привязанности. И это в сочетании с живым и любознательным умом, благородством и рыцарственностью, стремлением при-

⁵⁶ Цесаревича в этой поездке сопровождали фельдмаршал Румянцев, Н. И. Салтыков, камергер Нарышкин, камер-юнкер А. Куракин, секретарь Николай и хирург Бек.

⁵⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3891. Л. 82. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1776 г.

нести пользу стране. Эти противоречивые начала вполне уживались в одном человеке. Особенности характера цесаревича в первую очередь отражались на Марии Федоровне, отношения с которой, несмотря на обилие детей, не выглядели безоблачными, хотя с ее стороны к тому поводов не было. Например, в одном из писем, датированных сентябрем 1796 г., она писала мужу: «Обнимаю вас от всего сердца и прошу вас хотя немного думать о вашей Маше»⁵⁸.

⁵⁸ Мария Феодоровна. Письма к великому князю Павлу Петровичу [5 и 8 сентября 1796 г.] // Русская старина 1874. Т. 9, № 3. С. 485.

А. Рослин. Портрет великой княгини Марии Федоровны. 1777 г.

Пока великий князь Павел Петрович не отъехал в Гатчину, он вел образ жизни, соответствующий его статусу наследника. Он виделся с матерью-императрицей ежедневно, утром и вечером, и допускался «в совет императрицы». В его комнатах в Зимнем дворце регулярно устраивались праздники, сопровождавшиеся танцами и трапезами. В воспоминаниях графини В. Н. Головиной упоминается, что в середине 1780-х гг. по понедельникам в Зимнем дворце на половине наследника устраивались балы и ужины⁵⁹. Она же писала, что по субботам «у наследника устраивался прелестный праздник, который начинался прямо со спектакля. Бал, всегда очень оживленный, продолжался до ужина, подававшегося в той же зале, где играли спектакль. Большой стол ставился посреди залы, а маленькие столы в ложах. Великий князь и его супруга ужинали на ходу, принимая своих гостей в высшей степени любезно. После ужина бал возобновлялся и заканчивался очень поздно. Гости разъезжались при свете факелов, что производило очаровательный и своеобразный эффект на ледяной поверхности красавицы Невы»⁶⁰.

Что касается мнительности цесаревича, то одно из происшествий в Зимнем дворце он принял за попытку его отравления. Однажды ему подали за ужином сосиски – немецкое кушанье, которое он очень любил. Когда великий князь приступил к трапезе, он нашел в сосисках несколько осколков стекла. Надо признать, что это был действительно серьезный повод, для того чтобы вспылить. Цесаревич встал из-за стола, взял блюдо и отправился с ним на половину матери, в запальчивости заявляя, что его хотели отравить. Это очень характерный маршрут в поисках отравителя – на половину Екатерины II. Императрицу взволновало происшествие, и она немедленно увезла Павла Петровича с собой в Царское Село. Произошедшее вполне можно расценить как попытку покушения на жизнь цесаревича.

Разрыв между Павлом и Екатериной II вышел на новый уровень после того, как императрица фактически забрала у молодых родителей их первенцев – Александра и Константина. Цесаревича не подпускали к серьезным делам, у него отняли детей, его взгляды на государственное устройство и политику игнорировались, фавориты императрицы смотрели на него сверху вниз. В начале 1780-х гг. западный фасад и юго-восточный ризалит Зимнего дворца уже тихо ненавидели друг друга.

⁵⁹ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

⁶⁰ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

А. Белякин. Прогулка императрицы Екатерины II с великими князьями Александром и Константином в Царском Селе

Рождение детей еще больше осложнило отношения Екатерины II с сыном. В качестве примера приведем то, что всем (!!! – И. З.) детям молодой супружеской четы имена давала именно Екатерина II. По воспоминаниям сына духовника Екатерины II протоиерея Ивана Ивановича Панфилова, служившего при императрице 24 года, она «отдавала духовнику записку, в коей собственной рукой обозначала имя младенца». На этих записках, по сей день хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, рукой императрицы написано: «Александр 12 декабря 1777 г. в Петербурге – крещен 20 декабря»; «Константин 27 апреля 1779 г. в Царском Селе – крещен 5 мая»; «Александра 29 июля 1783 г. в Царском Селе – крещена 6 августа»; «Елена 13 декабря 1784 г. в Петербурге – крещена 22 декабря»⁶¹; «Мария 4 февраля 1786 г. в Петербурге – крещена 12 февраля»⁶²; «Ольга»⁶³ 11 июля 1792 г. в Царском Селе – крещена 18 июля»⁶⁴. Как мы видим, при жизни Екатерины II в Зимнем дворце Мария Федоровна родила 3 детей.

Английский посланник Гаррис писал: «Охлаждение между императрицей и великим князем увеличивается со дня на день. Она обращается с ним с полнейшим равнодушием, можно сказать, с пренебрежением; он же не дает труда скрывать свое неудовольствие и, когда смеет, выражает его свободно и в самых резких словах... С великим князем и с великой княгиней Потемкин и его партия обращаются как с лицами, не имеющими никакого значения. Цесаревич чувствует это пренебрежение и имеет слабость высказывать это в разговорах, хотя не властен сделать ничего более. Вследствие природной застенчивости и непостоянства нрава, которое не сглаживается с годами, он не может оправдать опасений, внушаемых императрице Потемкиным». Об отношениях с матерью свидетельствует неосторожный ответ Павла Петровича на вопрос французского короля, который поинтересовался – правда ли, что в его свите нет никого, на кого он мог бы положиться. Наследник с горечью ответил: «Ах, я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился самый маленький пудель, ко мне привязанный: мать моя велела бы бросить его в воду прежде, чем мы оставили бы Париж».

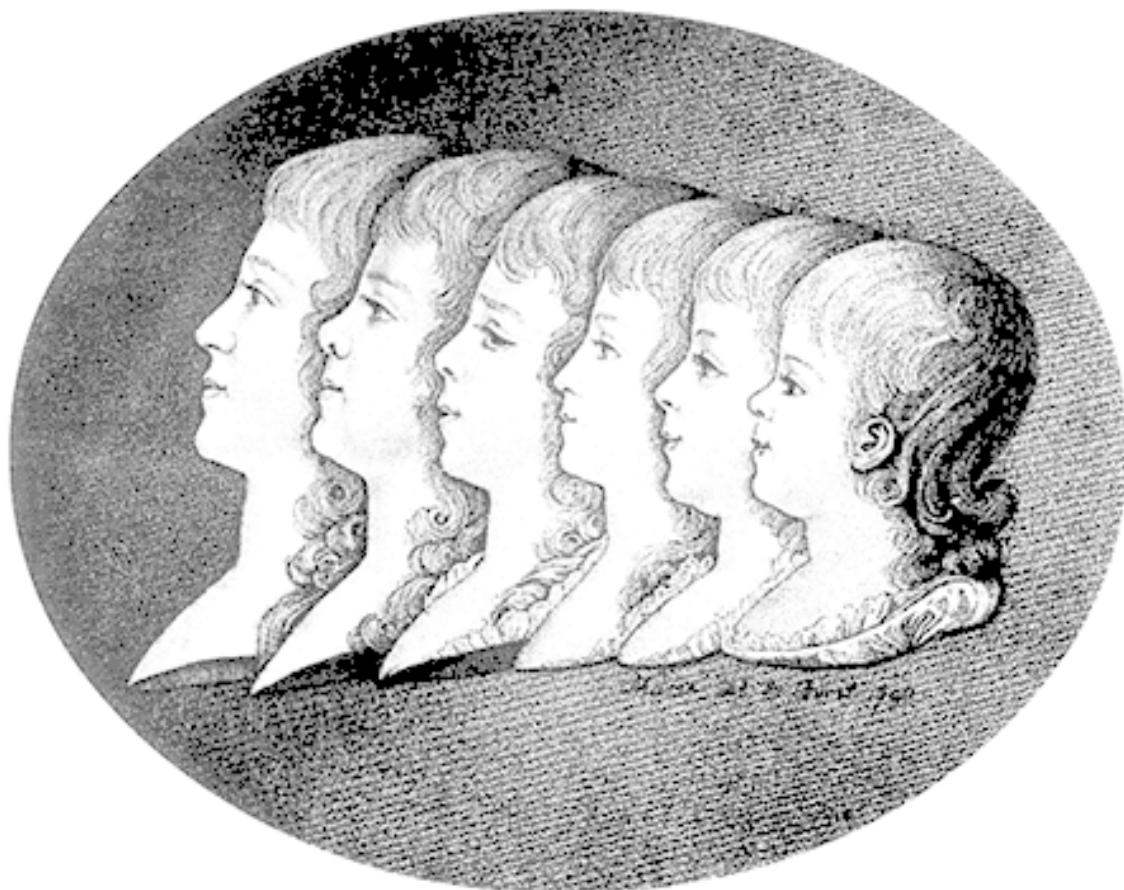
20 ноября 1782 г. великокняжеская чета возвратилась из путешествия по Европе в Зимний дворец. К этому времени мать и сын окончательно определились в своем отношении друг к другу. Именно тогда у Екатерины II вызревает решение передать трон своему любимому внуку – великому князю Александру Павловичу. Однако этот семейный нарыв был купирован, когда 6 августа 1783 г. Екатерина II подарила Павлу Петровичу мызу Гатчину, куда он и переехал на жительство из Зимнего дворца.

⁶¹ На записке приписка: «Имя праздновать с Константином».

⁶² На записке приписка: «Праздновать память 22 февраля».

⁶³ Великая княжна Ольга Павловна умерла в 1795 г. Похоронена в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 447. Записки с именами, которые она желала дать своим внукам при крещении: Александр, Константин, Александра, Елена, Мария, Ольга. 1777–1795 гг.

Великие князья Александр, Константин и великие княжны Александра, Елена, Мария и Екатерина. С камеи, выполненной великой княгиней Марией Федоровной. 1790 г.

Медальон с портретом графа и графини Северных. 2-я пол. XVIII в. Россия

С той поры Павел Петрович сравнительно редко посещал свою половину в Зимнем дворце. Как правило, в главную императорскую резиденцию он приезжал к 24 ноября, дню тезоименитства Екатерины, и уезжал в начале февраля. Но, даже живя в Зимнем дворце, наследник старался не принимать участия не только в официальных праздниках, но и уклонялся от встреч с императрицей. Екатерина II писала Салтыкову: «Великий князь прислал сказать, что у него лихорадка и что он в постели лежит. Я бы желала знать, что о сем доктора говорят. Буде знаете, прошу мне сказать». Думается, что императрицу беспокоило не только здоровье сына... Об отношениях в императорской семье красноречиво говорит и то, что в обширной иконографии Екатерины II, Павла I и Марии Федоровны нет ни одного совместного портрета...

Случались годы, когда наследник вообще не жил в Зимнем дворце, а бывал в нем только наездами, но не реже раза в неделю. Как вспоминал один из очевидцев, «он приезжал с почтением раз в неделю, в назначенные дни. Приезд его вселял почтение и страх, когда, впрочем, страх не имел никогда места при императрице; но для Павла Петровича все в струнку. Мы хотя и птенцы еще были, и нам политика не была известна, однако же ожидаемое прибытие заставляло нас держать, как ныне говорят, руки по швам. Должность пажей состояла еще двери

отворять; следовательно, мы были первые видимы, и вы можете судить, как мы оправлялись, оглядывались, боялись и цепенели»⁶⁵.

Старшие сыновья Павла Петровича продолжали жить в Зимнем дворце в комнатах, расположенных по западному фасаду. Следовательно, с родителями они виделись не чаще одного раза в неделю. Только с весны 1795 г. великие князья Александр и Константин стали ездить к родителям в Гатчину и Павловск четыре раза еженедельно, занимаясь там маневрами, учениями и парадными.

Судьбоносным для 42-летнего цесаревича стал день 5 ноября 1796 г., когда курьер принес в Гатчину первое известие о смертельной болезни Екатерины II. Потом это сообщение подтвердила целая череда посланных. Примечательно, что одного из них послал великий князь Александр Павлович. Его депеша, написанная по-французски, сохранилась: «Она очень плоха. Если будет что-то еще, я немедленно сообщу Вам»⁶⁶. Очень характерно, что любимую бабушку в записке, адресованной отцу, Александр Павлович называет обезличенно – «Она».

Поскольку ситуация могла повернуться по-разному, сам Павел Петрович набросал императрице записку, полную показного лицемерия: «Гатчина, 5 ноября 1796 г. Моя дражайшая матушка! Я осмеливаюсь засвидетельствовать Вам свое почтение, равно как и таковое же моей супруги, и назваться Вашего императорского величества послушнейшим сыном и покорнейшим слугой. Павел». Затем, в пятом часу пополудни, сопровождаемый Марией Федоровной и некоторыми из своих верных гатчинцев, цесаревич выехал в Зимний дворец. Фактически «послушнейший и покорнейший» сын ехал брать власть.

В Зимний дворец великокняжеская чета прибыла в 8 часов 30 минут вечера. В главной императорской резиденции, буквально забитой собравшимися придворными и высшими правительственными лицами, Павла Петровича встречали уже как государя, а не наследника. Пример для всех подали великие князья Александр и Константин Павловичи, явившиеся к отцу в гатчинских мундирах, в которых они не показывались при Дворе императрицы. Екатерина II еще была жива, но без сознания.

⁶⁵ Башилов А. А. Молодость Башилова (Записки о временах Екатерины II и Павла I) // Заря. 1871. С. 196.

⁶⁶ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1307.

А. Орловский. Великий князь Константин Павлович. 1802 г.

В. Л. Боровиковский. Портрет императора Александра I

Прибыв в Зимний дворец, Павел Петрович прежде всего отправился к умирающей матери. В миг встречи все обиды забылись: Павел плакал, целовал руки матери и искренне горевал. Думается, что тогда его чувства были подлинными. В то же время наверняка он уже почувствовал себя императором, проведя ночь на половине умирающей императрицы, в комнате, смежной с ее спальней. Туда, гремя ботфортами, подходили мимо умиравшей императрицы гатчинские офицеры, бравшие Зимний дворец и всю столицу под свой контроль.

Совершенно новые для Зимнего дворца фигуры гатчинских офицеров-строевиков в незнакомых мундирах вызвали тихую панику не только среди окружения императрицы, но и у холеных гвардейских офицеров, давно забывших не только что такое штыковые атаки под картечью врага, но и простую службу, согласно уставам.

К утру 6 ноября 1796 г. все встало на свои места. Планы Екатерины II по передаче власти внуку оказались «похоронены». Павел I распорядился передать ему императорскую печать и разобрать в присутствии великих князей Александра и Константина документы, находившиеся в кабинете императрицы. Более того, Павел I сам взял последнюю рабочую тетрадь Екатерины II, уложил ее на скатерть, куда начали складывать и все бумаги, извлекаемые из шкафов и ящиков. Когда все было собрано, скатерть увязали лентами и получившийся узел опечатали.

Только вечером 6 ноября, в 21 час 45 минут, Екатерина II Великая «почила в Бозе». Около полуночи в Большой церкви Зимнего дворца состоялась церемония принятия всеми сановниками и придворными чинами присяги на верность императору Павлу I и его наследнику, великому князю Александру Павловичу.

В очень короткие сроки не только Зимний дворец, но и вся столица изменили свой облик. На современников изменения произвели оглушающее впечатление. По словам Г. Р. Державина, «повсюду загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом». Другой очевидец вспоминал: «Все чрез сутки приняло совсем новый вид. Перемена мундиров в полках гвардии, вахт-парады, новые правила в военном учении; одним словом, кто бы за неделю до того уехал, по возвращении ничего бы не узнал, что со мною и случилось по моем приезде из Москвы. Дворец как будто обратился весь в казармы: внутренние бекеты⁶⁷, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, с приказами, особливо поутру. Стук их сапогов, шпор и тростей, все сие представляло совсем новую картину, к которой мы не привыкли»⁶⁸.

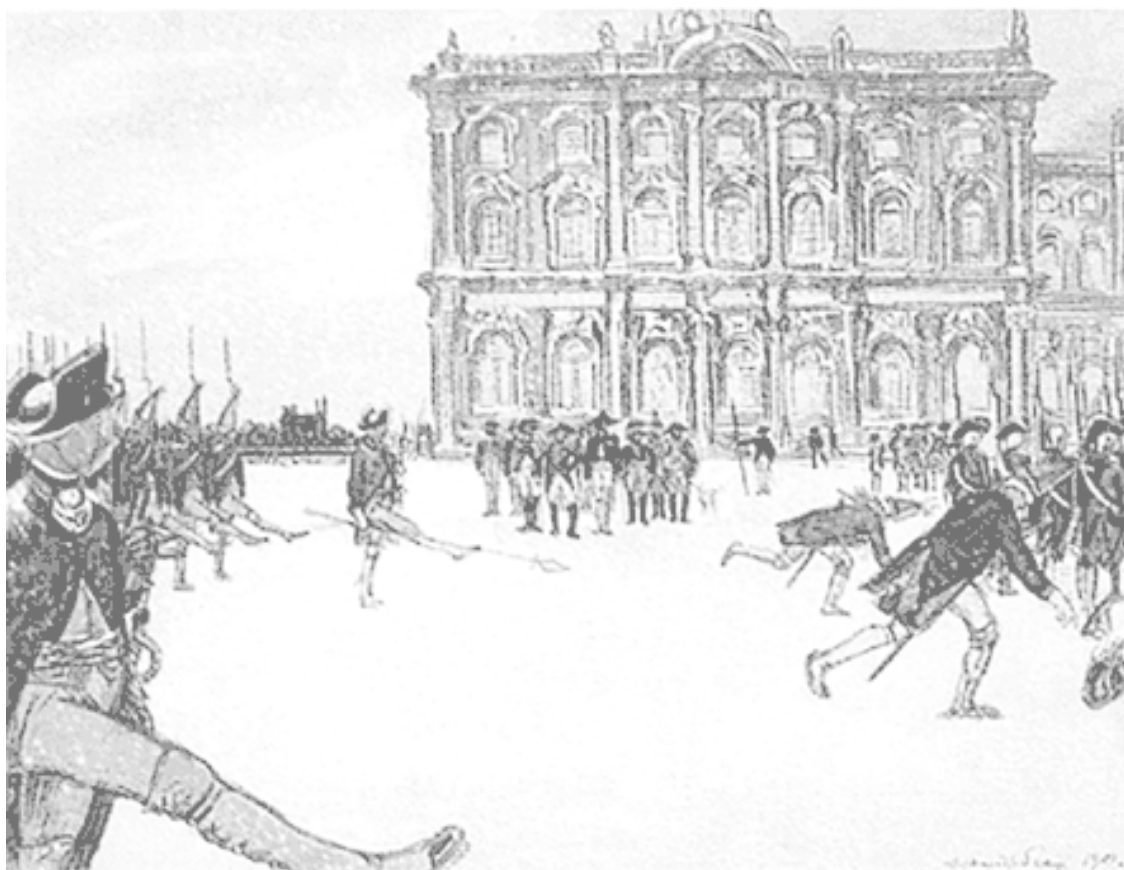
Комендантом Зимнего дворца Павел I назначил надежнейшего А. А. Аракчеева, произведенного в генерал-майоры и занявшего в императорской резиденции покои фаворита Екатерины II Платона Зубова, которого буквально выкинули из резиденции⁶⁹.

Первый вахт-парад на Дворцовой площади состоялся уже 7 ноября 1796 г. 10 ноября 1796 г. к Зимнему дворцу подошли гатчинские войска. Император сразу расставил акценты. Гвардейские полки по приказанию Павла I выстроились на Дворцовой площади. Встречая гатчинцев, император поблагодарил их за службу и распределил побатальонно по всем гвардейским полкам. Офицеры-гатчинцы переводились в гвардию чин в чин. Таким образом, гвардия оказалась под полным контролем императора, чем исключалась вероятность дворцового переворота.

⁶⁷ То есть пикеты. Пикет-застава – полевой караул в европейских и русской армиях до XIX в. включительно, а также небольшая группа людей, охраняющих что-либо.

⁶⁸ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1306.

⁶⁹ Кроме этого, Павел I пожаловал А. А. Аракчеева петербургским комендантом (7 ноября 1796 г.), майором лейб-гвардии Преображенского полка (9 ноября 1796 г.), кавалером ордена Св. Анны I ст. (13 ноября 1796 г.).

Вахт-парад у Зимнего дворца при Павле I

Гренадерки 1797-1807 годов

Фузельерная шапка гренадерского полка 1796-1801 годов

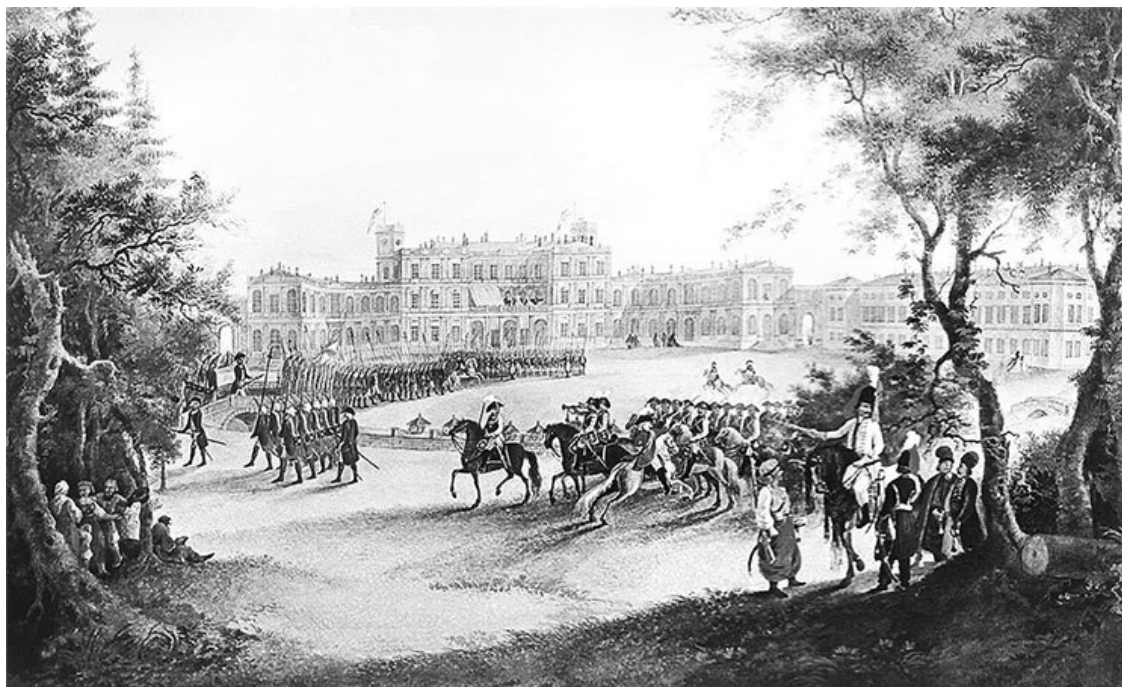
Гренадерка Лейб-гвардии Измайловского полка 1800-1801 годов

Гренадерка Лейб-гвардии Павловского полка

Гренадерки времен Павла I и Александра I

Император немедленно покончил с теми беспорядками, которые царили в гвардии в последние годы екатерининского правления. Он решительно дал понять, что главной обязанностью офицера является служба, а не посещение театров и балов. Очевидец вспоминал: «При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом дворе и учили нас всех, как рекрут». Император лично на Большом дворе Зимнего дворца обучал солдат заступать в караул, а на Дворцовой площади регулярно устраивал вахт-парады. Упомянем и о том, что Павел I восстановил порядок обязательной службы дворян и телесные для них наказания. Это буквально повергло дворян в шок.

Г. С. Сергеев. На плацу перед Гатчинским дворцом. 1798 г.

Изменился и ритм жизни в самом Зимнем дворце, немедленно подстроившийся под привычки Павла I. Поскольку император поднимался в 5 часов утра, то первые доклады сановников он начинал принимать уже в 6 часов. Соответственно с этим, и свет в окнах в Зимнем дворце, как и во всем Петербурге, гасили в 10 часов вечера, поскольку все стали очень рано отходить ко сну.

Новые порядки в Зимнем дворце немедленно положили начало так называемым павловским анекдотам. Князь Ф. Н. Голицын в воспоминаниях приводит один из таких анекдотов: «При начале царствования его постановлены были во дворце в передних комнатах внутренние бекеты и переменено слово, вместо, как прежде, командовали „к ружью“, велено кричать „вон“! В одно утро г. прокурор граф Самойлов, проходя с делами к Государю мимо бекета, и караульный офицер, желая отдать ему честь, закричал вон, граф, не поняв, что это значит, вздумал, что всех из комнаты выгоняют, повернулся уехал домой»⁷⁰.

Еще одна «павловская» история связана с тем, что император, стоя у окна Зимнего дворца, увидел прохожего и обронил: «Вот, идет мимо царского дворца и шапки не ломает». Из этой походя оброненной фразы моментально сочинили высочайшее повеление. С этого времени всем горожанам, проходящим или проезжающим мимо Зимнего дворца, было велено снимать шапки при любой погоде.

Став императором, Павел I немедленно возвратил из небытия своего убитого отца – Петра III Федоровича. Он приказал в один день захоронить Петра III и Екатерину II в Петропавловском соборе, перевезя прах отца из склепа Благовещенского собора Александро-Невской лавры. Тогда же он приказал достать из дворцовых запасников сохранившиеся портреты Петра III. Один из них – парадный портрет Петра III – повесили в кабинете Павла I.

Император Павел Петрович стремился установить четкий военный порядок и в придворной жизни. Графиня В. Н. Головина вспоминала, что «Император строго придерживался этикета: в глубокий траур не допускал ни балов, ни спектаклей – никаких удовольствий, кроме малых собраний, официальных приемов, тихих игр и ужинов»⁷¹. Об этом же писал К. Массон:

⁷⁰ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1311.

⁷¹ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

«Внутри дворца был введен столь же строгий и страшный этикет. Горе тому, кто при целовании руки не стукался коленом об пол с такой силой, как солдат ударяет ружейным прикладом. Губами при этом полагалось чмокать так, чтобы звук, как и коленопреклонение, подтверждал поцелуй. За слишком небрежный поклон и целование камергер кн. Георгий Голицын был немедленно послан под арест самим Его Величеством»⁷².

Самая известная история, связывающая имя Павла I с Зимним дворцом, повествует о некоем ящике, куда подданные могли опускать прошения на имя императора. Сведения о местоположении этого ящика разнятся. По одной версии, роль ящика играла целая «секретная комната» в подвале Зимнего дворца, ключи от которой находились только у самого императора. Прощения попадали в комнату по специальному желобу, выведенному на Дворцовую площадь. В комнате имелся стол со всеми необходимыми письменными принадлежностями, за которым император работал, разбирая накопившуюся за неделю корреспонденцию. По второй версии, специальный желтый ящик поставили у больших ворот Зимнего дворца. Третья версия утверждает, что ящик находился «на лестнице дворца»⁷³. Так или иначе, этот ящик действительно имелся.

Разнятся также версии о мотивах установки ящика для прошений. Одни мемуаристы утверждают, что мотивом для этого решения было стремление императора получить объективную информацию о злоупотреблениях в стране и в столице. По версии других – это стремление Павла I обезопасить свою персону. Дело в том, что, по древней традиции, ходатаи всеми правдами и неправдами старались передать свои прошения лично в руки императора. С этим боролись как могли, поскольку среди подателей могли оказаться и потенциальные убийцы. Но получалось это не всегда удачно, что вредило имиджу монарха. К. Массон упоминает, что Павел I «объявил, что сам будет их читать и, после необходимых справок, класть свою резолюцию. Вследствие этого он запретил впредь беспокоить его подачею просьб на вахт-параде и велел арестовывать смельчаков, приближавшихся к нему с бумагою в руках»⁷⁴.

Ничего путного из этой затеи не вышло. Поначалу Павел I добросовестно, раз в неделю, несколько часов работал в подвале, читая прошения, и либо отвечал подданным через газету, либо лично разбирал их дела. Впрочем, прямой канал «связи» с народом вскоре разочаровал императора, поскольку в потоке прошений все чаще стали встречаться ложные доносы, пасквилы и даже карикатуры на самого царя.

Например, «одна из знатной фамилии госпожа положила в тот ящик просьбу, которой содержание состояло в том, что так как она происходит из знатной фамилии, почему и не желает по смерти быть погребенною на общем кладбище и просит, чтобы государь повелел своим указом отвести особое место для погребения, в случае смерти, тела ее и всех ее родственников. Снисходительный и милосердый император написал на то в ответ: „Что так, как люди по смерти, не взирая на породу и чины, бывают все равны, и более когда она умрет, то тогда не будет уже знать, кто она такова и какого звания человек будет положен рядом с нею; почему прошение и возвращается ей с наддразнением обратно“»⁷⁵.

⁷² Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

⁷³ Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

⁷⁴ Массон К. Указ. соч.

⁷⁵ Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском, собранные из разных иностранных и российских писателей и изданные Е. Тыртовым. М.: Университетская типография, 1807. Электронная версия.

В. Л. Боровиковский. Портрет императора Павла I

Памятник Павлу I во дворе Михайловского замка

Б. Патерсен. Михайловский замок с набережной Фонтанки. 1801 г.

Император Павел I, переехав из Гатчины в Петербург, не собирался жить в Зимнем дворце. Указ о строительстве новой резиденции был издан в первый же месяц царствования Павла I – 28 ноября 1796 г. 26 февраля 1797 г. началось торжественное шествие из Зимнего дворца к месту закладки будущего Михайловского замка. 8 ноября 1800 г., в день святого

Архангела Михаила, замок торжественно освятили, а 1 февраля 1801 г. император Павел I с семьей торжественно выехал из Зимнего дворца в новую резиденцию. На всем пути его следования стояли гвардейские полки. Торжественная процессия сопровождалась пальбой пушек и музыкой полковых оркестров. В Зимнем дворце в качестве императора Павел I прожил с ноября 1796 по февраль 1801 г. В Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. императора Павла I убили заговорщики.

Что же касается окружения императора, то немедленно после гибели Павла I «все население дворца кинулось еще до рассвета переезжать в Зимний дворец, откуда еще не успели убрать мебели»⁷⁶.

Память о пребывании Павла I в стенах Зимнего дворца сохранялась в виде вещей, находившихся в его комнатах. По уже сложившейся традиции, «внутренние комнаты в Бозе почивающего императора Павла Петровича» на некоторое время приобрели мемориальный характер. Об этом свидетельствует опись мебели и «прочих вещей», составленная в апреле 1820 г. В документе перечисляются следующие «внутренние комнаты» покойного императора: Библиотека⁷⁷, Кабинет⁷⁸, Будуар⁷⁹, Почивальня⁸⁰, Уборная⁸¹, Серебряный кабинет, Кавалерская⁸², Фонарик⁸³, Палевой покой, Ковровая («что перед Бриллиантовой»), Передние⁸⁴.

Позже, в начале 1826 г., большую часть этих вещей передали на хранение в дворцовые кладовые. В ноябре 1828 г. император Николай I, просмотрев представленные ему описи вещей покойного отца, выбрал некоторые из них⁸⁵ и распорядился «доставить сии вещи в Зимний Дворец на половину Его Величества в Аванзал»⁸⁶. Судя по всему, Николай Павлович хорошо помнил все, что стояло в этих мемориальных комнатах, поскольку поинтересовался у должностных лиц, где находятся 11 мраморных бюстов. На что ему ответили, что все бюсты «находятся на своих местах на шкапах в библиотеке императора Павла Петровича, что ныне библиотека прусско-королевских комнат».

⁷⁶ Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева // Голос минувшего. 1918. № 7–9.

⁷⁷ Стулья, столы, шкафы, мраморные статуэтки.

⁷⁸ Образ, обои зеленые бархатные, разная мебель.

⁷⁹ Подушки пуховые, валики у диванов.

⁸⁰ Икона, занавес суконный, кресла, часы столовые, купидоны мраморные на белой тумбе, вазы мраморные в бронзовой оправе, скамеечка подножная стальная, пол, обит ковром, судно ночное, обитое малиновым штофом и золотым галуном, ящик для дров красного дерева.

⁸¹ Стул простого дерева, стол ломберный.

⁸² Обои бархатные оранжевые.

⁸³ Ящик для дров красного дерева, люстра серебряная небольшая.

⁸⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 438. Л. 2–7. О разных вещах и статуях бывших в комнатах покойного императора Павла I. 1828–1829 гг.

⁸⁵ Три шкафа красного дерева с мраморными белыми досками за печатью; Дубовый ларец с оковкою с печатью; Дубовый ларец с медною оковкою под печатью; Бронзовые накладки в виде собак; Две накладки с бронзовыми орлами на мраморных досках; Ящик маленький красного дерева с компасом из Кабинета; Две шляпы образцовых.

⁸⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 438. Л. 10. О разных вещах и статуях бывших в комнатах покойного императора Павла I. 1828–1829 гг.

Александр I

Александр I родился 12 декабря 1777 г., в понедельник, в 9 ч. 45 мин. утра, в спальне великой княгини Марии Федоровны в Зимнем дворце. Он стал первым императором, родившимся и прожившим в Зимнем дворце всю свою жизнь. Именно из Зимнего дворца император выехал 1 сентября 1825 г., для того чтобы отправиться в свое последнее путешествие и умереть в Таганроге 19 ноября 1825 г.

По традиции, по случаю рождения великого князя окна Зимнего дворца содрогнулись от пушечных залпов. Молодым родителям императрица подарила 362 десятины земли с двумя небольшими деревнями близ Царского Села. Со временем на этом месте вырос город Павловск. С 1778 г. там началось строительство первых парковых павильонов и обустройство самого парка.

Когда в семье Павла Петровича родился первенец, то повторился сценарий 1754 г., по которому младенца немедленно забрала на свою половину царствующая императрица. В 1754 г. это был будущий Павел I, которого взяла Елизавета Петровна, а в 1777 г. – будущий Александр I, которого забрала Екатерина II. После рождения второго ребенка – Константина Павловича – история повторилась. Впрочем, после крещения младенца его детскую устроили на половине матери – цесаревны Марии Федоровны.

20 декабря 1777 г. будущего Александра I окрестили в Большом соборе Зимнего дворца, и его заочными восприемниками стали австрийский император Иосиф II и король Пруссии Фридрих II Великий. Начало 1778 г. ознаменовалось в Зимнем дворце чередой непрерывных праздников. Императрица искренне радовалась рождению внука, уже тогда она, также по сценарию Елизаветы Петровны, прочила его в свои преемники. В феврале 1778 г. Екатерина II писала барону М. Гримму: «До поста осталось каких-нибудь две недели, между тем у нас будет одиннадцать маскарадов, не считая обедов и ужинов, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию».

С. Торелли. Портрет великого князя Александра Павловича. 1778 г.

Екатерина II с внуками Александром и Константином, внучками Александрой и Еленой на прогулке в Царском Селе

Воспитывали мальчиков в Зимнем дворце по уже сложившимся стандартам. Сначала они попадали в женские руки. До 1783 г. за их воспитание отвечала «генеральша», вдова коменданта г. Ревеля Софья Ивановна Бенкендорф (урожд. Левенштерн)⁸⁷. Няней-англичанкой к младенцу назначили Прасковью Ивановну Гесслер, опекавшую будущего императора до семи лет.

Стратегию воспитания внуков, буквально с первых дней их жизни, определяла сама императрица. Собственными педагогическими новациями в духе передовых идей века Просвещения она охотно делилась со своими европейскими корреспондентами. Приводимая ниже обширная цитата рисует первые дни жизни будущего императора в Зимнем дворце: «Как только господин Александр родился, я взяла его на руки, и после того как его вымыли, унесли в другую комнату, где и положили на большую подушку. Его обвернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, как посылаемая при сем кукла. Когда это было сделано, то господина Александра положили в ту корзину, где кукла, чтобы женщина, при нем находившаяся, не имела никакого искушения его укачивать: эту корзину поставили за ширмами на канопе. Убранный таким образом господин Александр был передан генеральше Бенкендорф; в кормилицы ему была назначена жена молодца садовника из Царского Села, и после крещения своего он был перенесен на половину его матери, в назначенную для него комнату». Очень характерны эти «руководящие указания» Екатерины II, и в грош не ставившей желания родителей младенца.

Еще раз отметим, что детская Александра Павловича в Зимнем дворце находилась на половине его матери. Екатерина II описывала ее следующим образом: «Это – обширная комната, посреди которой расположен на четырех столбах и прикреплен к потолку балдахин, и занавесы, под которыми поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы за спинкой балдахина. Комната обширна, для того

⁸⁷ Родная бабушка А. Х. Бенкендорфа.

чтобы воздух в ней был лучше; балдахин посреди комнаты, против окон, для того чтобы воздух мог обращаться свободнее вокруг балдахина и занавесок. Балюстрада препятствует приближаться к постели ребенка многим особам за раз; скопление народа в комнате избегается и не зажигается более двух свечей, чтобы воздух вокруг него не был слишком душным; маленькая кровать господина Александра, так как он не знает ни люльки, ни укачивания, – железная без полога; он спит на кожаном матрасе, покрытом простыней, у него есть подушечка и легкое английское одеяло; всякие оглушительные заигрывания с ним избегаются, но в комнате всегда говорят громко, даже во время его сна. Тщательно следят, чтобы термометр в его комнате не подымался никогда свыше 14 или 15 градусов тепла. Каждый день, когда выметают в его комнате, ребенка выносят в другую комнату, а в спальне его открывают окна для возобновления воздуха; когда комната согрелась, господина Александра снова приносят в его комнату. С самого рождения его приучили к ежедневному обмыванию в ванне, если он здоров... Как скоро только весною воздух сделался сносным, то сняли чепчик с головы господина Александра и вынесли его на воздух; мало-помалу приучили его сидеть на траве и на песке безразлично, и даже спать тут несколько часов в хорошую погоду, в тени, защищенный от солнца. Тогда кладут его на подушку, и он отлично отдыхает таким образом. Он не знает и не терпит на ножках чулок, и на него не надевают ничего такого, что могло бы малейше стеснять его в какой-нибудь части тела. Когда ему минуло четыре месяца, то, чтобы его поменьше носили на руках, я дала ему ковер... который расстилается в его комнате... здесь-то он барахтается, так что весело смотреть. Любимое платье его, это – очень коротенькая рубашечка и маленький вязаный очень широкий жилетик; когда его выносят гулять, то сверх этого надевают на него легкое полотняное или тафтяное платье. Он не знает простуды».

Когда умерла СИ. Бенкендорф, воспитателем к мальчикам в сентябре 1783 г. назначили все того же Н. И. Салтыкова. Воспитателю предписывалось руководствоваться так называемой Бабушкиной азбукой, написанной Екатериной II. Отметим, что это произведение императрицы переиздается до сегодняшнего дня. То была действительно азбука, но вместе с тем и книга для чтения, формировавшая характер, основанный на человеколюбии, идеях века Просвещения, уважении к достоинству каждого человека.

Бабушкина азбука, изучавшаяся мальчиками в Зимнем дворце, состояла из восьми разделов: 1. Азбука с гражданским начальным устройством; 2. Китайские мысли; 3. Сказка о царевиче Хлоре; 4. Разговор и рассказы; 5. Записки; 6. Выбранные российские пословицы; 7. Продолжение начального учения; 8. Сказка о царевиче Фивее.

Если обратиться к пословицам, выбранным императрицей, можно привести некоторые из них: «Беда – глупости сосед»; «Горду быть, глупым слыть»; «Кто открывает тайну, тот нарушает верность» и т. д. Императрица настоятельно рекомендовала нянькам воспитывать великих князей на основании ее педагогических воззрений. Позже она неоднократно вмешивалась в педагогический процесс, настаивая на реализации своего педагогического плана. Так, оторвавшись от внуков на время поездки в Крым, она писала Салтыкову (5 января 1787 г.): «Вы о сем именем моим, подтвердите господам Протасову и Сакену, и вообще всем, при внуках моих находящимся, прикажите им снова прочесть, для памяти, мной подписанный наказ, и скажите всем, что я ожидаю от всех неперменного и усердного выполнения мною предписанного...»⁸⁸.

В своих письмах императрица постоянно обращается к внукам, радуется их успехам и печалится над их неудачами. Так она продолжала контролировать процесс обучения мальчиков (15 марта 1787 г. Киев): «Присланную роспись учения великих князей, сочиненную господином Лагарпом, я показать велела Фицгерберту⁸⁹, и он, так, как и я, находит, что лучше выдумать нельзя, и об успехах не сомневаюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствие».

⁸⁸ Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову.

⁸⁹ Фицгерберт Аллейн (Fitzherbert, барон Св. Елены, 1753–1839) – английский дипломат. В 1782 г. послан в Париж для

Напомним, что Фредерик Сезар Лагарп, республиканец по убеждениям и бернский адвокат по профессии, был рекомендован Екатерине II бароном Ф. М. Гриммом в качестве учителя для ее внуков Александра и Константина, коим он оставался с 1784 по 1795 г. В 1783 г. Лагарп прибыл в Петербург, где ему предложили поначалу занять место учителя французского языка. Но постепенно он стал заниматься со своими воспитанниками всеобщей историей, географией и математикой, а позднее – философией и законоведением. В своих воспоминаниях Лагарп упоминает, что Екатерина II пожелала, чтобы ее внуки «были воспитаны, как люди».

Фредерик Сезар Лагарп

заключения мира с Францией, Испанией и Северо-Американскими Соединенными Штатами. В 1783 г. назначен чрезвычайным посланником при дворе Екатерины II, которую сопровождал в Крым в 1787 г. В 1793 г. заключил союз между Великобританией и Испанией; в 1801 г. послан в Россию приветствовать Александра I со вступлением на престол; заключил договор между Англией и Россией и конвенции с Данией и Швецией.

Фридрих Мельхиор фон Гримм

Назначение сомнительного швейцарца-адвоката наставником цесаревича петербургский бомонд воспринял с подозрением. Эти настроения выразил баснописец Крылов в басне «Воспитание льва», в которой льва воспитывает орел:

*Пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кому зверьми владеть поставила природа,
И что важнейшая наука для царей
Знать свойства своего народа
И выгоды земли своей.*

С настороженностью воспринял появление Лагарпа и отец будущего Александра I – великий князь Павел Петрович. И тем не менее накануне отъезда из России Лагарпу удалось объясниться с Павлом Петровичем. В мае 1795 г., во время двухчасовой беседы в кабинете Павла, Лагарпу удалось, по его словам, «излить свое сердце», что великого князя глубоко тронуло. Примирение было достигнуто, и, когда Мария Федоровна пригласила Лагарпа на тур полонеза, Павел даже подарил ему свои перчатки, а Лагарп сохранил их как память о России.

Бабушка искренне любила внуков. При этом она оставалась императрицей и пыталась быть к ним строга. Однажды расшалившегося Александра, в наказание, Екатерина II оставила одного в своих комнатах, а сама пошла на заседание Совета. Однако на делах она так и не смогла сосредоточиться, поскольку, по ее словам, «этот мальчик не выходит у меня из головы, и я не могу заниматься делом, наказавши его».

Бабушка любила первых внуков всей своей нерастраченной материнской любовью. Поскольку императрица шла в ногу со временем просвещенного XVIII в., то она соответствующим образом стремилась развивать своих внуков. В числе прочих забав она в октябре 1782 г. распорядилась сделать для внуков Александра и Константина «балкон с перильцами и лесенкой, которая могла бы подвигаться во все стороны, ибо она будет в употреблении во время бала или куртага, на которой стоять будут вместо стульев»⁹⁰. Видимо, под «балконом» имелась в виду маленькая передвижная сцена, на которой тщеславная бабушка собиралась демонстрировать «во время бала или куртага» своих совершенно необыкновенных внуков. В марте 1782 г. по повелению императрицы на половине внуков устроили качели.

Позаботилась царственная бабушка и о зимних забавах для своих маленьких внуков. По ее именному устному указу в марте 1783 г. выстроили две деревянные, «покрытые льдом катальные горы для Александра и Константина Павловичей». Горы эти поставили «на садике, что против Эрмитажа»⁹¹.

Именно Екатерина II заложила фундамент традиции «трудового воспитания» подрастающих великих князей, когда в апреле 1784 г. для великих князей Александра и Константина сделали и установили в Зимнем дворце небольшие столярные верстаки и один токарный станок.

Мы упоминали о том, что довольно рано мальчиков начали приводить на собрания бабушки в Малом Эрмитаже. В 1789 г. великие князья впервые обедали в Александров день за кавалерским столом. Александру шел тогда 12-й, а Константину 10-й год от роду⁹². Кстати, императрица принимала участие в «проектировании» костюмов для своих внуков.

Когда мальчики подросли, им начали преподавать «взрослые предметы». Например, в 1791 г. академик Паллас читал им «натуральную историю» в одном из залов Малого Эрмитажа. Впрочем, образовательный процесс Александра Павловича закончился с его ранним браком в сентябре 1793 г., когда юному мужу шел только 17-й год. Однако даже после увольнения со службы Лагарп, не имея возможности уехать из Петербурга до весны 1794 г., получил разрешение «продолжать уроки с великим князем и даже с княгиней, его супругой».

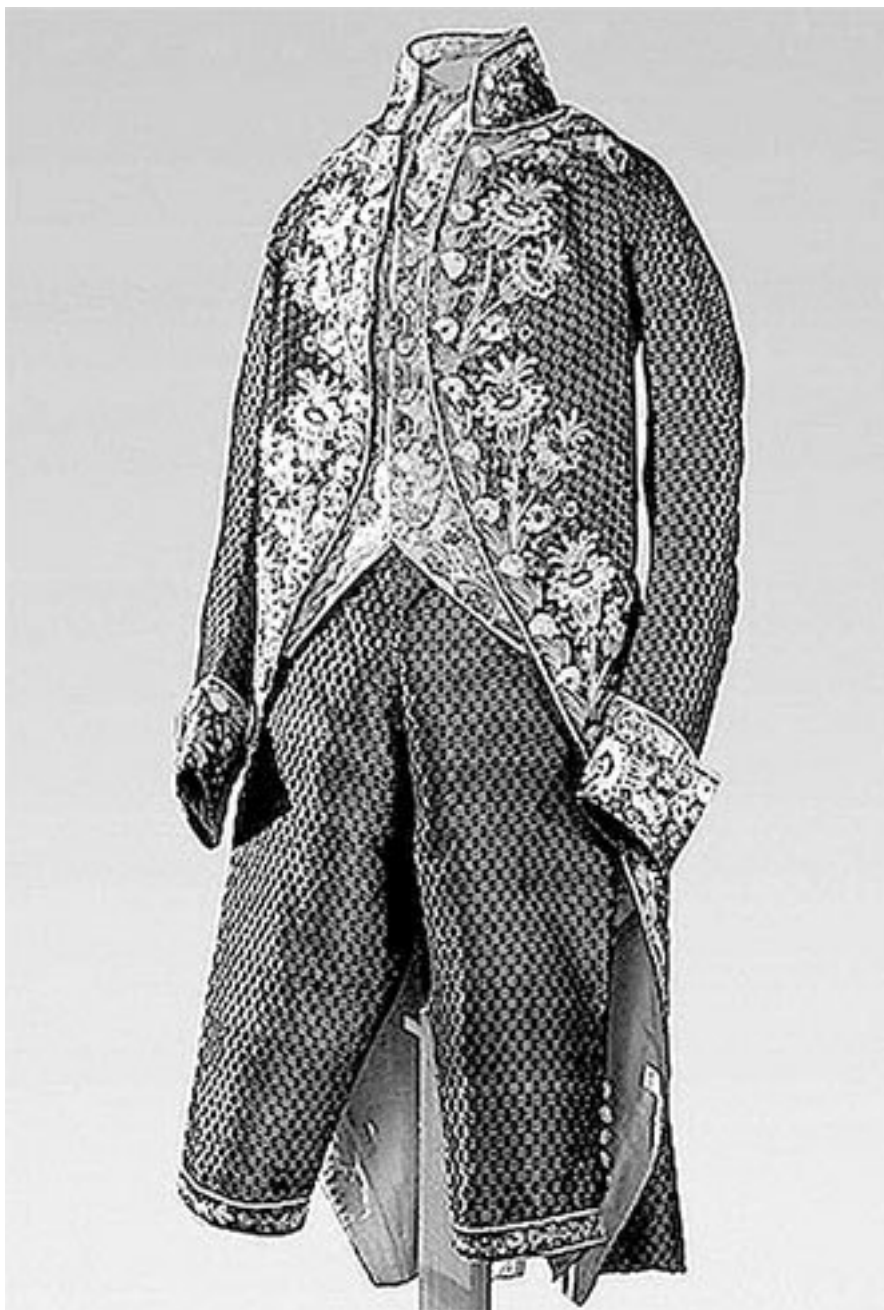
⁹⁰ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 225 // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 2.

⁹¹ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 225 // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 2.

⁹² Заметки одного из русских воспитателей императора Александра Павловича / Сообщ. М. П. Погодин // Русский архив. 1866. Вып. 1. Стб. 94-111.

Детский костюм великого князя Александра Павловича. 1784 г.

Костюм парадный великого князя Александра Павловича. 1780-е гг.

Жену для любимого внука императрица Екатерина II выбрала сама. Ею стала одна из баденских принцесс – Луиза Мария Августа. О том, как зависит от случая судьба человека, свидетельствует то, что императрица поначалу желала видеть в роли жены внука старшую из трех баденских принцесс, но во время первого представления императрице в Зимнем дворце старшая принцесса, приближаясь к трону, споткнулась и упала во весь рост. Подобным «конфузам» при Императорском дворе всегда придавалось большое значение. Произошедшее сочли плохой приметой, и невестой Александра императрица Екатерина II «назначила» Луизу Марию Августу, в православии – великую княгиню Елизавету Алексеевну⁹³.

Одной из близких подруг великой княгини Елизаветы Алексеевны стала графиня В. Н. Головина, которая оставила в мемуарах многочисленные упоминания о жизни молодой

⁹³ Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 170.

четы в Зимнем дворце. Она пишет, как осенью 1794 г. в угловом кабинете Елизаветы Алексеевны «лучшие музыканты, и во главе их Диц, исполняли симфонии Гайдна и Моцарта. Великий князь играл на скрипке, а мы слушали эту прекрасную музыку из соседней комнаты, где почти всегда бывали вдвоем с великой княгиней»⁹⁴. Кстати, «соседней комнатой» была спальня молодой четы. Упомянем, что музицировали и сами молодые женщины: Елизавета Алексеевна играла на арфе, а графиня Головина – на фортепиано.

⁹⁴ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

Принцесса Луиза Мария Августа. Скульптура в Бадене

Великий князь Александр Павлович и великая княгиня Елизавета Алексеевна

Со своей подругой графиней В. Н. Головиной великая княгиня расставалась буквально перед сном: «Великий князь удалялся с моим мужем в кабинет для совершения своего ночного туалета. Великая княгиня принималась за свой, я расчесывала ей волосы, заплетала в косу. Первая камер-фрау Геслер ее раздевала. Она переходила в спальню, чтобы лечь в постель, и звала меня туда, чтобы попрощаться. Я становилась на колени на ступени кровати, целовала ее руку и удалялась».

К концу жизни Екатерины II количество грандиозных развлекательных мероприятий в Зимнем дворце постепенно сокращалось. Например, в течение зимы 1794/95 г. лишь «часто бывали маленькие балы и спектакли в Эрмитаже, а также иной раз и в Тронной зале»⁹⁵.

После воцарения Павла I великий князь Александр Павлович проживал в Зимнем дворце уже как наследник. Образ его жизни совершенно изменился: «Не было установленного распорядка дня, время проходило в настороженном ожидании. Еще до рассвета Александр Павлович был в приемной императора, а часто случалось, что до этого он уже проводил не меньше часа в казармах своего полка. Развод и учение занимали все утро. Александр даже обедал наедине с женой, лишь изредка с одним или двумя посторонними лицами. После обеда следовали вновь

⁹⁵ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

или посещения казарм, или осмотр караулов, или исполнение приказаний государя. В семь часов вечера нужно было снова отправляться в приемную его величества и ждать там, хотя император иногда появлялся лишь к девяти часам, к самому ужину. После ужина Александр отправлялся к императору с рапортом, а Елисавета, в ожидании его возвращения, присутствовала при ночном туалете императрицы, которая удерживала ее у себя, пока великий князь, освободившись, не приходил к матери пожелать ей спокойной ночи и отвести жену к себе»⁹⁶.

Своя жизнь текла на половине молодых великих князей Александра и Константина. Так, на глазах мемуаристки начался роман великой княгини Елизаветы Алексеевны и князя Адама Чарторыйского, одного из друзей Александра Павловича. В. Н. Головина вспоминала, что князь «не мог смотреть на нее, не испытывая чувства, которое начала нравственности, благодарность и уважение должны были бы погасить в самом зародыше». Этот роман закончился рождением в Зимнем дворце великой княжны Марии Александровны (29.05.1799-08.07.1800).

Вокруг рождения ребенка немедленно закрутилась классическая придворная интрига с целью очернить великую княгиню в глазах императора Павла I. В результате А. Чарторыйского выслали из России. Но Елизавета Алексеевна забывала о наветах, занимаясь своей маленькой «Мышкой». Великая княгиня писала матери: «Моя малышка Мари, наконец, имеет зуб, одни утверждают, что глазной, другие – что это один из первых резцов. Все, что знаю я, – это то, что дети начинают обычно не с передних зубов. Однако она почти не болела, сейчас, кажется, появляется второй. Это такая славная девочка: даже если ей нездоровится, об этом нельзя догадаться по ее настроению. Только бы она сохранила этот характер!». Елизавета Алексеевна уже видела свою девочку большой и в письмах задавала своей матери непростые вопросы (21 января 1800 г.): «Вы у меня спрашиваете, дорогая Мама, обнаруживает ли моя крошка в отношении меня какую-либо предпочтительность. Что до предпочтительности – нет, но надо видеть ее радость ко всем, кого она видит постоянно. Мне очень хочется задать вам один сложный вопрос, моя любимая Мама, и задать его вполне серьезно: как вы так устроили, что заставили своих детей любить вас и считать за счастье быть рядом с вами. Могу поклясться, что, сколько я себя помню, у меня не было большего удовольствия, чем сидеть возле вас. И то же было со всеми нами – вы не могли ничем нас больше обрадовать, чем выйти на прогулку, обедать с нами, играть в прятки. Дорогая Мама, скажите мне, как вам удалось этого добиться? Я так бы хотела, чтобы моя маленькая Мария любила меня так же».

⁹⁶ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

Л.-Э. Вижье Лебрэн. Портрет великой княгини Елизаветы Алексеевны. 1798 г.

Портрет князя Адама Чарторьского. 1808 г.

Несмотря на все заботы матери, нянек и придворных врачей, маленькая девочка умерла в Зимнем дворце 27 июня 1800 г., прожив чуть более года. Убитая горем молодая мать писала своей матери: «О, Мама, как ужасна непоправимая потеря: я первый раз переношу нечто подобное. Вы легко можете понять, какая пустота, какая смерть распространилась в моем существовании. Вы теряли ребенка, но у вас оставались другие дети, а у меня их нет, и я даже теряю надежду иметь детей в будущем. Но даже если б у меня и был другой ребенок, то ее, моей обожаемой Mauschen более не существует». Маленькую «Mauschen» похоронили в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры.

На короткое время Александр Павлович переселился в Михайловский замок. Сразу же после убийства отца – императора Павла I – 11 марта 1801 г. Александр I немедленно уехал в Зимний дворец. Вслед за ним, «между шестью и семью часами утра, императрица Елисавета в сопровождении своей камер-фрау Геслер оставила это место ужаса и отправилась в Зимний дворец. Прибыв в свои покои, ее величество увидала императора Александра, лежавшего на диване, бледного, расстроенного, подавленного горестью».

Это было трудное для императора Александра I утро. Ему, фактически давшему карт-бланш на убийство отца, предстояло объяснение с матерью. Он не чувствовал в себе сил взвалить на себя обязанности императора Российской империи. Внешне тонкая и трепетная Елизавета Алексеевна всячески пыталась пробудить в супруге твердость и мужество.

Надгробие великой княжны Марии Александровны

К 10 часам утра в Зимний дворец прибыла из Михайловского замка императрица Мария Федоровна и немедленно прошла на половину сына. Как пишет мемуаристка, «свидание с ней Александра было раздирающим душу. По-видимому, государь гораздо более отчаивался, чем его мать. Невозможно было смотреть на него без содрогания»⁹⁷.

Вместе с тем не следует преувеличивать горя императрицы Марии Федоровны. Слишком недолгое время провела она как императрица. Слишком сложными были отношения с убитым супругом в последние годы их семейной жизни. Тем не менее еще в Михайловском замке она

⁹⁷ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

рвалась в покои убитого мужа с криком: «Я хочу царствовать!». Когда этого не случилось, по окончании шестинедельного траура Мария Федоровна возобновила придворную жизнь во всем ее многообразии.

Весной 1801 г. в Петербург приехала наследная принцесса Баденская, мать императрицы Елизаветы Алексеевны, со своими двумя дочерьми: Амалией и Марией. Амалия поселилась на третьем этаже северо-западного ризалита, и ее комнаты в Зимнем дворце еще долгое время именовали покоями «принцессы Амалии».

О реалиях жизни в Зимнем дворце начала правления Александра I повествуют записи в камер-фурьерском журнале за 1 января 1806 г. Так, еще 28 декабря 1805 г. петербургскому бомонду разослали повестки, извещающие о «большом съезде в Зимнем дворце», намеченном на понедельник 1 января 1806 г. Дамам предписывалось явиться в Большую церковь Зимнего дворца на литургию «в русском платье». После чего все присутствующие на службе придворные «приносили поздравление Его Императорскому Величеству и всей императорской фамилии... со днем праздника Нового года». Затем император выехал прокатиться по городу на сани. После прогулки по Петербургу «в половине 4 часа пополудни» в Зимнем дворце император Александр I «соизволили кушать обеденное кушанье в Желтой комнате на 50-ти кувертах».

Портрет принцессы Амалии Баденской

Вечером 1 января 1806 г. в парадных залах Зимнего дворца прошел традиционный маскарад. В камер-фурьерском журнале записано: «А сего числа ввечеру, по соизволению Его Императорского Величества, для всего дворянства, знатного российского и иностранного купе-

чества, назначен быть... публичный маскарад... в 6 часов начали собираться по билетам, но не имея никто масок... Около 8 часов вечера в оркестрах открыта бальная музыка»⁹⁸.

В маскараде приняли участие все Романовы. Александр I танцевал менуэт, вдовствующая императрица Мария Федоровна играла в карты в Георгиевском зале. Около 24 часов аристократический бомонд во главе с императором проследовал в Эрмитаж, где «за приуготовленными разными круглыми и овальными продолговатыми столами, кушать вечернее кушанье до 200 кувертов и за поставленным между потир и оркестра круглым столом присутствовать изволили на 11 кувертах»: Александр I, императрица Елизавета Алексеевна, императрица Мария Федоровна, великая княгиня Екатерина Павловна. Также за императорским столом находились статс-дамы – графиня Ливен, графиня де Литта, фон Рене, принцесса де Тарант, княгиня Прозоровская, камер-фрейлина Протасова. Любопытно, что «Его Величество, присутствовав во время ужина в театре, за стол садиться не соблаговолил», то есть император продолжал работать, обходя гостей. После ужина хозяева Зимнего дворца и гости вновь проследовали на маскарад, где Александр I и Елизавета Алексеевна пробыли «до начала 2 часа пополудни. В четверть третьего прекращена музыка и последовал разъезд с маскарада. Было дворянства обоего пола – 10 273, купечества – 2689. Всего 12 962 чел. С маскарада вышла последняя маска – английский купец Партер»⁹⁹.

Алексей Григорьевич Бобринский в маскарадном костюме (сын Екатерины II и Григория Орлова). Конец 1770-х гг.

⁹⁸ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1806 г. СПб., 1905 г.

⁹⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1806 г. СПб., 1905 г. С. 461.

На Пасху 1 апреля 1806 г. большой выход в Большой собор Зимнего дворца начался в 10 мин пополудни. После Всенощного бдения Александр I по традиции христосовался «со знатными особами». Затем Романовы проследовали на разговление в столовую. В 8 часов утра состоялся малый выход в Малую церковь Зимнего дворца. Императорская чета удалилась на свою половину в 10-м часу утра. В этот же день императрице Марии Федоровне, после Пасхи, был «подан в Кабинет фрыштык, приуготовленный из горячего кушанья, который Ея Величество изволила кушать... токмо Своею Особою».

Периодически покои императора Александра I в Зимнем дворце ремонтировались. Преобладали косметические ремонты или «поправки», как их тогда называли. Например, летом 1821 г. состоялись такие поправки «в Собственных комнатах Их Императорских Величеств». Ремонт свелся к тому, что в гостиной «вновь» переделали две печи. Перед Малой церковью сняли паркет, вычистили его и вновь сделали печь перед церковью¹⁰⁰.

Александр I, имея прочную репутацию дамского любимца, всегда тщательно заботился о своей внешности. Мемуарных свидетельств тому множество. Но о том, какой размах принимала эта забота, свидетельствуют архивные документы. На протяжении многих лет фельдъегеря везли из Парижа для императора любимые им духи. Объемы были просто колоссальны. Например, в начале 1823 г. кн. П. М. Волконский писал в Париж, чтобы посол во Франции прислал «с первым курьером из Парижа, хотя бы 12 бутылок духов Eau de Portugal, а с первой навигациею прислал бы несколько дюжин сих же духов».

И действительно, с началом навигации в Петербург для императора доставили 48 бутылок этих духов. Общий вес «посылки» составил почти 20 кг, поскольку каждый из флаконов весил «по фунту», то есть 400 г. Кстати говоря, за все товары, поступавшие в Зимний дворец, аккуратно платились все таможенные сборы. За посылку уплатили 172 руб. 80 коп. таможенных пошлин¹⁰¹. К осени эти запасы были исчерпаны, и в ноябре в Зимний дворец доставили новый груз, состоявший из трех ящиков. В первом находились 72 бутылки любимых духов «Eau de Portugal», во втором – 72 бутылки духов «Eau de Mul d'Angleterre» и в третьем – 72 бутылки духов «Eau de Juare».

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 42. Л. 2–3. О поправках в Собственных комнатах Их Императорских Величеств. 1821 г.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 519. Оп. 6. Д. 348а. Л. 11. О духах, выписываемых из Парижа для Государя Императора. 1823 г.

Современный флакон одеколона «Bau de Portugal»

Таким образом, только за 1823 г. императору Александру I прислали из Парижа 264 бутылки духов весом по «фунту» каждая, обошедшиеся в 4334 руб. Следовательно, общий вес посылок составил более 100 кг при средней стоимости одной бутылки духов в 16 руб. 41 коп.

Попутно упомянем и о том, что младший брат Александра I, император Николай Павлович, предпочитал духи «Parfum de la Cour», склянка которых всегда стояла на его туалетном столе¹⁰².

Кроме духов, императору дюжинами везли из Парижа перчатки и другие детали туалета.

1 сентября 1825 г. Александр I выехал из Зимнего дворца, заехал в Александро-Невскую лавру, где помолился перед мощами св. князя Александра Невского и навсегда покинул Петербург, для того чтобы умереть в Таганроге 25 ноября 1825 г.

¹⁰² Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 75.

Николай I

Николай Павлович родился летом 1796 г. в Царском Селе, но фактически всю жизнь провел в Зимнем дворце, где и умер зимой 1855 г. Естественно, Николай Павлович периодически жил и в других императорских резиденциях, включая Михайловский замок, откуда его, четырехлетнего ребенка, вернули в Зимний дворец наутро после убийства отца, 12 марта 1801 г.

Время от времени Николая и его младшего брата Михаила забирали в Гатчину, которую так любили их родители, но главным своим домом младшие сыновья Павла I считали Зимний дворец. Именно в этом дворце в немалой степени сформировалась личность будущего императора и его представление о своем месте в иерархии власти.

После женитьбы, с 1817 и по конец 1825 г., Николай Павлович с семьей жил в Аничковом дворце, бывая в Зимнем дворце на обязательных дворцовых церемониях и по делам службы.

Начало семейной жизни для будущего императора совпало с началом его военной службы. Сам Николай Павлович писал спустя многие годы: «Осенью 1818 года Государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2 бригады I гвардейской дивизии, то есть Измайловским и Егерским полками. За несколько пред тем месяцев вступил я в управление Инженерною частию»¹⁰³.

О порядке военной службы у Николая Павловича имелись собственные четкие представления, но они совершенно не стыковались с теми порядками, которые сложились в гвардейских частях при Екатерине II и продолжали бытовать при Александре I. Многие из офицеров гвардейских полков, прошедшие через огонь сражений войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., считали, что как дворяне и офицеры они «могут себе позволить» нести службу далеко не так, как того требовали уставы. Николай Павлович вспоминал: «В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день».

Попытки молодого великого князя «подтянуть» службу в соответствии с уставными требованиями вызывали только раздражение среди офицеров императорской гвардии. Поэтому великого князя в гвардии не любили. Отметим, что у Николая I, третьего сына Павла I, не было иллюзий по поводу своей будущности. Он собирался честно служить стране на высших офицерских должностях и ни о каком троне даже не думал, хотя к этому времени и Александр I, и великий князь Константин уже достигли договоренности о передаче трона младшему брату.

Отношения Николая Павловича с Александром I носили сугубо официальный характер, и великий князь подолгу сидел в приемной Зимнего дворца, перед кабинетом старшего брата, ожидая выхода императора. После часов ожидания он говорил со старшим братом исключительно о служебных делах. В записной книжке будущий император конспективно описал подробности своего пребывания на втором этаже западного фасада Зимнего дворца: «Поехал в одноконных санях к Ангелу¹⁰⁴, ждал выход, говорил о делах и о назначении в дивизию, долго ждал, Ангел одобрил все, Михаил и я просили у него шевроны, обещал их к Пасхе»¹⁰⁵.

¹⁰³ Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.: Л., 1926. С. 10–35.

¹⁰⁴ Так Николай Павлович именовал своего старшего брата-императора.

¹⁰⁵ Сидорова М. «Я пишу не для света...». Записные книжки и воспоминания Николая I // Родина. 2013. № 3. С. 19.

Л. Фаврен. Портрет великого князя Николая Павловича. 1815 г.

Л. Фаврен. Портрет великого князя Михаила Павловича. 1815 г.

А. М. Гебенс. Группа чинов 1-й саперной роты лейб-гвардии Саперного батальона. 1851 г.

Впоследствии, вспоминая молодость, Николай I оценит свое пребывание в передних брата следующим образом: «...все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к Государю. В сем шумном собрании проводили мы час, иногда и более, доколь не призывался к Государю военный генерал-губернатор с комендантом и вслед за сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними, и представлялись фельд-фебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частию время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство.

Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял, многих узнал – и в редком обманулся. Время сие было потерей времени, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался»¹⁰⁶.

Однако летом 1819 г. перед великим князем Николаем Павловичем открылись совершенно иные перспективы. Дело в том, что император Александр I сообщил младшему брату о своих намерениях передать ему престол. Как вспоминала императрица Александра Федоровна: «Тогда же (в бытность мою в Красном летом 1819 г.) Император Александр, отобедав однажды

¹⁰⁶ Записки Николая I.

у нас, сел между нами обоими и, беседуя дружески, переменил вдруг тон и, сделавшись весьма серьезным, стал в следующих приблизительно выражениях говорить нам, что он „остался доволен поутру командованием над войсками Николая и вдвойне радуется, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, ибо на него со временем ляжет большое бремя, так как Император смотрит на него как на своего наследника, и это произойдет гораздо скорее, нежели можно ожидать, так как Николай заступит его место еще при его жизни“»¹⁰⁷. Вскоре император Александр I оформил соответствующие документы, регламентирующие новый порядок наследования, но их не огласили. Согласно воле императора, три пакета с текстом завещания хранились в Успенском соборе Московского Кремля, в Петербурге в Сенате и Синоде и должны были быть немедленно вскрыты после кончины Александра I.

Это событие мало что изменило в жизни Николая Павловича и Александры Федоровны. Они продолжали жить в Аничковом дворце, время от времени нанося служебные и личные визиты в Зимний дворец. Все изменилось после смерти Александра I в ноябре 1825 г. в Таганроге, когда возникла ситуация междуцарствия.

После трагических событий 14 декабря 1825 г. Николай I с семьей переехал в Зимний дворец. Вплоть до смерти императора в феврале 1855 г. он оставался его главным домом. С Зимним дворцом у императора связаны тяжелые воспоминания о трагических событиях 14 декабря 1825 г., в этом доме рождались и росли его дети, в нем же они выходили замуж и женились. В этот дом приходили радостные и трагические известия. Другими словами, все было, как и в любом большом доме, в котором жила большая дружная семья. Мы остановимся только на некоторых эпизодах из жизни Зимнего дворца в период тридцатилетнего царствования Николая Павловича.

Ноябрь-декабрь 1825 г. в Зимнем дворце

Для Николая Павловича 14 декабря 1825 г. стало не только днем начала его царствования, но днем тяжких испытаний, значительная часть которых прошла «на фоне» Зимнего дворца. История восшествия на трон Николая Павловича хорошо известна, поэтому мы сосредоточимся только на том, что происходило в Зимнем дворце и вокруг него в эти трагические дни. Опираясь мы будем прежде всего на свидетельства очевидцев – Николая I, императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны.

1 сентября 1825 г. Александр I уехал из Зимнего дворца, 3 сентября за ним последовала императрица Елизавета Алексеевна. Предполагалось, что императорская чета проведет зиму на юге России, чего требовало хрупкое здоровье постоянно недомогавшей императрицы. Местом пребывания выбрали Таганрог. Это странное для лечения место назначили придворные врачи, поскольку Елизавета Алексеевна отказалась уезжать «ради лечения» из России.

19 ноября 1825 г. 48-летний Александр I скончался в Таганроге. Известие о смерти императора доставили в Петербург 27 ноября (где уже знали о его заболевании). К этому времени, по традиции, в Большой церкви Зимнего дворца шли молебствия во здравие заболевшего императора, на которых присутствовало все наличное императорское семейство.

Императрица Мария Федоровна описала эти дни в дневнике следующим образом.

Вторник, 24 ноября 1825 г.: «Так как я по-прежнему находилась в смертельной тревоге, мои дети провели этот день у меня; я не выходила, каждое движение заставляло меня вздрагивать в ожидании известий». Императрице с учетом сложной ситуации требовалось постоянно «держатъ лицо» и ничем не выдавать своего волнения. Это было очень непросто, императрица писала: «Какой ужасный день! Я была на панихиде по моей дочери Екатерине¹⁰⁸; вышла на

¹⁰⁷ Воспоминания императрицы Александры Федоровны. 1817–1820. Электронная версия.

¹⁰⁸ Четвертая дочь Павла I и императрицы Марии Федоровны, великая княгиня Екатерина Павловна (род. 1788), скончалась

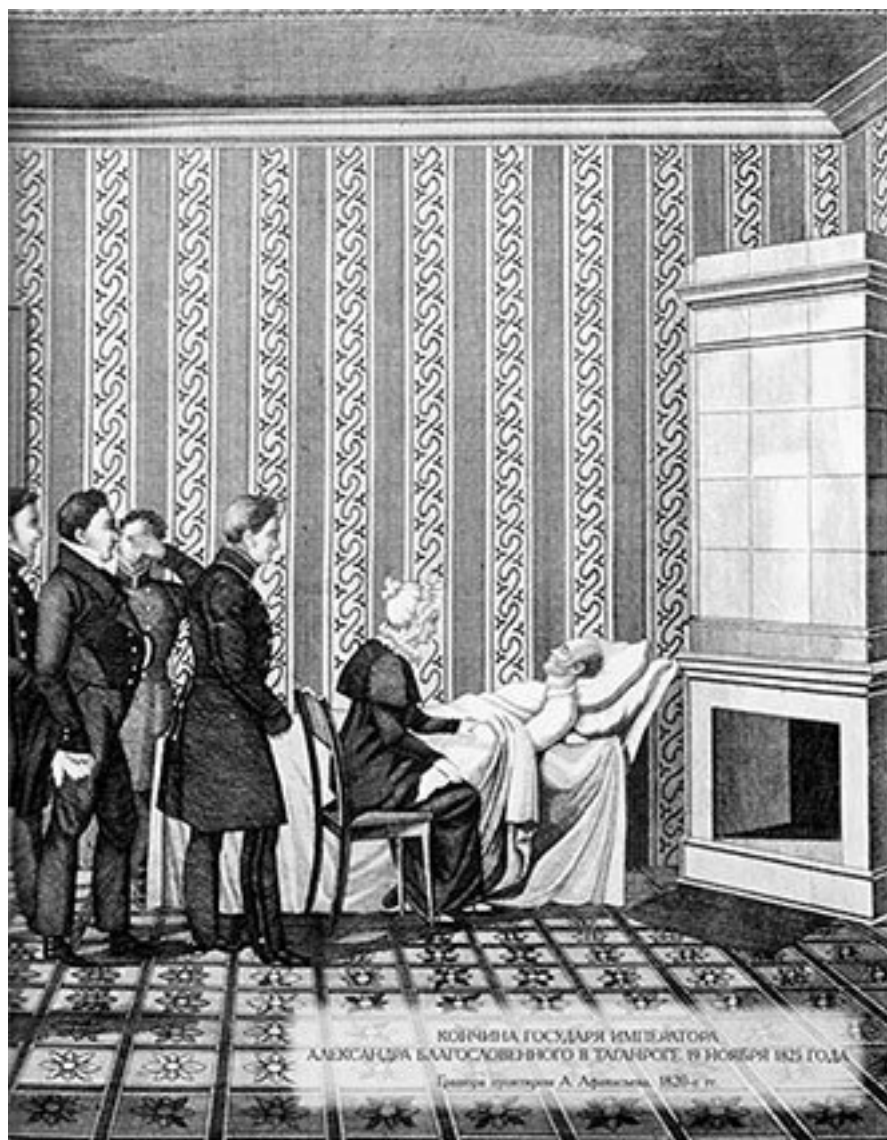
минуту на воздух в сад Эрмитажа и немного успокоилась»¹⁰⁹. На следующий день, в среду, 25 ноября, из Таганрога в Зимний дворец пришли новые известия об ухудшившемся состоянии здоровья Александра I. Мария Федоровна пишет: «Меня охватило отчаяние; перо не в силах выразить эту скорбь. Ко мне прибежали Николай и Александрина, также пришел граф Милорадович. Этот ужасный вечер был предвестником страшного утра 27-го; я не в состоянии его передать. Николай хотел быть около меня и остался во дворце. Я провела ночь в моем кабинете, на диване, ожидая и в то же время страшась получения известий; ужасный отдых! Но я не роптала; я была в отчаянии, вручая себя воле Божией и воссылая из глубины моего сердца, от всей моей опечаленной души молитвы к милосердному Господу, чья десница тяжело простерлась над нами. Я написала Императрице»¹¹⁰.

В четверг, 26 ноября, в Большой церкви Зимнего дворца продолжились службы во здравие императора: «Мы были в церкви, в нашей обычной комнате, молились милосердному Богу о выздоровлении нашего ангела, моего сына, моего ребенка; во время службы в самом конце молебна, когда мы все стояли на коленях... Короче говоря, Виллие в заключение давал понять, что Государь при смерти».

лась 9 января 1819 г.

¹⁰⁹ Страницы дневников императрицы Марии Федоровны. 1825–1826. Электронная версия.

¹¹⁰ Страницы дневников императрицы Марии Федоровны. 1825–1826. Электронная версия.

Кончина императора Александра I в Таганроге

Э. П. Гау Собор Спаса Нерукотворного образа в Зимнем дворце (Большой собор). 1866 г.

Последняя из таких служб состоялась 27 ноября 1825 г. В Большом соборе Зимнего дворца находились члены императорской семьи и немногочисленные сановники. Императрица Мария Федоровна с сыном и невесткой стояли возле алтаря, в ризнице, откуда стеклянная дверь вела в переднюю Второй запасной половины. Поскольку семья жила от приезда одного фельдъегеря до другого, то великий князь Николай Павлович приказал камердинеру императрицы Марии Федоровны подать ему знак через стеклянную дверь, если приедет новый фельдъегерь из Таганрога.

Знак был подан, когда закончилась обедня и начался молебен. Николай Павлович тихо вышел из ризницы через стеклянную дверь («Фонарик»), и в библиотеке Второй запасной

половины граф М. А. Милорадович сообщил ему о смерти Александра I: «Все кончено, Ваше Высочество... Покажите теперь пример мужества»¹¹¹.

Хотя печальное известие было ожидаемо, но потрясение оказалось столь велико, что силы оставили Николая Павловича. Он буквально упал на стул (за Кавалергардским залом), почти дамский обморок не был позой. От молодого наследника (а об этом знали только считанные единицы, поскольку решение Александра I не было официально обнародовано) требовались немедленные действия, поэтому граф Милорадович немедленно послал за лейб-медиком императрицы Марии Федоровны Рюлем, понимая, что медицинская помощь может понадобиться и для вдовствующей императрицы.

После того как Николай Павлович оправился, они втроем направились в Большую церковь. Войдя в ризницу, Николай Павлович опустился перед матерью на колени. Все присутствовавшие в церкви поняли, что император Александр I умер.

Службу остановили, к императрице подвели ее духовника Кривицкого с крестом. Только тогда Мария Федоровна заплакала. Один из очевидцев описал произошедшее следующим образом: «Вдруг, когда после громкого пения певчих в церкви сделалось тихо и слышалась только молитва, вполголоса произносимая священником, раздался какой-то легкий стук за дверями – отчего он произошел, не знаю; помню только то, что я вздрогнул и что все, находившиеся в церкви, с беспокойством оборотили глаза на двери; никто не вошел в них; это не нарушило моления, но оно продолжалось недолго – отворяются северные двери: из алтаря выходит Великий Князь Николай Павлович, бледный; Он подает знак рукою к молчанию; все умолкло, оцепенев от недоумения; но вдруг все разом поняли, что Императора не стало; церковь глубоко охнула. И через минуту все пришло в волнение; все слилось в один говор криков, рыдания и плача. Мало-помалу молившиеся разошлись, я остался один; в смятении мыслей я не знал, куда идти, и наконец машинально, вместо того чтобы выйти общими дверями из церкви, вошел северными дверями в алтарь. Что же я увидел? Дверь в боковую горницу отворена; там Императрица Мария Федоровна, почти бесчувственная, лежит на руках Великого Князя; перед Нею, на коленях, Великая Княгиня Александра Федоровна, умоляющая Ее успокоиться: „Maman, chere maman, au nom de Dieu, calmez-vous! [„Маменька, дорогая маменька, ради Бога успокойтесь!“ – *фр.*]“. В эту минуту священник берет с престола крест и, возвысив его, приближается к дверям; увидя крест, Императрица падает пред ним на землю, притиснув голову к полу почти у самых ног священника. Несказанное величие этого зрелища меня сразило; увлеченный им, я стал на колена перед святынею материнской скорби, перед головою Царицы, лежащей в прахе под крестом испытующего Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, подняли, посадили в кресла, понесли во внутренние покои; двери за Нею затворились...»¹¹². Так началось в Зимнем дворце утро 27 ноября 1825 г.

После смерти монарха, первое, что делалось всегда и везде – принесение присяги новому монарху по традиционной схеме: «Король умер! Да здравствует король!». Поэтому Николай Павлович, оставив мать и жену, немедленно направился на дворцовую гауптвахту, ко внутреннему дворцовому караулу (первый этаж западного фасада, окнами на внутренний двор), в этот день его выполняла рота его величества лейб-гвардии Преображенского полка под командой поручика В. Х. Граве¹¹³.

В помещении дворцового караула Николай Павлович объявил преображенцам о смерти Александра I и распорядился о немедленном приведении гвардейцев к присяге новому госу-

¹¹¹ Восшествие на престол императора Николая I-го. Составлено, по Высочайшему повелению, статс-секретарем бароном Корфом. Изд. третье (первое для публики). СПб., 1857.

¹¹² Восшествие на престол императора Николая I-го. Составлено, по Высочайшему повелению, статс-секретарем бароном Корфом. Изд. третье (первое для публики). СПб., 1857.

¹¹³ Поручику В. Х. Граве 15 декабря 1825 г. была объявлена высочайшая признательность «за примерный порядок, усердие и точность в исполнении своих обязанностей».

дарю Константину Павловичу. Затем великий князь обошел все внутренние дворцовые караулы, которые несли чины Кавалергардского и Конногвардейского полков, отдав те же приказания. Следуя распоряжениям великого князя, немедленно начали приводить к присяге нижних чинов и офицеров главного дворцового караула.

Это очень характерные шаги. Немедленное приведение к присяге гвардейских полков гарантировало спокойную передачу власти. Великий князь, зная о трех пакетах с завещанием Александра I, где речь шла о передаче власти Николаю, минуя Константина, ни словом не упомянул о них, не желая бросить на себя даже тень нелегитимных претензий на власть.

Сам Николай Павлович со своим ближайшим окружением сначала намеревался принести присягу новому императору Константину Павловичу в Малой церкви Зимнего дворца, но около церкви ему сообщили, что храм еще не освящен после ремонта. Поэтому все придворные и офицеры вновь направились в Большую церковь Зимнего дворца, в которой и принесли присягу новому императору, подписав присяжные листы. Только после этого Николай Павлович вернулся на половину матери, где находилась и его жена Александра Федоровна.

Без промедления в Зимний дворец начали съезжаться сановники. Ситуация была непростой. С одной стороны, Константин многие годы считался преемником Александра I – как в силу традиции, так и в силу статей «Учреждения об императорской фамилии», оглашенных Павлом I во время коронации в Успенском соборе Московского Кремля в апреле 1797 г. С другой стороны, имелось письменное завещание императора Александра I, предполагавшее иную схему передачи власти. К тому же все знали, что великий князь Константин состоял вmorganaticком браке.

Когда завещание императора Александра I доставили из Сената, его зачитали сановникам. Для очень многих из них это стало неожиданностью. Ситуация была действительно противоречивой, давшей повод к немедленному формированию различных группировок в правящей элите. Таким образом, сложилось положение междоусобицы, описанное во множестве исторических трудов. Именно этим решили воспользоваться заговорщики.

О сложности ситуации косвенно говорит и то, как «перемещались» главные действующие лица по Зимнему дворцу. Обсуждение сложившегося положения первоначально началось в комнатах Государственного совета, располагавшихся на первом этаже западного фасада дворца, затем, кулуарно, продолжилось в Большой церкви Зимнего дворца, где продолжали подписывать присяжные листы на верность императору Константину I высшие сановники империи. В конце концов в середине дня 27 ноября дискуссия о том, как выходить из династического кризиса, завершилась в комнатах императрицы Марии Федоровны. В результате сановники решили выдержать паузу при соблюдении строжайшей тайны о завещании Александра I до тех пор, пока великий князь Константин Павлович не выразит четко свои намерения.

Попутно упомянем, что тело Александра I находилось в Таганроге, великий князь Константин Павлович – в Варшаве, а великий князь Николай Павлович – в Петербурге. Скорость прохождения информации в то время зависела от скорости лошади и выносливости фельдъегеря. Напомним и о том, что расстояние от Петербурга до Варшавы превышало 1200 км, и это по «русским дорогам».

В свете принятого решения Николай Павлович вновь прошел в Большую церковь Зимнего дворца, где убедил митрополита С.-Петербургского Серафима оставить хранившийся в Синоде пакет с завещанием Александра I, впредь до повеления, нераспечатанным. Там же он выслушал короткий молебен с провозглашением многолетия императору Константину и панихиду по усопшему императору Александру.

Великая княгиня Александра Федоровна, также бывшая 27 ноября в Зимнем дворце, записала в дневнике: «Пятница, вечером. Ужаснейшее совершилось! С утра я опять поехала к императрице-матери; мы говорили обо всем, что могло произойти; после 10 часов мы опять пошли в церковь, снова те же молитвы, снова под конец вызвали Николая. Ах, на этот раз

он так долго не возвращался! Непередаваемый страх охватил нас. Я была одна с матушкой, она отправила даже камердинера, чтобы скорее получить известия; я стояла около стеклянной двери; наконец я увидела Рюля; по тому, как он шел, нельзя было ожидать ничего хорошего. Выражение его лица досказало все. Свершилось! Удар разразился! Матушка стояла с одной стороны, я – с другой. Николай вошел и упал на колени; я чуть было не лишилась сознания, но пересилила себя, чтобы поддержать бедную матушку. Она открыла дверь, которая ведет к алтарю, и прислонилась к ней, не произнеся ни слова. Она приложилась к распятию, которое ей протянул священник, я тоже поцеловала крест нашего Спасителя, который один может даровать утешение. Войдя к себе в комнату, она села; мы прочли письма бедной императрицы Елизаветы, несчастнейшей из всех женщин на земле.

Он распорядился принести Константину присягу, несмотря на то что в Совете было вскрыто завещание государя, где находилась бумага, в которой Константин формально передавал свои права наследования своему брату Николаю. Все устремились к нему, указывая на то, что он имеет право, что он должен его принять; но так как Константин никогда не говорил с ним об этом и никогда не высказывался по этому поводу в письмах, то он решил поступить так, как ему приказывала его совесть и его долг: он отклонил от себя эту честь и это бремя, которое, конечно, все же через несколько дней падет на него»¹¹⁴.

Одновременно с этими событиями «отметились» в Зимнем дворце и будущие декабристы. Поскольку традиционной биржей дворцовых новостей служила в Зимнем дворце так называемая Конногвардейская комната, находившаяся поблизости от главного караула на первом этаже западного фасада, туда по обыкновению сходились сменившиеся после развода офицеры для того, чтобы обменяться новостями и сплетнями. Поскольку эта часть дворца являлась открытой для любого гвардейского офицера, то побывали в этой комнате 27 ноября и некоторые из офицеров-декабристов, собирая в Зимнем дворце «оперативную информацию».

Наращение напряжения чувствовалось в императорской резиденции совершенно отчетливо. Чувствовалось и то, что это напряжение может разрядиться страшной политической бурей. Великая княгиня Александра Федоровна 29 ноября 1825 г. записала в дневнике: «Посмотрим только, захочет ли Константин признать все это. Как все запуталось! Бедная Россия представляется пораженной, убитой молнией, покрытой траурным флером. Повсюду царит зловещая тишина и оцепенение; все ждут того, что должны принести с собой ближайшие дни»¹¹⁵.

К началу декабря стало ясно, что Константин трон не примет, но тому требовались письменные с его стороны подтверждения. Александра Федоровна отчетливо осознавала, что для нее и ее мужа начинается новый этап жизни, в нем будет гораздо меньше возможностей для той приватной жизни, которую они оба столь ценили. Конечно, великая княгиня страстно желала превратиться в императрицу. Ведь в этом и заключается одна из главных жизненных задач любой принцессы.

3 декабря 1825 г. Александра Федоровна записала в дневнике: «Какие решающие дни! Я уже грущу при мысли о том, что мы больше не сможем жить в нашем доме, где мне придется покинуть мой милый кабинет, что наша прекрасная частная жизнь должна окончиться. Мы были так тесно связаны друг с другом, мы так неизменно делили друг с другом все наши горести, печали и заботы! Ах, это горе, эта боль в сердце – она все не прекращается, не прекращается также и тревога, ожидание этого неизбежного будущего! Я не ошиблась в Константине: я была убеждена, что он так поступит; все-таки это радостно не ошибиться в мнении о человеке. Императрица-мать, несмотря на все переживаемое ею волнение, от всего сердца благодарит Бога за то, что он дал ей таких благородных сыновей. Ах! это пример для всей Европы, вели-

¹¹⁴ Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 – 13 (25) июля 1826). Электронная версия.

¹¹⁵ Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 – 13 (25) июля 1826). Электронная версия.

кий пример! И каждая семья может почерпнуть из этого урок для себя! Мой жребий все же прекрасен. Я буду и на троне только его подругой! И в этом для меня все!»¹¹⁶.

К началу декабря Николай Павлович и Александра Федоровна фактически переехали на жительство в Зимний дворец, бывая у себя в Аничковом дворце только наездами. Так, в воскресенье 6 декабря 1825 г. Александра Федоровна писала: «Сейчас 7 часов; мы вернулись из нашего дома, где мы спали в течение получаса в моем милom кабинете на старом [нрзб.]. Отдых Николая был, однако, скоро прерван. В дальнейшем это будет повторяться все чаще и чаще»¹¹⁷.

Окончательно ситуация определилась в субботу, 12 декабря 1825 г. Во-первых, Николай Павлович рано утром получил достоверную информацию о готовящемся дворцовом перевороте. Тогда же было принято решение о начале арестов известных заговорщиков. Императрица Александра Федоровна записала в дневнике: «...12 декабря из Таганрога прибыл Александр Фредерикс с важными бумагами от Дибича, которыми устанавливалось, что против императора Александра и всей семьи существовал целый заговор. Николай сообщил это мне, но я должна была хранить это в тайне»¹¹⁸. Во-вторых, в обед великий князь получил письмо из Варшавы (оно датировано 8 декабря) от старшего брата Константина, который решительно отказывался от трона¹¹⁹. Николай Павлович немедленно отправился к матери, сообщив ей решение Константина. Тогда же, 12 декабря 1825 г., принимается решение о переприсяге новому императору Николаю I.

12 декабря 1825 г. великая княгиня Александра Федоровна впервые ощутила себя императрицей. Она писала в дневнике: «Итак, впервые пишу в этом дневнике как императрица. Мой Николай возвратился и стал передо мною на колени, чтобы первым приветствовать меня как императрицу. Константин не хочет дать манифеста и остается при старом решении, так что манифест должен быть дан Николаем»¹²⁰.

После обеда молодая императорская чета нашла несколько минут, чтобы съездить в Аничков дворец к детям. Там, в маленьком кабинете, Александра Федоровна, уже знавшая и судьбу Петра III, и судьбу Павла I, молилась за мужа...

В Зимнем дворце Николай Павлович расположился в комнатах второго этажа западного фасада Зимнего дворца, в так называемых детских комнатах Александра I. Временный кабинет императора Николая I находился в нынешнем зале № 172. Работа в этих комнатах не прекращалась до позднего вечера, пока М. М. Сперанский не подготовил проект Манифеста. О настроении самого Николая I свидетельствует записка, написанная поздно вечером 12 декабря к князю П. М. Волконскому: «Воля Божия и приговор братний надо Мной свершаются. 14-го числа Я буду или Государь – или мертв! Что во Мне происходит, описать нельзя; вы верно надо Мной сжалитесь: да, мы все несчастливы, но нет никого несчастливее Меня. Да будет воля Божия!». Далее он писал: «Я, слава Богу, покуда еще на ногах, но, судя по первым дням, не знаю, что после будет, ибо уже теперь Я начинаю быть прозрачным. Да не оставит Меня Бог, и душевно, и телесно!».

Рано утром 13 декабря 1825 г. придворным в Зимнем дворце объявили о воцарении Николая I. Об этом вплоть до официального объявления Манифеста запрещалось сообщать кому бы то ни было. Конечно, новость немедленно разнеслась по аристократическим салонам Петербурга.

¹¹⁶ Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 -13 (25) июля 1826). Электронная версия.

¹¹⁷ Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 -13 (25) июля 1826). Электронная версия.

¹¹⁸ Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 -13 (25) июля 1826). Электронная версия.

¹¹⁹ «Посылаю тебе благословение старшего брата, от глубины сердца, всеми ощущениями тебе принадлежавшего, и удостоверяю тебя, как подданный, в преданности и беспредельной привязанности, с которыми не перестану быть твоим преданнейшим братом и другом». Цит. по: Восшествие на престол императора Николая I-го...

¹²⁰ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

К 8 часам вечера в воскресенье, 13 декабря 1825 г., в Зимнем дворце на чрезвычайное совещание вновь собрались члены Государственного совета. Съезжались сановники долго, и только за полночь заседание началось. Столь позднее начало связано с тем, что вся семья с минуты на минуту ожидала приезда из Варшавы великого князя Михаила Николаевича, тот должен был лично подтвердить письменное отречение Константина Павловича. Когда откладывать заседание стало уже невозможно, а от Михаила не поступало никаких вестей, Николай Павлович, обняв по очереди мать и жену, один отправился к членам Государственного совета. По воспоминаниям Марии Федоровны, «к чтению манифеста в Совете в полночь Михаил не приехал. Все спокойно. Перед уходом Николая мы помолились втроем Богу: Александра, Николай и я. Благословение. Это длилось добрых полчаса»¹²¹.

Войдя в зал заседаний Совета, Николай Павлович сам зачитал Манифест о принятии им императорского сана вследствие отречения великого князя Константина Павловича. Заседание закончилось в Зимнем дворце около часу ночи 14 декабря 1825 г. Затем молодой император вернулся в свои комнаты, где его ожидали мать и жена. Через некоторое время супруги проводили Марию Федоровну на ее половину. Там комнатная прислуга вдовствующей императрицы с ее разрешения первая поздравила молодую императорскую чету с началом царствования. Александра Федоровна в своем дневнике отметила, что их следовало бы не поздравлять, а скорее утешать и сожалеть о них. Затем, как писал Николай I, «мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались Богу»¹²².

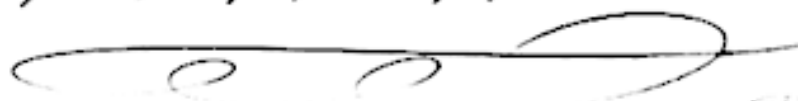
В этот длинный день императорская чета сумела заехать в Аничков дворец, для того чтобы повидать детей. Там они все вместе пообедали. Ночевали супруги уже в Зимнем дворце. Ночью, когда императрица осталась одна, она «плакала в своем маленьком кабинете, ко мне вошел Николай, стал на колени, молился Богу и заклинал меня обещать ему мужественно перенести все, что может еще произойти. „Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество, и если придется умереть – умереть с честью“»¹²³. Они прекрасно осознавали, что угроза насильственной смерти вполне реальна, что прежняя жизнь закончилась, но не знали, что их ждет на следующий день...

¹²¹ Императрица Мария Федоровна. Записка о событиях 14 декабря 1825 г. Электронная версия.

¹²² Записки Николая I.

¹²³ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

Гранитъ въ Успенскомъ Соборѣ,
вместѣ съ Ахтами о наследованіи
Престолоу: а въ случаѣ моей Кон-
чины, президе всѣмъ присут-
ствующимъ, распорядитъ Московскому
Господарскому, Арміарету и Военному
Генералу Губернатору. Въ славѣ Собора

Конверт с надписью рукой Александра I о новом порядке престолонаследия

А. В. Поляков. Портрет великого князя Николая Павловича. 1820 г.

Повторим: возможность смерти была суровой реальностью, и иллюзий по этому поводу супруги не имели, поскольку о возможности выступления «декабристов» императору Николаю Павловичу было прекрасно известно. В данном контексте возникает вопрос, почему Николай I не принял мер превентивного характера для предотвращения выступления заговорщиков. Можно, конечно, рассуждать о недостатке оперативной информации, не позволявшей с уверенностью опереться на те или иные гвардейские части, но император знал о безусловно верных ему саперах и офицерах гвардии, которым он доверял. Так или иначе, но верных императору частей гвардии и офицеров не собрали в эту ночь в Зимнем дворце.

Любопытно, что в ночь с 13 на 14 декабря у покоев Марии Федоровны во внутреннем карауле от Конной гвардии стоял поэт князь А. И. Одоевский, один из тех, кто через несколько часов выйдет на Сенатскую площадь. Следовательно, у декабристов буквально до самого начала их попытки переворота имелись свои люди в Зимнем дворце, собиравшие самую последнюю информацию.

Позже Николай I описал события, происходившие с раннего утра 14 декабря 1825 г. Эти записи мы дополним цитатами из дневников императриц – Марии Федоровны и Александры Федоровны, сосредоточившись на событиях, происходивших в стенах Зимнего дворца. Итак...

К утру 14 декабря 1825 г. ситуация в столице сложилась настолько тревожной и неопределенной, что, памятуя о судьбе своего отца, Николай I, встав рано утром и одевая мундир в

присутствии графа А. Х. Бенкендорфа, обронил: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете; но по крайней мере мы умрем, исполнив наш долг». Как видим, мысль о возможной смерти тревожила Николая I уже несколько дней, и основания для тревоги имелись очень серьезные...

Утром 14 декабря ключевым фигурам политического бомонда Петербурга стало ясно, что объявление Манифеста о восшествии на престол императора Николая I и присяга ему вызовут попытку дворцового переворота. Поэтому царь приказал собрать рано утром в Зимнем дворце всех командиров гвардейских полков. Он желал лично проинструктировать их на случай нештатных ситуаций, которые всеми ожидались. Уже в 7 часов утра Николай I вышел к собравшимся начальникам дивизий и командирам бригад, полков и отдельных батальонов Гвардейского корпуса. Инструктаж состоялся на втором этаже западного фасада Зимнего дворца в комнатах императора (зал № 173), рядом с его временным кабинетом (зал № 172).

Сначала император объяснил ситуацию, а затем прочел офицерам Манифест и приложенные к нему акты. Николай Павлович предложил офицерам высказываться и услышал слова безоговорочной поддержки и признания его своим императором. В ответ Николай I, вживаясь в роль самодержца, приказал: «После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы; а что до меня, если буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин». После чего офицеры отправились присягать Николаю I в помещении библиотеки Главного штаба, а затем разъехались по своим частям для приведения войск к присяге.

Поскольку в этот день с утра события развивались очень динамично, то для всех «имеющих приезд ко Двору» последовало распоряжение собраться в Зимний дворец к 11 часам утра для торжественного молебна в Большом соборе. Однако несколько позже время молебствия перенесли на 2 часа пополудни, чтобы дать офицерам спокойно завершить церемонию приведения к присяге воинских частей. Но это распоряжение многих не застало дома, и Зимний дворец начал наполняться сановниками уже к 11 часам.

Уже к 10 часам утра в Зимний дворец стали поступать сообщения о взбунтовавшихся частях, отказывавшихся приносить присягу Николаю Павловичу. Причем колебания имели место как среди нижних чинов, так и офицеров. Примерно в это же время в Зимний дворец наконец приехал из Варшавы младший брат Николая I, великий князь Михаил Павлович.

Император, наряду с приказами по наведению порядка в колеблющихся частях, принял меры для усиления охраны Зимнего дворца. Так, генерал-майору С. С. Стрекалову было приказано привести к Зимнему дворцу 1-й батальон Преображенского полка, расквартированный в казарме на Миллионной улице.

Своего адъютанта А. А. Кавелина Николай Павлович отправил в Аничков дворец, для того чтобы немедленно перевезти детей царя в Зимний дворец. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «14 декабря мы покинули Аничков дворец, чтобы переехать в Зимний, входы которого можно было лучше защищать в случае опасности. Я вспоминаю, что в тот день мы остались без еды, вспоминаю озадаченные лица людей, празднично одетых, наполнявших коридоры, Бабушку с сильно покрасневшими щеками»¹²⁴. Примечательно, что сначала из Аничкова дворца в Зимний перевезли трех дочерей царя, опробуя безопасность маршрута. Только после этого в императорскую резиденцию, отдельно, в простой наемной карете, перевезли наследника, великого князя Александра Николаевича.

Поскольку император должен был лично выйти к войскам с непредсказуемым исходом, то проходя через комнаты супруги, обронил: «Il y a hesitation a l'artillerie [Артиллерия колеблется. — *фр.*]» и добавил: «Il y a du bruit au regiment de Moscou; je veux y aller [В Московском полку волнение; я отправляюсь туда. — *фр.*]». Александра Федоровна начала одеваться к молебну, назначенному на 11 часов, когда вошедшая к ней императрица Мария Федоровна

¹²⁴ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846 гг. Электронная версия.

сообщила ей более жесткую версию событий: «*Pas de toilette, mon enfant, Il y a desordre, revoke...* [Не рядись, мое дитя, в городе беспорядок, бунт... – *фр.*]»¹²⁵.

Николай I, в мундире Измайловского полка, с лентой через плечо, без шинели, спустился по Салтыковской лестнице к главной дворцовой гауптвахте. Перед Салтыковской лестницей царю встретился командир Кавалергардского полка флигель-адъютант граф С. Ф. Апраксин, а на самой лестнице – командир Гвардейского корпуса генерал А. Л. Воинов, который был, по словам императора, в «совершенном расстройстве». Первому он приказал привести полк, а второму царь напомнил, что место его среди вышедших из повиновения войск, вверенных ему в подчинение.

Рано утром 14 декабря 1825 г. в караул на главную дворцовую гауптвахту Зимнего дворца заступила 6-я егерская рота лейб-гвардии Финляндского полка со штабс-капитаном Прибытковым, поручиком Гречем и прапорщиком Боасселем¹²⁶. Они меняли карабинерную роту того же полка. В своих воспоминаниях царь подчеркнул: «Полк сей был в моей дивизии».

А. А. Кавелин. 1850 г.

¹²⁵ Цитаты на французском – тоже из воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны.

¹²⁶ В камер-фурьерском журнале ошибочно указано, что караул был от лейб-гвардии Егерского полка.

С. Ф. Апраксин (1792–1862). 1817 г.

Еще не завершился развод нижних чинов по постам вокруг дворца, поэтому в караульном помещении находилась только часть караула. Николай I приказал выстроить весь наличный состав караула в Большом дворе Зимнего дворца перед крыльцом гауптвахты и приказал при отдании чести салютовать знамени и бить поход. Там царя нашел граф Милорадович, доложил ему, что восставшие собираются у здания Сената, и затем уехал туда. Фактически этот караул стал первой воинской частью, подчиненной лично императору. Николай I спросил солдат, присягнули ли они ему, на что получил утвердительный ответ. Действительно, лейб-гвардии Финляндский полк принес присягу Николаю Павловичу еще до заступления в караул.

Николай I так описывал свои дальнейшие действия: «„Ребята, московские шалят; не перенимать у них и свое дело делать молодцами!“ Велел зарядить ружья и сам, скомандовав: „Дивизия, вперед, скорым шагом марш!“ – повел караул левым плечом вперед к главным воротам Дворца»¹²⁷. Заметим, что егерская рота того времени включала от 80 до 100 чел.

К этому времени Дворцовую площадь заполнили аристократы в экипажах и простолюдины. Многие заглядывали во двор дворца. Выводя караул за главные ворота Зимнего дворца, Николай Павлович увидел полковника лейб-гвардии Московского полка П. К. Хвоцинского¹²⁸, залитого кровью. Царь велел ему укрыться во дворце, для того чтобы не обострять ситуацию.

¹²⁷ Записки Николая I.

¹²⁸ Полковник Павел Кесаревич Хвоцинский (1792–1852) в 1823 г. был переведен в лейб-гвардии Московский полк. Он состоял членом Союза благоденствия, но 14 декабря оказал активное противодействие восставшим и был ранен. 15 декабря Хвоцинский пожалован флигель-адъютантом к Николаю I.

А. Л. Воинов (1770–1832)

По приказу императора 6-я егерская рота встала поперек ворот Зимнего дворца, с внешней их стороны. Затем Николай Павлович «пошел в народ». По его же словам, надо было «выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным – все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ль мой манифест. Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддержал»¹²⁹. Одновременно Николай Павлович отправил своего адъютанта В. Ф. Адлерберга в казармы Преображенского полка на Миллионной улице, чтобы тот ускорил приход расквартированного там 1-го батальона. Фактически в это время огромной толпе с непредсказуемым настроением противостояло лишь около сотни вооруженных солдат, при этом император находился без всякой охраны в центре толпы.

Эту сцену из окон своих комнат, выходящих на Дворцовую площадь, наблюдала императрица Мария Федоровна: «Вдруг раздаются крики „ура“. Я спрашиваю, в чем дело, – мне гово-

¹²⁹ Записки Николая I.

рят, что Государь на площади, окружен народом. Подхожу, вижу, что он окружен, что он говорит с ними, временами слышны отдельные голоса: все мои плакали от умиления при виде такой преданности народа. Через несколько времени после этого до меня донеслись снова крики „ура“; я опять подхожу, вижу Государя читающим народу манифест, это меня поразило и испугало...»¹³⁰. Царь, завоеывая симпатии толпы, даже перецеловал тех, кто стоял поблизости от него, а затем попросил народ очистить площадь.

На этот момент 1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка уже принял присягу буквально напротив Зимнего дворца – в дворцовом экзерциргаузе. Поскольку терпение царя иссякло, он сам направился от главных ворот дворца навстречу преображенцам, колонну которых встретил в самом начале Миллионной улицы, приказав им расположиться спиной к Комендантскому подъезду, левым флангом к экзерциргаузу, правым же почти дотянувшись до главных ворот Зимнего дворца. Когда батальон единодушно выразил готовность выполнять приказы царя, он понял, что у него появились новые верные ему войска: «Минуты, единственные в моей жизни! Никакая кисть не изобразит героическую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете в столь критическую минуту»¹³¹.

Императрица Мария Федоровна, не отходявшая от окон, выходивших на Дворцовую площадь, так описала увиденное: «Тут я увидела батальон Преображенского полка в шинелях, выстроившийся перед воротами. Это меня удивило, и удивление мое возросло, когда я увидела, что они двинулись по направлению к Адмиралтейству и остановились, чтобы зарядить ружья; затем они снова пошли в ту сторону; Император следовал за ними. Я недоумевала, чем все это вызвано. На площади было сильное движение; вскоре мы увидели, что на этой стороне выстроились конногвардейцы. Наконец Государь прислал ко мне Евгения с сообщением о том, что две роты Московского полка отказались принести присягу и призывали к возмущению. Вернувшись к себе, мы увидели, что войска все прибывали; Павловский полк также прошел перед дворцом. Государь, чтобы успокоить нас, прислал ко мне Трубецкого и Фредерикса...»¹³².

Примечательно, что возле строящегося тогда здания Главного штаба император мельком увидел полковника князя С. П. Трубецкого, известного храбреца, участника сражений при Бородине, Малоярославце, Люцене, Кульме, Лейпциге. Тогда Николай I еще не знал, что тот – «диктатор» переворота и его напрасно ожидали выстроившиеся в каре на Сенатской площади мятежники.

¹³⁰ Императрица Мария Федоровна. Записка...

¹³¹ Записки Николая I.

¹³² Императрица Мария Федоровна. Записка...

Беннер Жан Анри. Великая княгиня Александра Федоровна. 1821 г.

Дж. Доу. Императрица Мария Федоровна в трауре. 1825–1827 гг.

К. Кольман. Восстание декабристов. 1830-е гг.

Императрица Александра Федоровна записала в дневнике: «Михаил приехал в 12 часов и тотчас же поспешил к артиллерии. Я сидела одна, когда ко мне вошел Николай со словами: „Мне необходимо выйти“. Голос его не предвещал ничего хорошего; я знала, что он не намеревался выходить; я почувствовала сильное волнение, но затаила его в себе и принялась за свой туалет, так как в два часа должен был состояться большой выход и молебен. Вдруг отворилась дверь, и в кабинет вошла императрица-мать с крайне расстроенным лицом; она сказала:

– Дорогая, все идет не так, как должно бы идти; дело плохо, беспорядки, бунт!

Я, не произнеся ни слова, мертвенно бледная, окаменелая, набросила платье и с императрицей-матерью – к ней. Мы прошли мимо караула, который в доказательство своей верности крикнул: „Здравия желаем!“. Из маленького кабинета императрицы мы увидели, что вся площадь до самого Сената заполнена людьми. Государь был во главе Преображенского полка, вскоре к нему приблизилась Конная гвардия; все же нам ничего не было известно, – говорили только, что Московский полк возмутился»¹³³.

Именно в это время к Салтыковскому подъезду Зимнего дворца подъехала простая карета. В ней привезли в Зимний дворец из Аничкова дворца наследника Александра Николаевича и его воспитателя К. К. Мердера. Уловка с наемной каретой должна была защитить наследника от возможного покушения, а дочерей царя уже ранее перевезли в Зимний дворец. Подчеркнем, предпринятые меры безопасности были совершенно оправданны, поскольку позже в ходе следствия над декабристами выяснилось их твердое намерение ликвидировать в ходе переворота всю императорскую семью, списав убийства на неизбежные «эксцессы исполнителей».

Выполнившего ответственное поручение А. А. Кавелина царь немедленно отправил в казармы лейб-гвардии Павловского полка, чтобы привести роты полка к Зимнему дворцу. Когда три роты полка подошли к Зимнему дворцу, две из них поставили на Миллионной улице, у моста через Зимнюю канавку, а третью – у наплавного моста через Неву, на Дворцовой набережной.

Когда Николай I подошел к Преображенскому батальону, нижние чины отдали царю честь. Царь обратился к преображенцам: «После отречения брата Константина Павловича вы присягнули Мне, как законному своему Государю, и поклялись стоять за Меня и Мой Дом до последней капли крови. Помните, присяга – дело великое. Я требую теперь исполнения. Знаю, что у Меня есть враги, но Бог поможет с ними управиться». После этого Николай Павлович направил преображенцев к Адмиралтейской площади, прикрыв двумя взводами западный фасад Зимнего дворца.

Самого Николая Павловича, подъехавшего к Сенатской площади, мятежники встретили пулями. Поскольку ситуация продолжала оставаться очень шаткой, царь распорядился «приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село»¹³⁴. Затем он сам направился обратно к Зимнему дворцу, «дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным батальонам – Гвардейскому и Учебному».

По дороге ко дворцу Николай Павлович наткнулся на шедший «в совершенном беспорядке со знаменами без офицеров Лейбгренадерский полк... Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить; но на мое „Стой!“ отвечали мне: „Мы – за Константина!“». Я указал им на Сенатскую площадь и сказал:

¹³³ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

¹³⁴ Записки Николая I.

„Когда так – то вот вам дорога“. И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим одинаково заблужденным товарищам. К щастию, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца и участь бы наша была более чем сомнительна. Но подобные рассуждения делаются после; тогда же один Бог меня наставил на сию мысль»¹³⁵.

К этому времени к Зимнему дворцу подошли лично преданные Николаю Павловичу два саперных батальона – Гвардейский и Учебный. Учитывая ситуацию, ротные командиры еще утром приказали раздать нижним чинам боевые патроны и бегом повели батальон с Кирочной улицы, где находились казармы, к Зимнему дворцу. Офицеры батальонов, кроме ротных командиров, были с 11 часов утра в Зимнем дворце, приехав на богослужение. Там командир батальона полковник А. К. Геруа, услышав о начавшихся беспорядках, распорядился выдвинуть подразделение к Зимнему дворцу, построив солдат в Большом дворе резиденции.

Саперы подошли вовремя. Буквально чрез несколько минут в Большой двор Зимнего дворца вошли восставшие роты лейб-гвардии Гренадерского полка под командованием поручика Н. А. Панова. Двигаясь с Петроградской стороны по льду Невы, гренадеры прошли по Миллионной улице и вышли на Дворцовую площадь. Там Панову пришла мысль сходу овладеть Зимним дворцом и в случае сопротивления перебить всю царскую семью. Николай I отметил в воспоминаниях, что «толпа лейб-гренадер, предводимая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство»¹³⁶.

Майор П. Я. Башуцкий, стоявший около ворот Зимнего дворца принял гренадеров за новую часть, присланную царем для охраны Зимнего дворца, и даже велел караулу лейб-гвардии Финляндского полка расступиться и пропустить пришедших.

Мятежники во главе с Пановым прошли в Большой двор Зимнего дворца, там они натолкнулись на колонну гвардейского Саперного батальона. Гренадеров увидел из окна один из офицеров полка (поручик барон Зальц), приехавший во дворец к 11 часам утра на богослужение, который и вышел на двор. Сам Панов в это время принимал тяжелое решение. На настойчивые вопросы Зальца, на чей стороне гренадеры, он ответил: «Если ты от меня не отстанешь, я велю прикладами тебя убить». Затем, подняв шпагу, Панов закричал: «Да это не наши, ребята, за мною!» – и увел солдат через главные ворота Зимнего дворца в сторону Сенатской площади.

¹³⁵ Записки Николая I.

¹³⁶ Записки Николая I.

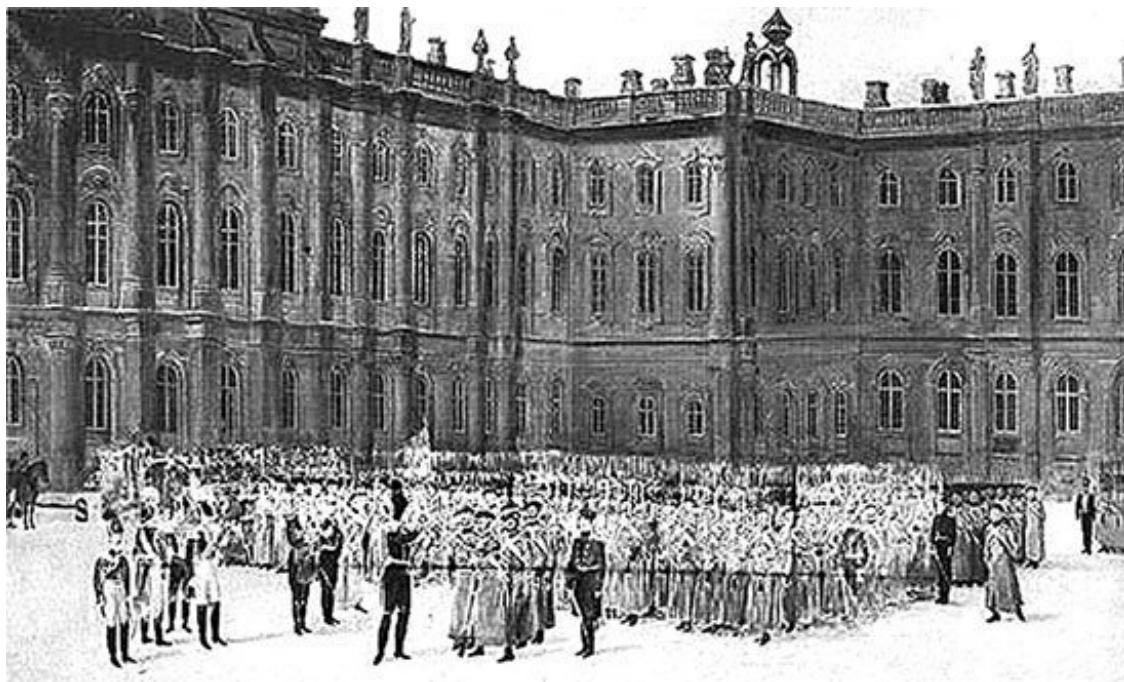
Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Императрица Мария Федоровна из окон своей половины, выходявшей на Большой двор, видела и эту сцену: «Наконец мы увидели, как в совершенном беспорядке прошло двести-полтора человека из Гренадерского полка; они как будто хотели остановиться перед дворцом; с ними было лишь двое офицеров; они направились к Адмиралтейству. То, как они шли, малочисленность офицеров и беспорядок в их рядах заставили меня сначала предположить, что [нрзб.]. В это самое время ко мне пришел Евгений и сказал, что он считает своим долгом предупредить меня, что дело принимает скверный оборот, что к мятежникам присоединились моряки и часть гренадерского корпуса. Это ужасное состояние продолжалось два или три часа»¹³⁷.

Сам царь оценил этот эпизод следующим образом: «Ежели б саперный батальон опоздал только несколькими минутами, дворец и все наше семейство были б в руках мятежников, тогда как занятый происходившим на Сенатской площади и вовсе безызвестный об угрожающей с тылу оной важнейшей опасности, я бы лишен был всякой возможности сему воспрепятствовать. Из сего видно самым разительным образом, что ни я, ни кто не могли бы дела благополучно кончить, ежели б самому милосердию Божию не угодно было всем править к лучшему»¹³⁸.

¹³⁷ Императрица Мария Федоровна. Записка...

¹³⁸ Записки Николая I.

Николай I перед строем лейб-гвардии Саперного батальона во дворе Зимнего дворца

Буквально чудом уцелела царская семья, ведь только лейб-гвардии Саперный батальон предупредил захват восставшими дворца. Именно Саперный батальон, которым некоторое время командовал Николай Павлович, сосредоточившись в Большом дворе Зимнего дворца, стал ядром, вокруг которого постепенно «наросли» верные Николаю I войска. Один из мемуаристов, передавая семейные предания, писал: «Во время декабрьского бунта в 1825 году флигель-адъютант полковник Геруа ввел свой лейб-гвардии Саперный батальон во двор Зимнего дворца и занял его как раз в ту минуту, когда бунтовщики готовы были туда ворваться. Батальон не пришел, а прибежал с Кирочной, где были его казармы. Император Николай I вынес к саперам маленького наследника – будущего Царя-Освободителя – и передал его на руки старым ветеранам солдат, спасшим Царскую семью. Момент этот был запечатлен в картине, помещенной в собрании батальона, и на одном из барельефов памятника Императору Николаю I. Дед изображен стоящим в мундире, с обнаженной шпагой у ноги».

Таким образом, «штурм Зимнего дворца» мятежниками не удался. Заметим, что это был один из ключевых пунктов их плана захвата власти, обозначенный еще 12 и 13 декабря 1825 г. на совещании у К. Ф. Рылеева. Следует иметь в виду и то, что рано утром 14 декабря 1825 г. Рылеев просил П. Г. Каховского проникнуть в Зимний дворец и попытаться убить Николая Павловича. Каховский после некоторых колебаний отказался это сделать. Через час после его отказа А. И. Якубович также отказался вести матросов Гвардейского экипажа и солдат Измайловского полка на Зимний дворец. Отметим, что и Каховский, и Якубович были боевыми офицерами, имевшими серьезный личный опыт войны на Кавказе.

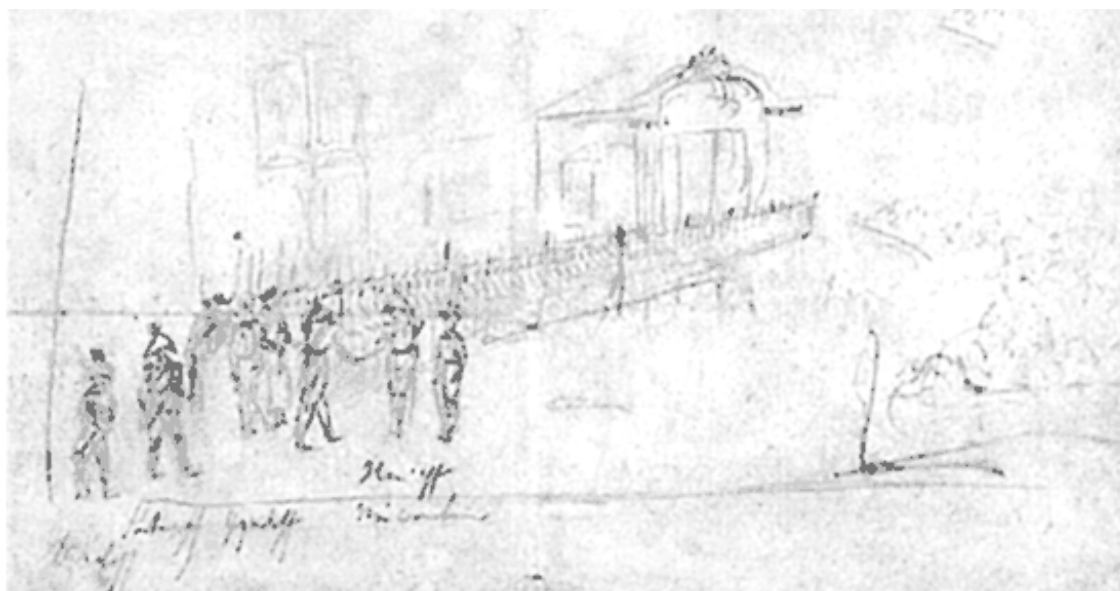
После ухода мятежных лейб-гренадер все наружные выходы Зимнего дворца немедленно заняли усиленные посты от лейб-гвардии Саперного батальона, кроме этого, 1-я Минерная рота стала у главных ворот резиденции, 1-й взвод 1-й Саперной роты – на Салтыковском подъезде, 2-й взвод 2-й Саперной роты – на Посольском (Иорданском) подъезде.

Как мы видим, все решили минуты. Удача оказалась на стороне Николая I в лице верных ему саперов. Если бы не они, то гренадеры легко бы смяли неполную караульную роту лейб-гвардии Финляндского полка. А затем начались бы кровавые «эксцессы исполнителей».

Позже, на допросе в Следственной комиссии, Панов показывал: «Мы прошли наискось к Мраморному дворцу, зашли во дворец Зимний, думая, что тут Московцы, но, найдя на дворе

саперов, вернулись назад вдоль бульвара на площадь, и, встретив кавалерию, нас останавливавшую, я выбежал вперед и закричал людям „За мною“ и пробился штыками». Отметим, что в опубликованных материалах по следственному делу декабристов, где приведены и тексты допросов Панова, его вообще не спрашивали о намерениях, которые привели его на Большой двор Зимнего дворца. При этом у современников особых сомнений по поводу возможного характера действий со стороны Панова не было.

В. Ф. Адлерберга, отправленного царем в Зимний дворец подготовить выезд членов императорской семьи в Царское Село, немедленно вытребовали императрицы. Властная и всегда демонстративно величественная Мария Федоровна впала в истерику. На ее веку это была уже третья смена верховной власти, причем вторая из них закончилась гибелью ее мужа. Она хорошо представляла возможные последствия очередного бунта и для себя, и для семьи своего сына. Александра Федоровна была гораздо спокойнее, то ли по безграничной вере в «звезду» своего мужа, то ли просто не представляя последствий таких ситуаций. При этом Адлерберг умолчал о поручении императора по подготовке «экстренной эвакуации».

1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка перед Комендатским подъездом Зимнего дворца 14 декабря 1825 г. Рисунок Николая I

Когда на Сенатской площади по мятежникам ударили картечью пушки, то в Зимнем дворце поднялась легкая паника, поскольку стало понятно, что «дело» перешло в пиковую фазу и может решиться как в ту, так и в другую сторону. А в это время съехавшиеся к 11 часам утра в Зимний дворец придворные, военные и чиновники продолжали ожидать исхода событий. Думается, многие из них провели эти долгие 4 часа (с 11.00 до 15.00), просчитывая свое поведение при различных вариантах исхода событий, готовясь примкнуть к победившей стороне. И уж, конечно, мужская половина не только сановников, но и офицеров, совершенно не предполагала своего активного участия в происходивших событиях. Вся придворная публика толпилась на половине императрицы Марии Федоровны¹³⁹, жадно слушая отрывочные новости, поступавшие в Сенатской площади. Из окон они видели, как на Большой двор Зимнего дворца внезапно вошли и так же внезапно ушли лейб-гренадеры.

¹³⁹ Впоследствии – Первая запасная половина.

Вместе с императрицами весь день пробыл брат Марии Федоровны – герцог Александр Вюртембергский¹⁴⁰ со своими взрослыми сыновьями, Александром¹⁴¹ и Евгением¹⁴². Николай Павлович старался держать их «в курсе», время от времени присылая к императрицам то принца Евгения Вюртембергского, то генерал-адъютанта князя Трубецкого, то генерал-лейтенанта Демидова.

Обе императрицы провели все утро в маленьком кабинете¹⁴³ Марии Федоровны, его окна выходили на Адмиралтейскую площадь. Оттуда они слышали ружейную канонаду на Сенатской площади и отблески картечных залпов. В своем дневнике Мария Федоровна записала: «После того как были испробованы все средства, была вызвана артиллерия. Мятежникам было сделано предупреждение, что если они не сдадутся, то по ним будет сделан залп картечью, и после того как это повторное предупреждение не возымело никакого результата, Государь был вынужден во избежание еще больших бедствий, раз что несчастные не могли или не желали [нрзб.], приказать сделать несколько пушечных залпов. Из моего кабинета был виден огонь»¹⁴⁴.

Александра Федоровна в дневнике тоже упомянула об этом важнейшем событии дня – расстреле картечью мятежников: «При первом залпе я упала в маленьком кабинете на колени (Саша¹⁴⁵ был со мною). Ах, как я молилась тогда, – так я еще никогда не молилась! Я видела пушечный огонь: было лишь 4 или 5 выстрелов, в течение еще нескольких минут мы не имели известий. Наконец наш посланный влетел к нам, задыхаясь, и объявил, что враги рассеялись и обратились в бегство»¹⁴⁶. Вскоре в Зимний дворец прискакал В. Ф. Адлерберг и сообщил императрицам, что бунт подавлен.

Поскольку в Петербурге в середине декабря к 15 часам уже темнело, то принимается решение усилить охрану Зимнего дворца во избежание случайностей. О важности этого действия свидетельствует то, что Николай Павлович сам расставлял войска вокруг своей резиденции.

Во-первых, главные силы были сосредоточены на Дворцовой площади: Преображенский полк и две роты 1-го батальона лейб-гвардии Егерского полка при 10 орудиях 1-й и 2-й батальонных рот стояли спиной к резиденции. На площади также стояли три эскадрона Кавалергардского полка.

Во-вторых, на Миллионной улице, у моста через Зимнюю канавку, стояла рота лейб-гвардии Егерского полка, при восьми орудиях.

В-третьих, на Дворцовой набережной, у моста через Зимнюю канавку, стояла другая рота Егерского полка при четырех орудиях.

В-четвертых, 1-й батальон Измайловского полка стоял на Дворцовой набережной у Иорданского подъезда и два эскадрона кавалергардов стояли на набережной на углу северо-западного ризалита Зимнего дворца.

На Большом дворе Зимнего дворца всю ночь горели костры, около них в полной выкладке с ружьями, заряженными боевыми патронами, стояли верные царю гвардейский Саперный и

¹⁴⁰ Герцог Александр Фридрих Вюртембергский (1771–1833) – брат императрицы Марии Федоровны и первого короля Вюртембергского Фридриха-Карла I. В 1800 г. переселился в Россию. Первое время проживал в Курляндии. В 1811 г. – белорусский губернатор, принимал участие в войне 1812 г., член Государственного совета, с 1822 г. – главноуправляющий Ведомства путей сообщения и публичных зданий.

¹⁴¹ Александр Фридрих Вильгельм Вюртембергский (1804–1881).

¹⁴² Евгений, герцог Вюртембергский (1788–1857) – генерал от инфантерии, племянник императрицы Марии Федоровны. Участник войны 1812 г., командовал дивизией, корпусом. В 1813 г. участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом и Дрезденом, Кульмом. В 1814 г. был в сражениях при Барсюр-Об и Арси и при взятии Парижа. В 1828 г. командовал корпусом в войне с Турцией, был ранен.

¹⁴³ Этот кабинет в ходе последующих перестроек вошел в объем Золотой гостиной императрицы Марии Александровны.

¹⁴⁴ Императрица Мария Федоровна. Записка...

¹⁴⁵ Будущий Александр II.

¹⁴⁶ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

Учебный батальоны с 1-й ротой лейб-гвардии Гренадерского полка, присягнувшей новому императору. Дворец имел вид осажденной крепости.

Кроме окрестностей Зимнего дворца, военные части контролировали и другие ключевые районы Петербурга. На Адмиралтейской площади занял посты 2-й батальон лейб-гвардии Егерского полка. На Сенатской, под командой генерал-адъютанта Васильчикова, стояли батальоны Семеновского и Московского полков, усиленные 2-м батальоном Измайловского полка при четырех орудиях. Там же стояла и кавалерия – четыре эскадрона Конной гвардии. На Васильевском острове, под командой генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, стоял батальон лейб-гвардии Финляндского полка при четырех конных орудиях, а также два эскадрона Конной гвардии и Конно-пионерный эскадрон. Остальные районы города контролировались разъездами лейб-гвардии Казачьего полка.

Для петербуржцев все произошедшее стало настоящим потрясением, поскольку за многие годы практика удачных дворцовых переворотов прочно забылась. Поэтому костры на Дворцовой площади, войска при заряженных пушках остались в памяти очень надолго. Один из очевидцев произошедшего вспоминал: «Ночью на Сенатской и Дворцовой площади зажжены были костры, и некоторые части войска оставались там до утра; около дворца ночевала артиллерия с заряженными пушками, по другим улицам расставлены были пикеты»¹⁴⁷.

В. Ф. Адлерберг. Не ранее 1865 г.

¹⁴⁷ Каратыгин П. Воспоминания // Русская старина. 1875. Кн. 12, т. 4. С. 375.

После того как вокруг Зимнего дворца расставили воинские части, Николай I отправился к семье. Он спешил у подъезда под аркой главных ворот и по лестнице поднялся на половину Марии Федоровны. Для него «царская работа» только начиналась. Там, на деревянной лестнице, ведущей в дежурную комнату возле почивальни императрицы Марии Федоровны, он встретил мать, жену и старшего сына. Перед ними предстал уже другой человек – император Российской империи. Императрица Мария Федоровна вспоминала: «Около 6 часов Государь поднялся к нам по маленькой лестнице, где я встретила его с его женой и его сыном; я бросилась ему на шею счастливая тем, что снова вижу его здоровым и невредимым после всех волнений той ужасной бури, среди которой он находился, после такого горя, такого невыразимого потрясения. Эта ужасная катастрофа придала его лицу совсем другое выражение»¹⁴⁸. Александра Федоровна тоже отметила новый облик мужа: «О, Господи, когда я услышала, как он внизу отдавал распоряжения, при звуке его голоса сердце мое забилося! Почувствовав себя в его объятиях, я заплакала, впервые за этот день. Я увидела в нем как бы совсем нового человека. Он вкратце рассказал обо всем происшедшем; он первый сказал нам, что Милорадович смертельно ранен, может быть, даже уже умер. Это было ужасно! Увидев, что Саша плачет, он сказал ему, что ему должно быть стыдно...»¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Императрица Мария Федоровна. Записка...

¹⁴⁹ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

Нанесение смертельной раны М. А. Милорадовичу 14 декабря 1825 г.

Увидев сына, Николай Павлович принял спонтанное решение, ставшее одним из символических событий этого дня. Взяв за руку восьмилетнего мальчишку, одетого в парадный мундир с лентой ордена Андрея Первозванного через плечо, он вывел его на Большой двор Зимнего дворца к своим верным саперам. Обратившись к солдатам, царь сказал им: «Я не нуждаюсь в защите, но его я вверяю вашей охране!»¹⁵⁰.

Подняв мальчишку на руки, царь передал сына на руки георгиевским кавалерам, стоявшим в строю. Затем царь приказал правифланговому от каждой роты подойти и поцеловать наследника.

¹⁵⁰ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

Сам Николай Павлович вспоминал об этом эпизоде очень сдержанно: «Едва воротились мы из церкви, я сошел, как сказано в первой части, к расположенным перед дворцом и на дворе войскам. Тогда велел снести и сына, а священнику с крестом и святой водой приказал обойти ближние биваки и окропить войска»¹⁵¹.

Спонтанное решение, моментально ставшее известным всем войскам, окружавшим Зимний дворец, подтвердило врожденную способность молодого императора к «царской работе», неизбежно сопряженной с подобными пафосными жестами, сразу и навсегда завоевывавшими сердца подданных.

Мундир генерала М. А. Милорадовича, в котором он был смертельно ранен 14 декабря 1825 г.

¹⁵¹ Николай I. Записка «о ходе следствия 14–15 декабря 1825 г.». (1848 г.). Электронная версия.

Барельеф на памятнике Николаю I в память о событиях 14 декабря 1825 г.

Вернувшись во дворец, Николай I наконец принял участие в церемонии молебна в Большом соборе Зимнего дворца. Напомним, что сначала он был назначен на 11 часов утра 14 декабря, затем его перенесли на 14 часов. К моменту начала молебна уже наступило 19 часов вечера. За эти часы пролилась кровь и окончательно стало ясно, что Россия обрела нового императора.

Александра Федоровна описала посещение Большого собора Зимнего дворца следующим образом: «Мы все же должны были идти в церковь, хотя вместо двух часов было уже 7 и все большое светское общество ожидало нас там в течение пяти часов. Я, как была, в утреннем платье, прошла твердым шагом через передние комнаты; огромная толпа расступилась, чтобы дать дорогу мне, спасенной императрице. Я обняла Елену¹⁵², которая еще ничего не знала о происшедшем; надевая на себя креповое белоснежное русское платье, я рассказывала, плакала, все наспех и торопясь. Вскоре пришел и Михаил.

Вернулся и Николай; в сущности говоря, он не выглядел усталым, напротив, он выглядел особенно благородным, лицо его как-то светилось, на нем лежал отпечаток смирения, но вместе с тем и сознания собственного достоинства. Об руку с ним вошла я наконец в зал, полный празднично одетых людей. Все взволнованно склонились при виде молодого государя, подвергшего свою жизнь такой большой опасности. Сatiche приветствовала его очень сердечно; государь высказал благодарность караулу; мы вошли в церковь. Митрополит вышел нам навстречу с распятием и святой водой; пройдя на свое место, мы оба стали на колени и в таком положении молились Богу в течение всей недолгой службы. Саша тоже был в церкви, впервые с орденской повязкой. Таким же образом мы возвратились к себе. На глазах у Николая стояли слезы»¹⁵³.

После молебна императорская семья, следуя процедуре Большого выхода, вернулась на свои половины. Характерно, что, оказавшись в своем кабинете, Николай I немедленно написал

¹⁵² Великая княгиня Елена Павловна, супруга великого князя Михаила Павловича, младшего брата Николая I.

¹⁵³ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

и отправил письмо со словами ободрения и надежды смертельно раненному графу М. А. Милорадовичу. Только после этого, впервые за весь длинный день, император пообедал с женой и матерью.

Дочерей царя устроили в двух комнатах юго-западного ризалита буквально «по-походному». Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Для нас устроили наспех ночлег: Мэри и мне у Мама на стульях. Ночью Папа на мгновение вошел к нам, заключил Мама в свои объятия и разговаривал с ней взволнованным и хриплым голосом. Он был необычайно бледен. Вокруг меня шептали: „Пришел Император, достойный трона“. Я чувствовала, что произошло что-то значительное, и с почтением смотрела на отца»¹⁵⁴.

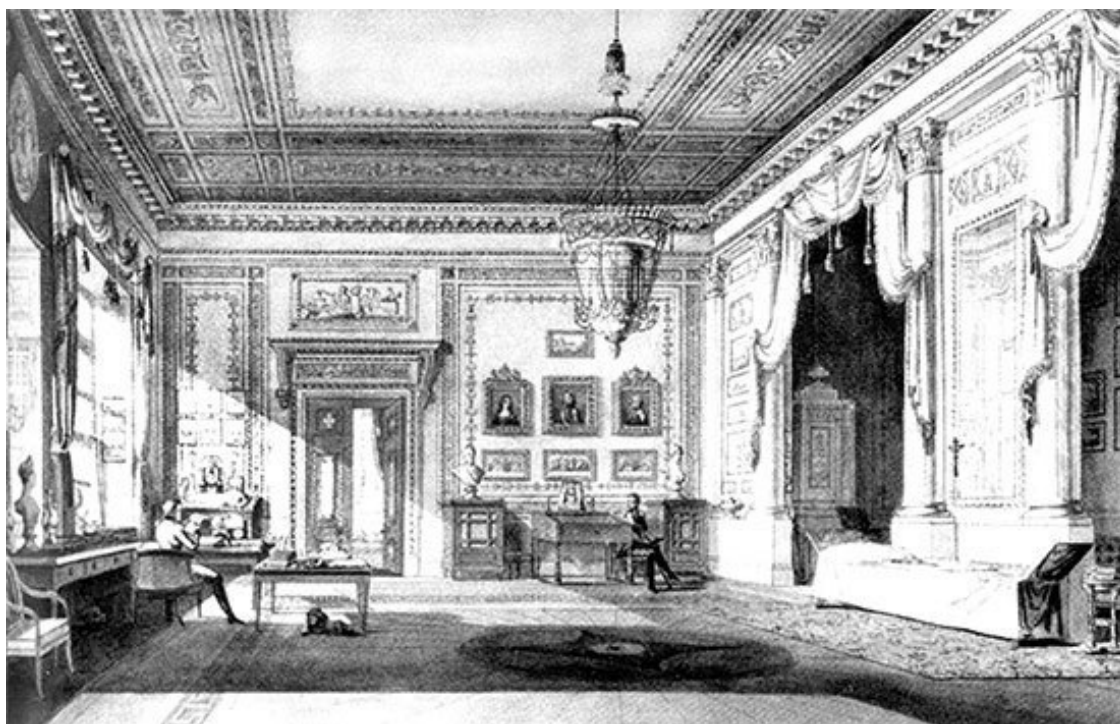
Вспоминала эту ночь и императрица Александра Федоровна: «Боже, что за день! Каким памятным останется он на всю жизнь! Я была совсем без сил, не могла есть, не могла спать; лишь совсем поздно, после того как Николай успокоил меня, сказав, что все тихо, я легла и спала, окруженная детьми, которые тоже провели эту ночь как бы на бивуаках. Три раза в течение ночи Николай приходил ко мне сообщить, что приводят одного арестованного за другим и что теперь открывается, что все это – тот самый заговор, о котором нам писал Дибич. В 3 часа Милорадович скончался»¹⁵⁵.

И действительно, всю ночь Николай I, в парадном мундире, в шарфе и ленте, сам принимал участие в первых допросах. Это тоже было частью «царской работы», поскольку в Зимний дворец начали привозить первых арестованных офицеров. Некоторые из офицеров явились сами.

Уже первые допросы красноречиво показали, что события 14 декабря имели и глубокие корни, и обстоятельно спланированные намерения. Николай I вспоминал: «Когда я пришел домой, комнаты мои похожи были на Главную квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова и от Бенкендорфа одно за другим ко мне приходили. Везде собирали разбежавшихся солдат Гренадерского полка и часть Московских. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц... приведен был Бестужев Московского полка, и от него уже узнали мы, что князь Трубецкой был назначен предводительствовать мятежом. Генерал-адъютанту графу Толю поручил я снимать допрос и записывать показания приводимых, что он исполнял, сидя на софе пред столиком, там, где теперь у наследника висит портрет императора Александра... Покуда он отправился за ним, принесли отобранные знамена у Лейб-гвардии Московских, Лейб-гвардии гренадер и Гвардейского экипажа, и вскоре потом собранные и обезоруженные пленные под конвоем Лейб-гвардии Семеновского полка и эскадрона Конной гвардии проведены в крепость.

¹⁵⁴ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846 гг. Электронная версия.

¹⁵⁵ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

Кабинет-спальня Николая I в Зимнем дворце

...Кажется мне, тогда же арестован и привезен ко мне Рылеев. В эту же ночь объяснилось, что многие из офицеров Кавалергардского полка, бывшие накануне в строю и даже усердно исполнявшие свой долг, были в заговоре; имена их известны по делу; их одного за другим арестовали и привозили, равно многих офицеров Гвардейского экипажа.

В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только что не ложился, но даже не успел снять платье и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться»¹⁵⁶.

Рано утром 15 декабря 1825 г., в первый день своего царствования, Николай I объехал войска, всю ночь охранявшие Зимний дворец: «Утро было ясное; солнце ярко освещало бивакирующие войска; было около десяти или более градусов мороза. Долее держать войска под ружьем не было нужды; но, прежде роспуска их, я хотел их осмотреть и благодарить за общее усердие всех и тут же осмотреть гвардейский экипаж и возвратит ему знамя. Часов около десяти, надев в первый раз Преображенский мундир, выехал я верхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской; тут выстроен был гвардейский экипаж фронтом, спиной к Адмиралтейству, правый фланг против Вознесенской. Приняв честь, я в коротких словах сказал, что хочу забыть минутное заблуждение и в знак того возвращаю им знамя, а Михаилу Павловичу поручил привести батальон к присяге, что и исполнялось, покуда я объезжал войска на Сенатской площади и на Английской набережной. Осмотр войск кончил я теми, кои стояли на Большой набережной, и после того распустил войска»¹⁵⁷.

Когда Николай I возвращался в Зимний дворец, мимо него провезли арестованного князя Е. П. Оболенского: «Возвратясь к себе, я нашел его в той передней комнате, в которой теперь

¹⁵⁶ Николай I. Записка...

¹⁵⁷ Записки Николая I.

у Наследника бильярд. Скоро после того пришли мне сказать, что в ту же комнату явился сам Александр Бестужев, прозванный Марлинским. Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендантский подъезд, в полной форме и щеголем одетый. Взошед в тогдашнюю знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг к общему удивлению всех во множестве бывших в передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал: „Преступный Александр Бестужев приносит Вашему Величеству свою повинную голову“. Я ему отвечал: „Радуюсь, что вашим благородным поступком вы даете мне возможность уменьшить вашу виновность; будьте откровенны в ваших ответах и тем докажете искренность вашего раскаяния“»¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Записки Николая I.

Портрет императора Николая I. 2-я пол. 1820-х гг.

Поскольку все значимые арестованные доставлялись в Зимний дворец, то уже к середине дня 15 декабря стихийно сложилась некая процедура их прохождения «по инстанциям». Всех арестованных привозили к Салтыковскому подъезду и препровождали по коридору на главную гауптвахту Зимнего дворца. Затем генерал В. В. Левашов докладывал императору об арестованном, и, если следовало повеление, его под конвоем вели в кабинет царя на втором этаже Зимнего дворца (№ 172). По воспоминаниям императора: «Доколь жил я в комнатах, где теперь сын живет, допросы делались, как в первую ночь, – в гостиной. Вводили арестанта

дежурные флигель-адъютанты; в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Когда я перешел жить в Эрмитаж, допросы происходили в Итальянской большой зале, у печки, которая к стороне театра... Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства, более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну. Таковы были Каховского, Никиты Муравьева, руководителя бунта Черниговского полка, Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, брата Никиты, Сергея Волконского и Михаила Орлова.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его действий, его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз в Эрмитажную библиотеку. Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в заpiresательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг»¹⁵⁹.

14 декабря в ходе допросов выяснилось, что некоторые из тех, кто поддержал Николая I, являлись членами тайного общества. Император тогда отчетливо осознал насколько шаткой была ситуация, когда малейшая слабость с его стороны могла поколебать соратников, укрепить противников и оттолкнуть колеблющихся.

Дж. Доу. Портрет В. В. Левашова

¹⁵⁹ Записки Николая I.

Сам Николай I упоминал, что «между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника Лейб-гвардии Финляндского полка фон Моллера, что ныне дивизионный начальник 1-й гвардейской дивизии. 14 декабря он был дежурным по караулам и вместе со мной стоял в Главной гауптвахте под воротами, когда я караул туда привел. Сперва улики на него казались важными – в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил»¹⁶⁰. Надо заметить, что карьеры А. Ф. фон Моллеру (1796–1862) император не сломал и тот дослужился до чина генерала от инфантерии.

В этот день, 15 декабря 1825 г., оценивая произошедшее, Александра Федоровна записала в дневнике: «Вчерашний день был самый ужасный из всех, когда-либо мною пережитых. И это был день восшествия на престол моего мужа!.. Совсем с новым чувством проснулась я на другое утро, с новым чувством смотрела я на моего Николая, как он проходил по рядам солдат и благодарил их за верную службу; затем он покинул Дворцовую площадь, и все вернулись к своему обычному спокойному состоянию; внутренне же ужас этого дня еще долгое время не будет изжит. Мне день 14-го представляется днем промысла Божия, так как эта открытая вспышка даст возможность скорее и вернее установить как участников, так и самые размеры заговора»¹⁶¹. Императрица умолчала о том, что со дня столь потрясшего ее 14 декабря у нее при малейшем волнении начинала непроизвольно дрожать голова, а тогда ей шел всего 28 год.

А. Ф. Моллер

¹⁶⁰ Николай I. Записка...

¹⁶¹ Из дневника императрицы Александры Федоровны...

Мятеж декабристов, прекрасно задуманный и бездарно проваленный, стал первым днем царствования Николая I. Для самого царя день 14 декабря навсегда остался важнейшим событием его жизни. И не только потому, что это был день вступления на престол, а потому, что в этот день он отчетливо ощутил, как неустойчиво покачиваются чаши весов его судьбы и судеб его близких. В этот день все лица, прямо или косвенно принимавшие участие в событиях 14 декабря на стороне государя, приглашались в Зимний дворец, где в Малой церкви совершалось благодарственное молебствие. Во время службы сначала провозглашалась вечная память «рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу. – И. З.) и всем, в день сей за веру, царя и Отечество убиенным», а в заключение многолетие «храброму всероссийскому воинству». Затем все присутствовавшие допускались к руке императрицы Александры Федоровны и целовались с Николаем I, как на Пасху. Ежегодно в этот день, после завершения церковной службы, Николай I отправлялся в Конногвардейский и в Преображенский полки, которые первыми прибыли на Дворцовую площадь. Эта традиция пресеклась со временем, когда в этих полках уже не осталось ветеранов 14 декабря¹⁶².

Мало кто знает, что Николай Павлович платил пенсии из своей экономической суммы («императорского жалованья») как вдовам декабристов, так и вдовам нижних чинов, погибших, сражаясь на стороне императора. Например, в его личных бухгалтерских книгах по «Гардеробной сумме», упоминается, что в декабре 1845 г. император выплатил «Вдовам матросов Пелагее Дорофеевой и Дарье Федоровой ежегодной награды за подвиги убитых их мужей 14 декабря 1825 года каждой по 100 руб. ассигнациями, а обоим серебром 57 руб. 30 коп.». Такие же суммы выплачивались вдовам матросов с 1846 по 1848 гг.¹⁶³ Вплоть до 1863 г. платились пенсии женам и матерям некоторых из декабристов.

Семья Николая I

Начало нового царствования повлекло за собой существенные изменения в размещении царской семьи в Зимнем дворце. Вдовствующая императрица Мария Федоровна продолжала занимать комнаты по южному фасаду, выходившие окнами на Дворцовую площадь и Большой двор Зимнего дворца. Семья Николая I заняла все три этажа северо-западного ризалита резиденции.

Зима 1825/26 гг. стала первой, проведенной семьей Николая I в Зимнем дворце. Детей царя поначалу оставили в комнатах, расположенных на втором этаже в западной части дворца. Император Николай Павлович с Александрой Федоровной поселились в комнатах Малого Эрмитажа. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «В течение этой зимы нас два раза в день водили через длинные коридоры в покои, которые занимали наши Родители в Эрмитаже. Мы видели их лишь изредка на короткие мгновения. Затем нас опять уводили. Это было время допросов. С одной стороны приводили арестованных, с другой приезжали послы и Высочайшие особы, чтобы выразить соболезнование и принести свои поздравления. Мы же, бедные, маленькие, очень страдали оттого, что были так неожиданно удалены от жизни Родителей, с которыми до того разделяли ее ежедневно. Это было как бы предвкушение жертв, которые накладываются жизнью на тех, кто стоит на высоком посту служения своему народу»¹⁶⁴.

Наконец в Зимнем дворце поселилась первая царская семья, скрепленная любовью и искренней привязанностью. На момент вселения в Зимний дворец старшему из детей царя –

¹⁶² Из «Записок» барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1899. № 7. С. 3–30.

¹⁶³ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1072. Гардеробные суммы.

¹⁶⁴ Сон юности.

Александру – шел восьмой год, дочерям – Марии и Ольге – было 6 лет и 4 года, младшей, Александре, – год.

П. Ф. Соколов. Цесаревич Александр Николаевич. 1829 г.

А. Брюллов. Цесаревич Александр и Мария Николаевна. Нач. 1830-х гг.

Весной 1826 г. семья Николая I, по традиции, уехала «на дачу», сначала в Царское Село, а затем в Петергоф, рассчитывая вернуться в Зимний дворец поздней осенью. Все это время в главной императорской резиденции шел капитальный ремонт, в ходе которого в северо-западном ризалите дворца формировались императорские половины.

Семья Николая I въехала в свои новые комнаты в северо-западном ризалите Зимнего дворца в декабре 1826 г., заняв все три его этажа. На первом этаже разместили дочерей императора, сыновья заняли комнаты по западному фасаду, обращенные окнами как на Адмиралтейство, так и на Большой двор. На втором этаже ризалита разместились комнаты и парадные гостиные императрицы Александры Федоровны. На третьем этаже ризалита была устроена половина императора Николая Павловича, к которой примыкали комнаты его младшего брата – великого князя Михаила Павловича. Так впервые в истории Зимнего дворца императорская семья заняла целый ризалит – от первого до третьего этажа.

Когда у младшего брата императора, великого князя Михаила Павловича, одна за другой стали рождаться дочери, в Зимнем дворце для них по распоряжению Николая I немедленно

отвели соответствующие их статусу комнаты. Работы по оборудованию комнат для племянниц императора: Марии (1825 г.), Елизаветы (1826 г.) и Екатерины (1827 г.) начались весной 1828 г. Михайловский дворец как жилая резиденция великого князя Михаила Павловича был освящен в августе 1825 г. Однако молодая чета с разрешения императора решила разместить своих маленьких дочерей в обжитом Зимнем дворце.

Портрет великой княжны Александры Николаевны. 2-я пол. 1830-х гг. Италия

А. Брюллов. Великая княжна Ольга Николаевна. 1837 г.

В. А. Садовников. Вид северо-западного ризалита в ночное время. Вид Зимнего дворца. 1855 г.

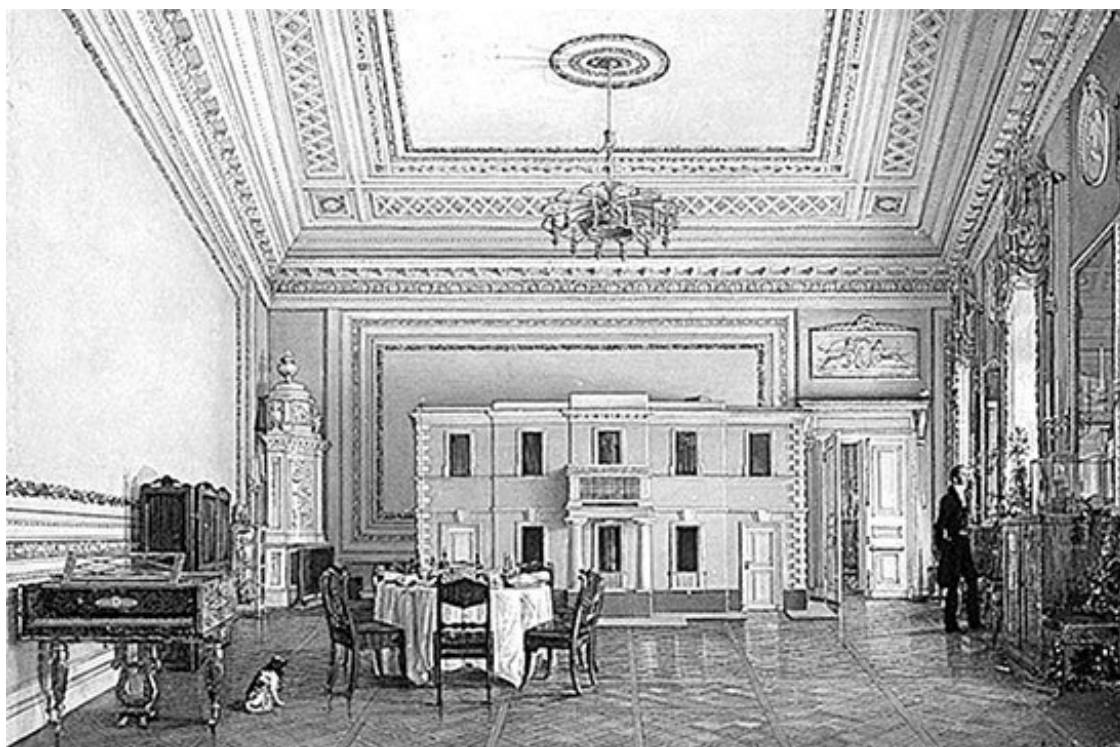
Маленьких великих княжон разместили в комнатах, которые ранее занимала сестра императора – великая княгиня Елена Павловна, на втором этаже юго-западного ризалита. Для свиты маленьких великих княжон отвели комнаты покойной княгини Ш. К. Ливен¹⁶⁵, воспитательницы Николая и Михаила. Они находились на третьем этаже юго-западного ризалита.

Для детей в Зимнем дворце, так же, как и для внуков Екатерины II, создавались детские уголки. Дочерям Николая I на всю жизнь запомнилась их игровая комната, где в 1833 г. для них устроили двухэтажный домик: «В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру.

В. И. Гау. Портрет великих княжон Екатерины Михайловны и Марии Михайловны. 1837 г.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 381. Л. 1. О назначении Их Высочествам Великим Княжнам Марии, Елизавете и Екатерине Михайловнам комнат в Зимнем дворце. 1828 г.

Ухтомский. Детская великих княжон Марии, Ольги и Александры, дочерей Николая I. 1837 г.

В детском зале, где стоял наш игрушечный домик, нас учила танцам Роз Колинетт, дебютировавшая в Малом Гатчинском театре. Мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками. После этого бывал совместный ужин, и вместо неизменного рыбного блюда с картофелем нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое. Зимой 1833 года эти веселые уроки прекратились, оттого что Мэри исполнилось пятнадцать лет и она переселилась от нас в другие комнаты»¹⁶⁶.

Одной из любимых игрушек для детей стала деревянная горка, поставленная для детей в одном из залов Зимнего дворца. Огромные залы Зимнего дворца позволяли устроить такую «забаву».

Эта забава выросла из традиционных зимних, ледяных гор. В XVIII в. катание на горках было не только частью зимнего досуга простолюдинов, но и рафинированной аристократии. Во времена Елизаветы Петровны в парке, при Большом Царскосельском дворце, соорудили «Катальную гору». В Ораниенбауме при Екатерине II также построили павильон «Катальная горка». Судя по чертежам, это не только зимняя, но и летняя забава самодержцев. Летом по «трассе» катались на специальных тележках. Это был, безусловно, экстремальный вид отдыха, поскольку высота ораниенбаумского павильона «Катальная горка» составляет тридцать три метра – высота современного двенадцатиэтажного дома. Правда, скат горки находился на высоте двадцати метров, но и этого для «экстрима» вполне достаточно.

Деревянные горки в залах Зимнего дворца появлялись при всех царствованиях, начиная с Екатерины II и заканчивая Николаем II. Когда дети были маленькими, для них ставилась горка. Когда они вырастали, деревянную горку разбирали и хранили в дворцовых кладовых, до «следующих детей».

¹⁶⁶ Сон юности.

Первая из таких деревянных гор появилась в Зимнем дворце в марте 1781 г. Тогда для великих князей Александра и Константина сделали «дубовую гору с панелями и поручнями длиной в 3 аршина, шириной в 14 вершков за 15 руб.»¹⁶⁷.

Вторая деревянная горка в Зимнем дворце была устроена в декабре 1824 г. Гору установили в комнате, где ранее находился Кабинет великой княгини Елены Павловны (второй этаж юго-западного ризалита). Под «катальную гору» отвели комнату площадью в «21 квадратную сажень и 7 аршин»¹⁶⁸. Эту «катальную гору» подарила внукам императрица Мария Федоровна. Тогда на ней катались маленький великий князь Александр Николаевич и его младшие сестры – великие княжны Мария и Ольга Николаевны. Этой горкой можно было пользоваться зимой и летом: подстелив под себя коврик, скатывались по полированному склону. Однако в начале 1826 г., после воцарения Николая I, «катальную детскую гору ясеневое дерево... со всеми к оной принадлежностями», перенесли в Аничков дворец¹⁶⁹.

Павильон «Катальная горка» в Ораниенбауме. Реконструкция

Видимо, воспоминания о горке были столь упоительны, что дети упростили отца о «возобновлении» горы. В результате в январе 1829 г. министр Императорского двора князь П. М. Волконский распорядился «заказать вновь подобную гору, и что будет стоять представить мне счет». Через некоторое время князь получил счет на «сделание» «двойной горы из ясеневое дерева» за 1475 руб. с установкой ее в зале Зимнего дворца к 13 февраля 1829 г.

Эта катальная гора «пожила» в Зимнем дворце очень недолго, только до лета 1831 г. Именно тогда Николай I принял решение: «Комнаты в среднем этаже Зимнего дворца, занимаемые бильярдом и детскими играми, назначить для Его Императорского Высочества великого

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 186 об. // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903 г. Ч. 1.

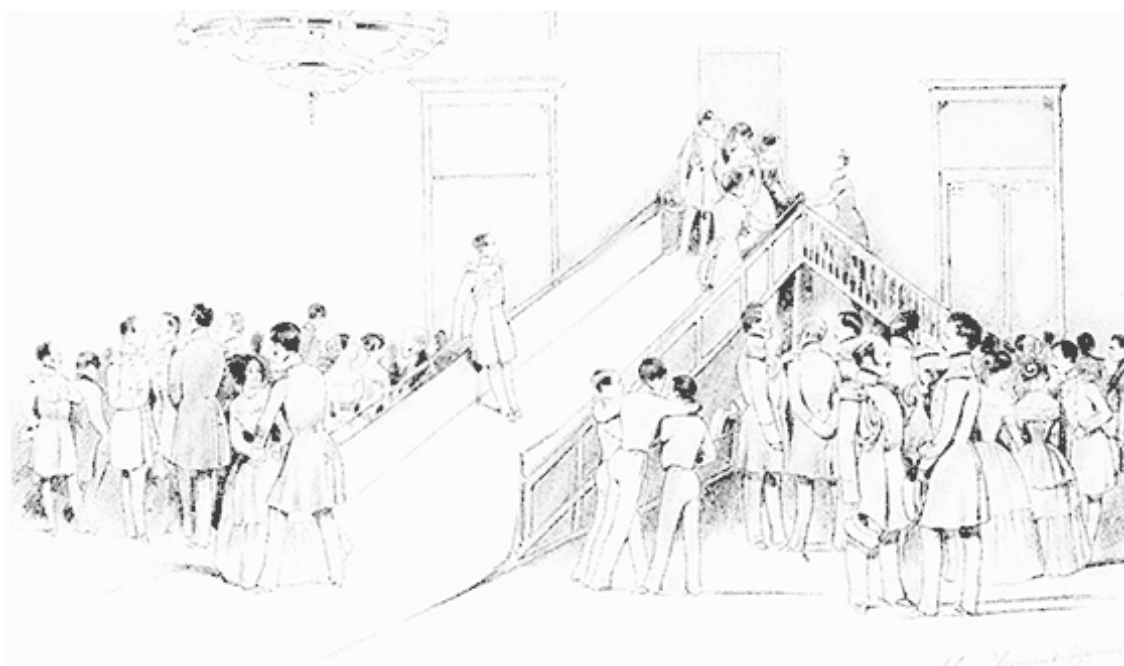
¹⁶⁸ РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 159. Л. 1 // О переделке паркетов в комнатах Зимнего дворца, где были Кабинет и Спальня великой княгини Елены Павловны для постановления катальной горы и бильярда. 1829 г.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 447. Л. 2 // О сделании детской катальной горы. 1828–1829 гг.

князя Константина Николаевича, и в одной из них снять обои и покрыть стены светло-перловою краскою, а в другой сделать... перегородку до потолка с полукруглым альковым... покрыв стены светло-голубой краскою; в передней же сих комнат поставить небольшую перегородку и пробить окно на маленький дворик»¹⁷⁰. Примечательно, что катальную гору не сломали, а, разобрав, поместили в одну из дворцовых кладовых. Бильярд же переставили в Эрмитаж, в одну из свободных комнат.

Деревянную горку в Зимнем дворце в очередной раз восстановили, когда у Александра II подросли его дети. Судя по упоминанию великого князя Александра Михайловича, на этой горке он катался в 1880 г. в компании будущего Николая II и сына княгини Е. М. Юрьевской: «После обеда состоялось представление итальянского фокусника, а затем самые юные из нас отправились в соседний салон с Гогой, который продемонстрировал свою ловкость в езде на велосипеде и в катании на коврике с русских гор. Мальчуган старался подружиться со всеми нами, и, в особенности, с моим двоюродным племянником Никки (будущим Императором Николаем II)...».

Вполне возможно, что именно эту деревянную гору восстановили в Зимнем дворце, когда подросли старшие дочери Николая II. По крайней мере, о существовании деревянной горки в Зимнем дворце мы узнаем из воспоминаний английской няни Маргарет Эггер, опекавшей детей Николая II. Она упоминает, что на первом этаже Зимнего дворца на детской половине, в одном из залов, «обитом красной материей, в котором царских детей учили танцам», находилась огромная горка из полированного дерева, с нее дети катались на войлочных ковриках.

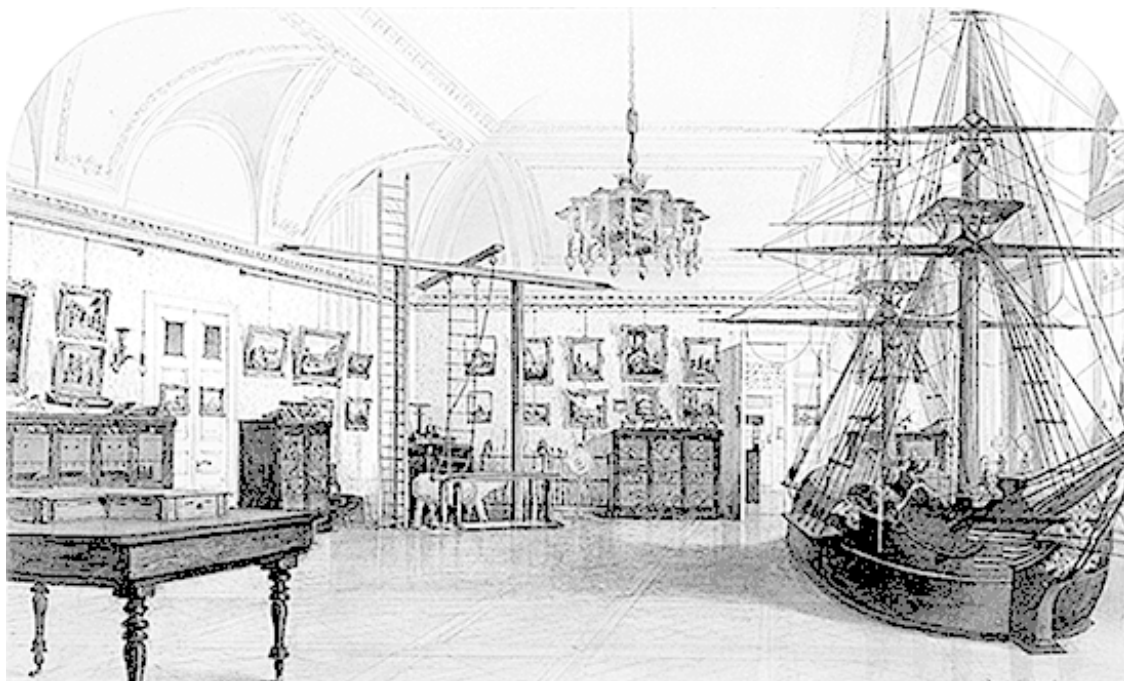
А. Чернышев. Развлечения при Высочайшем дворе в Царском Селе в 1846 г.

После пожара 1837 г., когда семья Николая I переехала во вновь отстроенный Зимний дворец, в нем появилась совершенно уникальная игрушка – учебная яхта. Игровая комната «для мальчиков», где установили яхту, получила название Корабельной. Отвечал за строительство учебной яхты подполковник М. Н. Гринвальд¹⁷¹, с лучшими корабельными мастерами он

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 297. Л. 84 // Высочайшие повеления по Зимнему дворцу. 1831 г.

¹⁷¹ Гринвальд Михаил Николаевич (1803–1875) – русский кораблестроитель XIX в., генерал-лейтенант. Неоднократно бывал в Англии и Голландии, где знакомился с кораблестроением этих стран и наблюдал за постройкой заказанных для России пароходов. С 1830 г. Гринвальд преподавал курс механики и теорию кораблестроения в офицерских классах морского корпуса.

строил яхту в Адмиралтействе специально «под комнату» в Зимнем дворце. Изначально эта яхта предполагалась для обучения азам морского дела великого князя Константина Николаевича. Мальчик «планировался» отцом в первое лицо Российского военно-морского флота. Поэтому все его игрушки носили «профильный характер».

И. И. Шарлемань. Детская сыновей Николая I, или Корабельная. 1856 г.

К октябрю 1839 г. яхту вчерне закончили, разобрали и начали переносить по частям из Адмиралтейства в Зимний дворец, собирая ее «по месту». Кроме этого, яхта «доводилась» – ее зачищали, красили и полировали. Для этого мастерам-корабелям позволили не только установить в Зимнем дворце два верстака, но и даже «производить некоторый звук»¹⁷². Николай I держал эти работы «на контроле», повелев в октябре 1839 г. «поспешить с устройством яхты».

Когда у Александра II подросли старшие сыновья – Николай, Александр, Владимир и Алексей, для них зимой 1861/62 гг. стали заливать два катка и две ледяные горы в Таврическом саду, где соблюдался особый режим допуска публики. А для младших сыновей Александра II – Сергея и Павла – «на большом дворе Императорского Зимнего Дворца в январе месяце 1866 г. по высочайшему повелению были устроены... ледяная гора и каток...»¹⁷³.

В 1835–1836 гг. построил по собственному проекту на Адмиралтейской верфи в Санкт-Петербурге первый в России колесный пароходо-фрегат «Богатырь». 3 мая 1839 г. подполковнику Гринвальду было поручено строение учебной гребной яхты для 12-летнего великого князя Константина. 3 декабря 1839 г. «за скорое и правильное сооружение учебной яхты... Всемиловнейше был награжден бриллиантовым перстнем».

¹⁷² РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 203. Л. 4 // Об устройстве в Зимнем дворце учебной яхты для Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича. 1839 г.

¹⁷³ РГИА. Ф. 482. Оп. 9. Д. 84. Л. 1 // По рапортам Обер-гофмаршала графа Шувалова, об ассигновании денег за устройство ледяных гор и катков на Большом дворе Зимнего дворца и в Таврическом саду. 1866 г.

Форма камер-казака парадная. Кон. XIX в.

Форма камер-фуръера парадная. 1912–1913 гг.

Форма придворного камер-лакея. Кон. XIX в.

Возвращаясь к началу правления Николая I, отметим, что, став императором, наряду со сложнейшими государственными проблемами, обрушившимися на него после подавления восстания декабристов, Николай Павлович начал наводить «свой порядок» в Зимнем дворце. С присущей ему педантичностью он не делил свои заботы на масштабные и мелкие. Он просто наводил порядок в своем доме.

Частью этого порядка стала новая форма для дворцовых слуг. Император в полной мере унаследовал от своего отца любовь к единообразию во всех его проявлениях. Он справедливо считал, что форма дисциплинирует, и все решения, лежащие в этой сфере, «пропускал» через себя. Это касалось и придворных сановников, и придворных слуг. Так, 30 января 1827 г. Николай I «высочайше повелеть соизволил... обмундировать в новое платье одного из придворных истопников, сделать вместо панталонов зеленые брюки, сверх сапог и представить Его Величеству»¹⁷⁴. А в марте 1827 г. царь повелел «придворным истопникам и работникам, вместо двух красных суконных жилетов, впредь строить по два белых, один из пике и один из канифаса»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279. Высочайшие указы. 1827 г. Л. 89.

¹⁷⁵ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279. Высочайшие указы. 1827 г. Л. 138.

Зимний дворец для Николая I был главным «рабочим местом», куда стекались все нити управления огромной империей. Те, кто регулярно бывали в Зимнем дворце, прекрасно знали обстановку рабочего кабинета императора, но для тех, кто видел рабочий кабинет царя впервые, – осознание того, что именно здесь принимаются окончательные решения по управлению огромной страной, было сродни потрясению.

Так, один из провинциальных генералов в 1833 г. был принят царем в его рабочем кабинете. Судя по воспоминаниям, порядок допуска к государю был следующим: «Без десяти минут 3 часа я был уже во дворце. Меня провели наверх камер-фурьеры, сдавая один другому и, наконец, привели в ротонду, откуда открывался превосходный вид на Адмиралтейство и на взморье. Здесь ожидал представления также и министр финансов царства Польского Фурман. Ко мне подошел человек в денщицьем мундире и, подробно распрося фамилию, чин, место служения, сказал, что тотчас доложит государю. Я не видел ни дежурных генерал-адъютантов, ни флигель-адъютантов. Минут через пять явился тот же денщик, прося следовать за ним, и повел меня опять вниз, в довольно темную комнату, слабо освещенную лампами и топившимся камином. Здесь, из-за ширм, вышел дежурный камердинер, опять опросивший меня и доживший обо мне. У дверей стояли арабы и дворцовые гренадеры. Вся прислуга показалась мне чрезвычайно вежливою и предупредительною. За этой прихожей был небольшой зал, из которого шли двери в кабинет государя: двери кабинета были заставлены ширмами, и в этот зал никто не смел войти без доклада камердинера.

Вскоре меня потребовали к государю. Только что я переступил порог зала, как его величество показался из кабинета. Он был в Измайловском сюртуке, застегнутом только на верхнюю пуговицу, без эполет. Мерными шагами государь прошел по залу в амбразуру окна. Ласково ответив на мой поклон, он прислонился спиной к углу амбразуры и начал меня расспрашивать о состоянии войск, о корпусном командире, собирается ли он приехать сюда, о ружьях и этапах, – исправно ли водит партии ссыльных. При этом государь рассказал, как здесь на заставе поймали каторжника, бежавшего из Сибири. Я отвечал, что с этапов бежать почти невозможно и что каторжник сбежал, вероятно, с заводских работ.

– Каково ведут себя государственные преступники¹⁷⁶? – спросил государь.

– Очень одобрительно, ваше величество, – отвечал я: – ни один ни в чем предосудительном не замечен; а что у них на сердце, от нас закрыто.

– Прощай! – С этими словами государь изволил было направиться к дверям кабинета, но вдруг, остановясь посредине зала, проговорил: – Я, может быть, у вас буду, это отсюда зависит, – и показал при этом рукою на небо. – Может быть, суждено и моему Александру Николаевичу...»¹⁷⁷.

Из этого эпизода следует, что рабочий кабинет императора располагался на первом этаже северо-западного ризалита уже в 1833 г.

Подчеркнем, что император, замкнувший на себя рычаги власти, по собственной воле буквально завалил себя работой. Он прекрасно понимал порочность такого метода ведения дел, иронично называя себя «каторжником Зимнего дворца» и «рабом на галерах», но при этом искренне считал, что «должность требует» и до конца жизни добросовестно тащил неподъемный груз нескончаемых дел. В 1835 г. в письме к И. Ф. Паскевичу император писал: «Поверишь ли, любезный Иван Федорович, что до сего дня не нашел время тебе отвечать, меня так завалили бумагами, столько было разной возни; приезд сестры жены моей, наконец маневры, все это меня совершенно замучило».

К бесконечным бумагам периодически добавлялись многочисленные европейские визитеры, родственники и не только. Следовательно, количество представительских мероприятий

¹⁷⁶ Император имел в виду декабристов.

¹⁷⁷ Броневский С. Б. Записки из моей жизни // Исторический вестник. 1889. Т. 38. С. 510.

все возрастало, а время на каждодневную продуктивную работу сокращалось. При всем уважении к гостям Николай Павлович отчетливо представлял, на сколько уплотнится его рабочий график. В 1842 г. он писал И. Ф. Паскевичу: «Ждем на днях сестру жены с мужем; потом принца Прусского, за ним короля, потом герцога Нассауского с братом и моего племянника, младшего сына Анны Павловны; так что скоро придется мне петь: Княже людские собра-шася... ох тих-тих-тих-ти!».

К. А. Ухтомский. Малый кабинет императора Николая I на первом этаже северо-западного ризалита. Середина XIX в.

Вместе с тем Зимний дворец являлся обычным, хотя и очень большим, домом, в котором жила необычная семья, но в котором все было, «как у людей». Например, протечки потолка. В июле 1850 г. в кабинете императора на первом этаже на потолке появилось сырое пятно. В результате исследования хозяйственники пришли к выводу, что «оно произошло от воды, которая просочилась из фонтана в садике на половине Государыни Императрицы, мимо водосточной трубы, тут проведенной»¹⁷⁸. Действительно, выше этажом, на антресолях первого этажа,

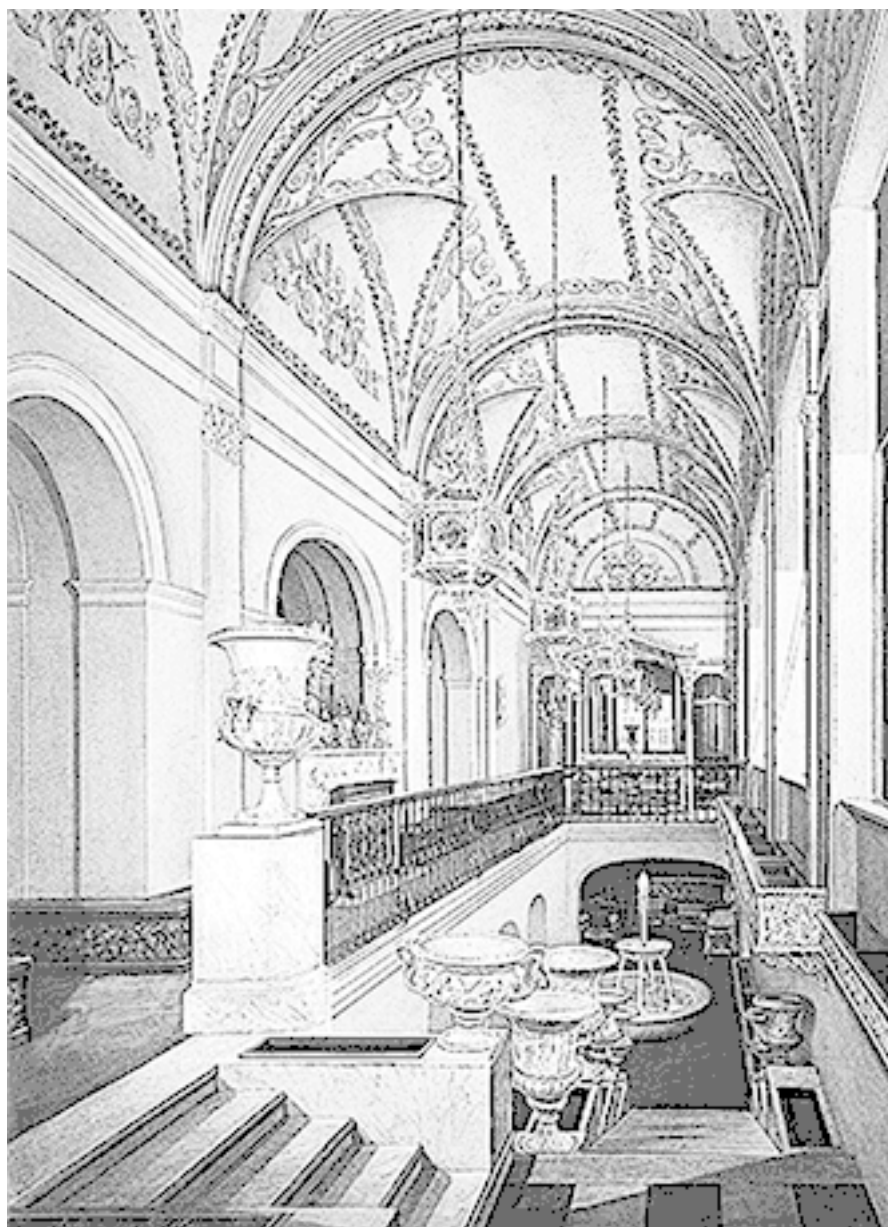
¹⁷⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1066. Л. 1. О пятне, оказавшемся на своде по нижнему этажу Зимнего Дворца, в комнате перед Кабинетом на половине Государя Императора. 1850 г.

располагался фонтан, к которому вела лестница из зимнего сада Александры Федоровны. В ходе ремонта выяснили, что протечка произошла «от того, что в чаше фонтана садика на половине Государыни Императрицы замазка около медной гайки водосточной трубы размокла»¹⁷⁹.

Николай I проложил свои маршруты вокруг дворца для обязательных ежедневных прогулок. По этим маршрутам два раза в день – рано утром перед завтраком и докладами министров и после обеда – прогуливался Николай I. По давней традиции, ежедневные прогулки проходили в Летнем саду, куда он неспешно шел по Дворцовой набережной. Император гулял в Летнем саду круглый год. Весной там прокладывали по привычному императорскому маршруту дощатые тротуары, а зимой расчищалась от снега дорожка, шедшая вокруг всего сада¹⁸⁰. Мог пройтись император и по Разводной площадке и Дворцовой площади. Приватности в этих прогулках, конечно, не было, но для императора это – привычный фон его жизни. Подлинно приватные прогулки, во время которых он мог остаться наедине с собой, Николай Павлович мог себе позволить только за границей, да и то с известными ограничениями.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1066. Л. 1. О пятне, оказавшемся на своде по нижнему этажу Зимнего Дворца, в комнате перед Кабинетом на половине Государя Императора. 1850 г.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 961. Л. 1. Об очистке от снега одной дорожки кругом Летнего сада. 1849 г.

Э. П. Гау. Зимний сад императрицы Александры Федоровны. 1871 г.

И. Е. Репин. Николай I на прогулке в горах Швейцарии

Николай I сопровождает гроб бедного чиновника

У императрицы Александры Федоровны и Николая Павловича вплоть до конца 1840-х гг. была одна спальня – на половине императрицы, на втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца (ныне это зал № 184). Только спали они на разных кроватях: императрица – в алькове за колоннами, а Николай Павлович – на походной кровати (некий современный аналог раскладушки), рядом. Император любил свою «птичку», о чем свидетельствуют в том числе и весьма фривольные зарисовки Николая Павловича.

Э. П. Гау. Спальня императрицы Александры Федоровны. 1859 г.

Походная кровать Николая I

Императрица Александра Федоровна в парадной кавалергардской форме. Рис. Николая I. 1829 г.

В этой же спальне «по утрам и вечерам Николай Павлович всегда долго молился, стоя на коленях, на коврик, вышитом императрицей»¹⁸¹. Когда коврик износился, второй вышила фрейлина М. П. Фредерикс.

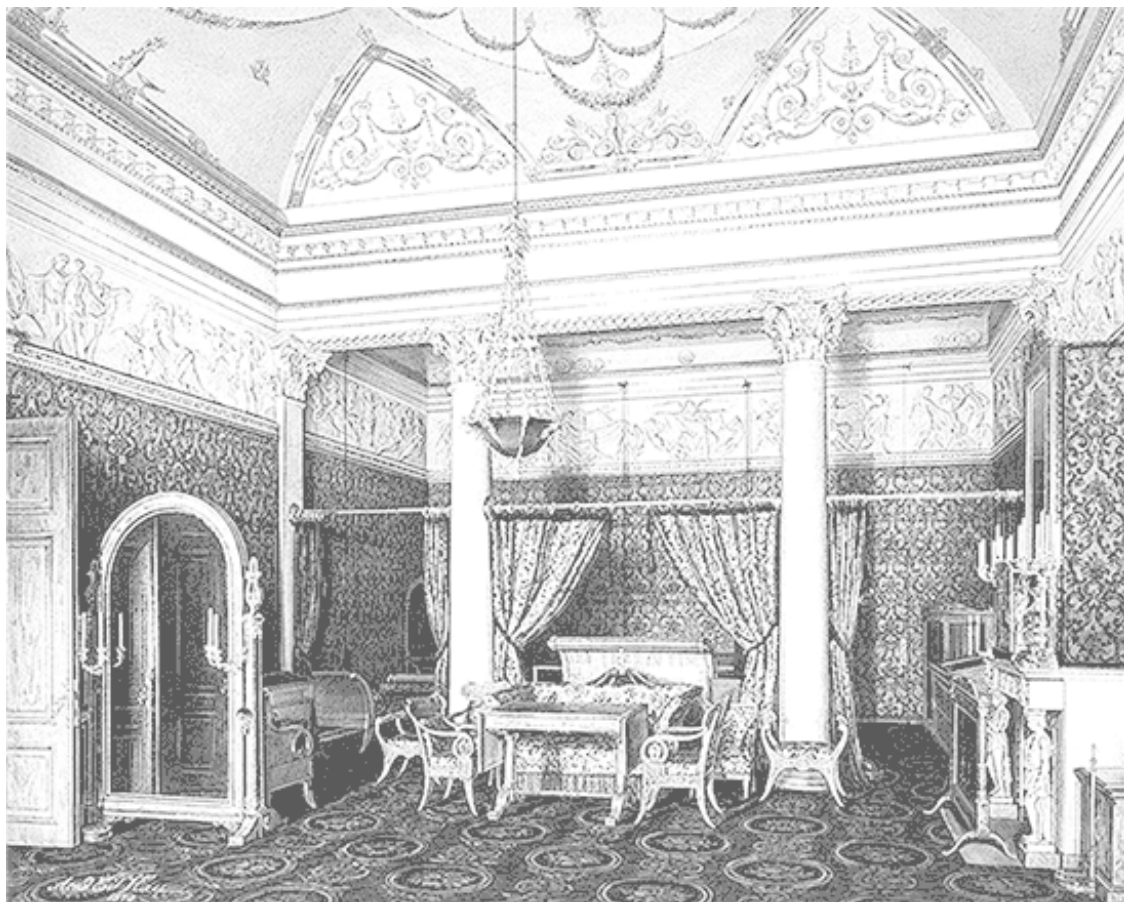
Здесь же находился на одной из стен портрет великой княгини Ольги Николаевны в гусарском мундире¹⁸². В начале 1850-х гг. император «отселился» от супруги, сделав своей спальней нижний кабинет на первом этаже северо-западного ризалита, где почивал на той же походной кровати.

¹⁸¹ Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 75.

¹⁸² Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 75.

Великая княжна Ольга Николаевна в форме 3-го гусарского Елисаветградского Ее Имени полка

Э. П. Гау. Спальня императрицы Александры Федоровны. 1870 г.

Николай I все свое царствование стремился окружать жену вниманием и поистине царской роскошью. После пожара Зимнего дворца в ходе отделки личных комнат императрицы Александры Федоровны Николай I распорядился включить в перечень вещей, размещаемых на половине супруги, знаменитый золотой «нахтышный» (то есть всedневный) туалет императрицы Анны Иоанновны¹⁸³. Уникальный золотой туалетный набор был изготовлен во второй половине 1730-х гг. в аугсбургской мастерской Иоганна Людвиг Биллера. Этот туалет по традиции переходил от императрицы к императрице, размещаясь в их опочивальнях. Со времен императрицы Елизаветы Петровны драгоценный золотой туалет постоянно использовался во время свадеб «дворцового масштаба». Именно перед золотым зеркалом этого туалета невестам делали свадебную прическу и надевали коронные бриллианты. При необходимости золотой туалет «совершал путешествия» из Зимнего дворца в другие императорские резиденции, в которых по тем или иным причинам проводилась церемония бракосочетания. После смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 г. золотой туалет передали на хранение в Бриллиантовую комнату Зимнего дворца, где он находился вплоть до 1839 г.

18 марта 1839 г. министр Императорского двора князь П. М. Волконский направил обергофмаршалу письмо, в котором сообщал, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил золотой туалет покойной Императрицы Марии Федоровны иметь впредь в опочивальной комнате Ея Величества в Зимнем Дворце, для чего и сдать оный по описи под присмотр Роты дворцовых гренадер полковника Лаврентьева и дежурных камердинеров с тем, чтобы каждый из них, отвечая за целостность всех вещей туалета в продолжении своего дежурства, передавал их сменяющему его; по окончании же в Зимнем Дворце присутствия впредь до следую-

¹⁸³ Сегодня этот золотой туалет можно увидеть в Галерее драгоценностей Государственного Эрмитажа в зале № 5.

щего, туалет сей хранить в сундуке за печатью в Бриллиантовой комнате»¹⁸⁴. Во время передачи вещей, входивших в туалетный набор, составили подробную опись «золотому туалету, бывшему в опочивальне Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны с принадлежащему к оному вещами». Итак, «нахтышный сервиз, сделанный мастером Доном в 1736 г.», включал:

1. «Рама зеркальная, при ней: наверху накладная бляха, семь подвесок на подобие кисточек с двумя коронами; из них на одной яблоко с крестом, а на другой маленькое яблочко с крестиком же, под ним вензель и ветви финифтяные, по сторонам их отливные статуйчики с крыльями, в руках имеют ветви и по трубе, из коих конец одной трубы отломан, под ними на раме отливные 2 личины и 2 накладки, на коих 2 цветника, а на цветниках по две статуйки поясные; при них на плечах по 4 лопаточки и 2 накладки на подобие шишаков, а внизу рамы по углам 2 личины с крыльями; в середине рамы накладная бляха; на ней Российский черный финифтяный герб с 3 коронами, скипетром и державою и крессом; в середине герба финифтяная накладка и вокруг всей рамы 64 винта малых и больших 56 гаек с 30 колечками пробы 76 и стекло шлифованное». Общий вес зеркала с золотой рамой составил 20 фунтов 5 золотников, то есть 8 кг 211 г;

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1309. Л. 1. О золотых и серебряных туалетах и о их назначении. 1839 г.

Нахтышный сервиз

2. «Блюдо рукомойное продолговатое граненое, пробы 76», весом 5 фунтов $40 \frac{3}{4}$ золотника, то есть 2 кг 217 г.

3. «Рукомойник с крышкой и ручкой на поддоне привинченном, под ним сверх поддона яблочком, пробы 76», весом в 3 фунта $74 \frac{1}{2}$ золотника, то есть 1 кг 545 г.

Кроме этого, в описи подробно перечисляются многочисленные коробочки, лоточки, колокольчик, «ручка с долгою щеткою» (весом 24 золотника, т. е. 102 г), накладка с платяною щеткою, крышка с хрустального штофика, «у ней винт, два шандала, поддон под щипцы на

четырёх ножках с одною ручкой» (87 золотников, т. е. 371 г); щипцы (39 золотников, т. е. 166 г); кофейник на поддоне (3 фунта 20 золотников, т. е. 1 кг 308 г); чайник на поддоне (2 фунта 42 золотника, т. е. 998 г); чашка на сахар граненая на поддоне, на ней вверху привинченная пирамидка, на которую вкладываются чайные ложечки (2 фунта 5 золотников); ложечка прорезная; ложки чайные. Всего в описи перечислено 47 предметов.

Тогда же передали в покои императрицы Александры Федоровны (видимо, на всякий случай, поскольку император не указал, какой конкретно туалетный золотой набор передать в спальню императрицы) и второй золотой нахтышный сервиз, изготовленный при Екатерине II, включавший 61 предмет, общим весом в 3 пуда 2 фунта 41 золотник, т. е. 50 кг 133 г.

В числе предметов в реестре упоминается «конфорка с ручкой и решеткою на ножках»; золотая «кастрюля с ручкою» 91 пробы, весом в 1 фунт 33 золотника (549 г); чернильный прибор, весом в 1 фунт 46 золотников; два «мыльника с крышками круглых в прорезных накладках»; «крышка на кастрюлю серебряно-золоченая»; «поддонов круглых золотых с вензелем императрицы Екатерины II, из коих 2 побольше и 1 малый», весом в 2 фунта 12 золотников.

Эти уникальные вещи с 1839 по 1881 г. хранились на втором этаже северо-западного ризалита в покоях императрицы Александры Федоровны. Если точнее, они находились в ее спальне. На акварели Э. П. Гау «Спальня императрицы Александры Федоровны», выполненной в 1859 г., хорошо виден столик, на котором тесно стоят предметы из золотых нахтышных туалетов.

Со временем золотой туалет императрицы Анны Иоанновны стали именовать в хозяйственных документах «коронным золотым туалетом Императрицы Александры Федоровны», а сам туалет после смерти Александры Федоровны в 1860 г. передали в Сервизную кладовую Зимнего дворца.

Периодически предметы туалета, прежде всего зеркало в золотой раме, изымали из Сервизной кладовой и отправляли на очередную великокняжескую свадьбу. Так, когда осенью 1866 г. женился наследник-цесаревич великий князь Александр Александрович, то для церемонии одевания великой княжны Марии Федоровны туалет вновь извлекли из Сервизной кладовой.

В марте 1867 г. императрица Мария Александровна решила передать во временное пользование своей молодой невестке золотой туалет: «Высочайше назначенный, для пользования Ея Императорским Высочеством Государыней Цесаревной Марией Федоровной, золотого коронного туалета, находившегося у Императрицы Александры Федоровны». В результате этого распоряжения золотой туалет некоторое время находился в туалетной комнате Марии Федоровны в Аничковом дворце.

Вскоре на 19 января 1868 г. назначили свадьбу княжны Евгении Максимилиановны Романовской, герцогини Лейхтенбергской, вышедшей замуж за А. П. Ольденбургского¹⁸⁵. Поэтому 6 января 1868 г. по высочайшему повелению императрицы Марии Александровны состоялось распоряжение о немедленном «доставлении из Аничкового в Зимний дворец золотого туалета, который и предоставлен новобрачной для церемонии ее торжественного одевания в Малахитовом зале Зимнего дворца». После этой свадьбы золотой туалет вернули в Сервизную кладовую Зимнего дворца, где он и оставался вплоть до начала 1882 г.

Осенью 1881 г., когда сменился не только император, но и министр Императорского двора, директор Императорского Эрмитажа князь А. А. Васильчиков направил в адрес министра Императорского двора рапорт, в котором просил передать нахтышные сервизы в Эрмитаж. Он писал: «В Николаевском зале Зимнего дворца, а равно в придворных сервизных и серебряных кладовых находится много предметов, представляющих огромный художествен-

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 25. Л. 8. О приеме золотого коронного туалета Императрицы Александры Федоровны, назначенного Государыне Цесаревне. 1867–1868 гг.

ный интерес и почти баснословную денежную ценность. Предметы эти или скрыты от взоров в пыли кладовых, или же, затерянные в массе менее ценных вещей, ускользают от наблюдения ценителей»¹⁸⁶. Директор Эрмитажа обращал внимание, что в дворцовых буфетах выставлены «великолепные серебряные, выпуклые блюда, а также стопы и кубки отменной английской, немецкой и итальянской работы XVI, XVII, XVIII столетий. Блюда эти расставлены на больших горах по стенам Николаевской залы вперемежку с весьма эффектными блюдами новейшего времени, представляющими одну только ценность металла. Ко времени скоро имеющей быть коронации... целая масса новых блюд и солонок... с лихвой могли бы заменить те, которые по своей художественной ценности достойны украшать Императорский Эрмитаж».

Особо А. А. Васильчиков писал о желании получить для Эрмитажа золотой туалет императрицы Анны Иоанновны: «Рядом с блюдами не могу не упомянуть о великолепном и вовсе не известном золотом туалете Императрицы Анны Иоанновны, которым прошлой осенью возбуждал восторг посетивших кладовые дворца директора и экспертов Лондонского Кензингстонского музея. Туалет этот употребляется только в случае августейших бракосочетаний, точно так же как и золотой с бриллиантами сосуд, хранящийся в галерее драгоценностей Императорского Эрмитажа»¹⁸⁷.

Результатом рапорта стало то, что директору Эрмитажа позволили «покопаться» в кладовых Зимнего дворца. И А. А. Васильчиков, как настоящий музейщик, с наслаждением погрузился в отбор предметов для коллекций Эрмитажа. В результате в Серебряной сервизной кладовой «из всей массы драгоценностей» он отобрал для Эрмитажа 35 предметов. В их числе были: огромная «серебряная чаша (ваза для охлаждения вин) английского дела самой лучшей и самой ценной эпохи, именно времен английской королевы Анны, я отложил еще для Эрмитажа блюда, кубки, стопы, рукомойники и фляги, большей частью аугсбургского и нюрнбергского дела XVII столетия... Серебряные вызолоченные суповые чаши с подносами так называемого „парижского сервиза“ – 8 шт. Великолепные суповые чаши эти, заказанные в 1767 г. Императрицей Екатериной Великой в Париже носят полную надпись знаменитого серебряника французского двора Петра Жерменя. Они в наши дни представляют почти баснословную стоимость. Я не решился, однако, включить их в список отобранных мною для Императорского Эрмитажа предметов, так как чаши эти часто употребляются для парадных обедов». Однако разрешения на передачу в Эрмитаж золотого туалета императрицы Анны Иоанновны князь А. А. Васильчиков тогда не получил.

Тем не менее, как истинный музейщик князь, А. А. Васильчиков проявил настойчивость и 30 декабря 1881 г. вновь обратился к министру Двора графу И. И. Воронцову-Дашкову с просьбой передать золотой туалет в Императорский Эрмитаж. Он писал: «Туалет этот, отличающийся необыкновенною красотою форм и отделки, употребляется только во дни бракосочетаний Особ Августейшего Дома. Ничто не мешает выдавать его из Эрмитажа Придворной конторе при всяком подобном случае, точно так, как это происходит с другими предметами, уже находящимися в Галерее драгоценностей, так, например, с золотым сосудом, украшенным бриллиантами, времен Екатерины Великой – тоже постоянно употребляется при Августейших бракосочетаниях... беру смелость возобновить о том свое ходатайство»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 12.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 12 об.

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 28 об.

Кроме этого, во время больших январских балов в Зимнем дворце А. А. Васильчикову, видимо, удалось лично переговорить по этому предмету с Александром III. И 24 февраля 1882 г. директор Эрмитажа пишет в рапорте, что императору Александру III «благоугодно было разрешить, вместе с другими предметами, выбранными мною в сервизной кладовой Зимнего Дворца, перенесение в Галерею драгоценностей Императорского Эрмитажа золотого туалета Императрицы Анны Иоанновны»¹⁸⁹. Таким образом, знаменитый нахтышный золотой туалет императрицы Анны Иоанновны оказался в Галерее драгоценностей Императорского Эрмитажа, где он пребывает и поныне...

Возвращаясь ко временам императора Николая I, отметим, что стремление окружать императрицу Александру Федоровну роскошью во всех ее проявлениях приводило к тому, что петербургские ювелиры и художники всегда имели множество крупных и мелких заказов со стороны Высочайшего двора. И каждый из этих императорских заказов, даже самых незначительных, имел свою историю.

Например, когда в 1849 г. для императрицы Александры Федоровны был заказан новый молитвенник¹⁹⁰, в качестве возможных исполнителей престижного заказа рассматривались академик Ф. Г. Солнцев¹⁹¹ и архитектор И. А. Монигетти¹⁹². Академик Императорской академии художеств Солнцев уже выполнял подобный заказ в 1841 г., когда за молитвенник, выполненный для Александры Федоровны, он получил подарок – перстень в 207 руб. сер. (декабрь 1841 г.), за молитвенник для великой княжны Ольги Николаевны – перстень в 138 руб. сер. (декабрь 1842 г.)¹⁹³. В 1849 г. Ф. Г. Солнцев оценил свою работу в 2500 руб. ассигнациями.

Однако выполнение заказа на молитвенник объемом в «118 страниц, не считая образов», передали известному архитектору И. А. Монигетти, тот брался выполнить заказ за два месяца (август – 1 ноября 1849 г.), обозначив его стоимость «не менее 1000 руб. сер.»¹⁹⁴. Однако усилиями дворцовых хозяйственников конечную стоимость заказа снизили до 714 руб. сер. 30 коп. Переплет для молитвенника заказывался в английском магазине «Никольс и Плинке» отдельно (225 руб. сер.).

Монигетти не сумел выполнить заказ вовремя. В объяснительной записке он оправдывался тем, что «рисование и тщательная отделка мелких украшений» оказывает «весьма вредное влияние на мое зрение», поэтому, учитывая «краткость осенних дней», он обязывался доставить заказ только к 21 ноября 1849 г. Потом он заболел, и срок сдачи молитвенника вновь перенесли – на 6 декабря 1849 г. Так или иначе, изготовление молитвенника с авторскими рисунками Монигетти завершилось в декабре 1849 г. и его стоимость, с учетом переплета, составила 940 руб. сер.

Поскольку мы заговорили о драгоценных вещах, находившихся на половине императрицы Александры Федоровны, то уместно упомянуть и об одном из эпизодов бытования Бриллиантовой комнаты¹⁹⁵, находившейся на половине императрицы.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 30.

¹⁹⁰ Отметим, что в библиотеке императрицы Александры Федоровны хранились двенадцать уникальных рукописных молитвенников XV–XVI вв., выполненных на пергаменте и украшенных миниатюрами в декоративных рамках.

¹⁹¹ Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892) – крупнейший русский специалист по художественной археологии (художник, архитектор и историк), руководитель знаменитого издания «Древности Российского государства». Руководил художественным оформлением Большого Кремлевского дворца.

¹⁹² Ипполит Антонович Монигетти (1819–1878) – русский архитектор и акварелист, представитель архитектурной эклектики, много работавший по заказам царской фамилии и высшей аристократии.

¹⁹³ Себестоимость молитвенника художник оценивал в 1000 руб. сер. и делал его два года. См.: РГИА. Ф. 1338. Оп. 3 (59/122). Д. 149. О заказе для Ея Величества молитвенника. 1849–1850 гг. Л. 1.

¹⁹⁴ Себестоимость молитвенника художник оценивал в 1000 руб. сер. и делал его два года. См.: РГИА. Ф. 1338. Оп. 3 (59/122). Д. 149. О заказе для Ея Величества молитвенника. 1849–1850 гг. Л. 3.

¹⁹⁵ О Бриллиантовой комнате Зимнего дворца см.: *Зимин И.* 1) Царские деньги. М.; СПб., 2011; 2) Зимний дворец. Люди

Эта история случилась во время Крымской войны (1853–1856 гг.). Война началась в сентябре 1853 г. и поначалу была успешной для России, воевавшей с Османской империей. Черноморский флот под командованием вице-адмирала Нахимова 18 ноября 1853 г. уничтожил турецкую эскадру Османа-паши, стоявшую на синопском рейде. Однако после того как Османскую империю поддерживали Великобритания и Франция, ситуация начала меняться, и не в лучшую для России сторону. К апрелю 1854 г. Россия находилась в состоянии войны с двумя супердержавами того времени.

В результате весной 1854 г. Англо-французский флот (80 судов) вошел в Балтику. Флоту англичан и французов противостояли Балтийский флот, Свеаборгская крепость и кронштадтские форты. По берегам Финского залива располагались береговые батареи. Император Николай I из окон своего Морского кабинета в Коттедже, расположенном в парке Александрия в Петергофе, в подзорную трубу наблюдал за маневрами флота противников. В этой ситуации царь был просто обязан предусмотреть самый негативный исход возможного развития событий.

В этом случае требовалось подготовить к эвакуации императорские регалии и коронные бриллианты. Реализацию подобной задачи император начал еще в марте 1854 г., когда дипломатические отношения с Англией и Францией были уже разорваны, но официально война еще не началась.

Сначала министр Императорского двора В. Ф. Адлерберг запросил камер-фрау А. А. Эллис, отвечавшую за хранение регалий и коронных бриллиантов, о наличии «укупорки» на случай возможной эвакуации императорских регалий. 6 марта 1854 г. камер-фрау доносила, что «в комнате, где хранятся казенные бриллианты, находится ящик красного дерева с 4 футлярами: для короны большой; для короны маленькой; для скипетра; для державы. Кроме того, три футляра для жемчугов, 1 футляр для бриллиантов, 10 картонок плоских для укладки бриллиантов»¹⁹⁶.

Буквально на следующий день, «совершенно случайно», Николай I в сопровождении министра Императорского двора посетил Бриллиантовую комнату. По итогам этого визита министр двора В. Ф. Адлерберг предписал камер-фрау А. А. Эллис: «Милостивая государыня Анастасия Александровна. Государь Император при посещении комнаты, в которой хранятся коронные и Ея Императорского Величества бриллианты, изволил заметить, что витрины, в коих бриллианты разложены, наружностью ветхи и бархат в них полинял, и потому Высочайше повелеть соизволил: командировать чиновников Кабинета Его Величества для укладки всех бриллиантов в сундуки, которые, по приложении к ним печати, оставить в той же комнате, а витрины и прочее передать г. Обер-гофмаршалу графу Шувалову для восстановления позолоты и бархата». Кроме того, министр поинтересовался, «нет ли у Вас свободных для сего сундуков, хотя бы и для другого предназначаемых, но обитых железом и с крепкими замками. Граф Адлерберг. 8 марта»¹⁹⁷.

Наверное, в Бриллиантовой комнате витрины действительно обветшали и бархат выцвел. Но главным было не это. Под предлогом ремонта витрин регалии и бриллианты упаковали, опечатали и оставили в охраняемой Бриллиантовой комнате на случай срочной их эвакуации. Для этого нашелся и надежный сундук. 9 марта 1854 г. камер-фрау А. А. Эллис писала В. Ф. Адлербергу, что «в гардеробе Его Величества есть сундук, обитый медными обручами, который может быть употреблен для укладки картонов, в которые обыкновенно укладывались

и стены. История императорской резиденции. 1762–1917. М.: СПб., 2012; Зимин И., Соколов А. Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М.: СПб., 2013.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Оп. 249. О возобновлении витрин в коих хранятся коронные и принадлежащие Государыне Императрице бриллианты. 1854 г. Л. 1.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Оп. 249. О возобновлении витрин в коих хранятся коронные и принадлежащие Государыне Императрице бриллианты. 1854 г. Л. 3.

бриллианты. Висячих же замков не имеется, и еще нужны замшевые подушки по величине картонок»¹⁹⁸.

Однако все исполненные предосторожности оказались излишними. Британско-французский флот вскоре ушел от Кронштадта, а Бриллиантовая комната в Зимнем дворце получила новые витрины.

За время жизни семьи Николая I в Зимнем дворце произошло множество событий. Обычная мозаика складывалась из значимых событий общегосударственного характера и мелких «осколков», присутствующих в жизни каждой семьи. Говоря о «мелочах», обратимся к довольно актуальному ныне вопросу: какую воду пили в Зимнем дворце?

Это далеко не праздный по тем временам вопрос, поскольку, как это ни удивительно, но брюшным тифом переболели почти все Романовы. Некоторые и умерли от этой болезни, которая сегодня считается болезнью военного времени или болезнью «немытых рук». Как правило, источником заражения становилась вода. Если в XVIII в. Нева еще справлялась с отходами растущего города, то в XIX в., с учетом того, что все отходы и нечистоты без всякой очистки сбрасывались в Неву и каналы, употребление невской воды становится важнейшим фактором риска.

Стакан некипяченой воды, видимо, привел к смерти императора Александра I, много позже та же некипяченая вода стала причиной смерти П. И. Чайковского и сестры В. И. Ленина Ольги Ильиничны. Именно вода, насыщенная болезнетворными организмами, наряду с пресловутым питерским климатом, становилась причиной множества смертей в городе. Кроме этого, с 1831 г. ситуация в Петербурге усугубилась периодическими эпидемиями холеры.

Что касается воды, которую пили в Зимнем дворце первые лица, то имеются два взаимоисключающих свидетельства. Так, в воспоминаниях современника упоминается, что императрице Александре Федоровне регулярно привозили в Ниццу, где она проходила очередной курс лечения, бочонки с невской водой, поскольку ее не устраивала местная вода: «...из Петербурга каждый день особые курьеры привозили бочонки невской воды, уложенные в особые ящики, наполненные льдом»¹⁹⁹. С другой стороны, эту версию опровергает фрейлина М. П. Фредерикс, утверждавшая, что бочонки с невской водой не присылались императрице из Петербурга, поскольку она «ее никогда в рот не брала, живя даже в Петербурге. Ее Величество употребляла постоянно зельтерскую воду – здоровья ради»²⁰⁰. То есть мы имеем одно из самых ранних свидетельств об употреблении первыми лицами империи ныне столь привычной бутилированной воды.

Архивные документы подтверждают версию М. П. Фредерикс. К концу 1830-х гг., видимо, сложилась устойчивая практика оптовых закупок питьевой воды во Франции, которую ежегодно бутылками упаковывали в ящики и доставляли в Зимний дворец. Согласно справке, «ежегодно для Государя Императора выписывалось из Парижа по 24 дюжины „Альпийской воды“, которая доставлялась сюда с открытием навигации. Вода хранилась в кладовой П. М. Волконского, откуда и выдавалась по требованиям камердинера Его Величества Гримма»²⁰¹. Очень характерная деталь – «личная вода» императора хранилась «в кладовой» министра Императорского двора в стеклянных бутылках. Эта вода поступала в Зимний дворец несколькими партиями. Например, в апреле 1847 г. заказали 12 дюжин бутылок «Альпийской воды», потребовав «выслать сие первым пароходом из Гавра». 27 мая 1847 г. заказали еще 12

¹⁹⁸ РГИА, ф. 472. Оп. 4. Оп. 249. О возобновлении витрин в коих хранятся коронные и принадлежащие Государыне Императрице бриллианты. 1854 г. Л. 4.

¹⁹⁹ Эвальд А. В. Рассказы о Николае I // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 274.

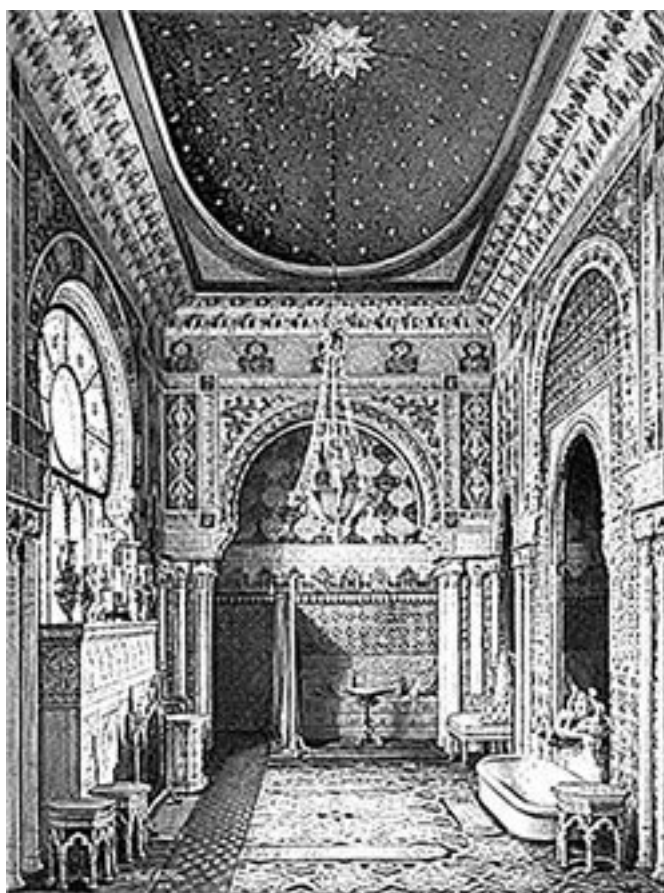
²⁰⁰ Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 71.

²⁰¹ РГИА, ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 31. О выписке из Парижа для Его Величества 12 дюжин бутылок Альпийской воды. 1847–1855 гг. Л. 85.

дюжин бутылок воды с требованием доставить ее в Петергоф. В декабре 1848 г. заказали 20 дюжин бутылок «Альпийской воды».

Подобные заказы поступали и на половину императрицы Александры Федоровны. Например, в марте 1855 г. вдовствующая императрица повелела передать на ее половину «весь запас альпийской воды, оставшийся после Государя Императора», составлявший «67 дюжин и 8 флаконов альпийской воды», то есть всего 812 бутылок («флаконов»)²⁰². Таким образом, уже в то время «из-под крана» российские императоры воду не пили.

Кроме питьевой воды, в Зимний дворец доставляли и специально приготовленную для Александры Федоровны морскую соль, которую добавляли в воду во время приема ванн. Соль стали выписывать после посещения императрицей в 1845 г. Италии. За 1848 г. «по высочайшему повелению» в Петербург из Палермо доставили «по прежним примерам» 2800 фунтов морской соли (1145 кг), приготовленной «доктором Баталья для ванн Государыни Императрицы».

Э. П. Гау. Ванная императрицы Александры Федоровны. 1870 г.

Соль для императрицы обошлась в 658 неаполитанских дукатов²⁰³. В 1849 г. заказали еще 2500 фунтов соли (1022 кг).

Настоящим потрясением для всей семьи Николая I, да и для сотен людей, населявших императорскую резиденцию, стал пожар Зимнего дворца 17–18 декабря 1837 г. О причинах

²⁰² РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 31. О выписке из Парижа для Его Величества 12 дюжин бутылок Альпийской воды. 1847–1855 гг. Л. 122.

²⁰³ РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 659. Л. 1. Об уплате денег за морскую соль для ванн Государыни Императрицы и об апельсиновых деревьях. 1849–1850 гг.

пожара и попытках его тушения написано в другой моей книге²⁰⁴. А мы обратимся к камер-фурьерскому журналу «по половине Государя Императора Николая Павловича» за декабрь 1837 г., где в деталях зафиксированы все обстоятельства тех трагических дней.

9 декабря 1837 г. семья Николая I на санях возвратилась из Москвы, с радостью оказавшись в своих комнатах в северо-западном ризалите резиденции. Началась обычная размеренная жизнь, с многочисленными обязанностями, суетой, радостями и печалью. 12 декабря император отправился в Царское Село «к слушанию панихиды по Государю Императору Александру I». На обратном пути он заехал в Казанский собор, где приложился к иконе «Казанской Божией Матери», после чего вернулся в Зимний дворец. В 10 часов вечера в Зимний дворец приехал великий князь Михаил Павлович, он остался к ужину, поданному «в Розовой комнате». Вместе с родителями на ужине присутствовали старшие дочери – великие княжны Мария и Ольга и подруга императрицы баронесса С. Фредерикс. 14 декабря состоялся традиционный высочайший выход в Малую церковь «к слушанию молебна с коленопреклонением за прекращение бунта бывшего 14 декабря 1825 г.»²⁰⁵.

А. Х. Бенкендорф

²⁰⁴ Зимин И. В. Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917. М., 2012.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 138. Л. 15. Журнал камерфурьерский. Декабрь 1837 г.

А. И. Чернышев

Утро в пятницу 17 декабря 1837 г. для Николая I началось как обычно. В 9 часов он начал принимать доклады. Сначала докладывали «силовики»: военный министр граф А. И. Чернышев и начальник III Отделения и Отдельного корпуса жандармов генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф, а затем император принял доклад министра Императорского двора П. М. Волконского.

Далее последовали рапорты военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа П. К. Эссена, коменданта П. П. Мартынова и обер-полицмейстера С. А. Кокошкина.

Далее, «во 2 часу Его Величество выезд имел в санях прогуливаться несколько по городу». Обед на 8 персон подавался «в библиотеке Государыни Императрицы». Вечером (19 ч. 35 мин.) Николай I с супругой «выезд имел в Большой Каменный театр, в ложе при представлении российскими актерами пьесы». Шла опера «с балетом» «Баядерка», в спектакле танцевала знаменитая Тальони. Однако привычная жизнь в «старых стенах» закончилась вечером 17 декабря 1837 г., когда, как записано в камер-фурьерском журнале, «Зимний дворец начал гореть»²⁰⁶.

²⁰⁶ В придворном фольклоре имелись легенды, связанные с «пожарными» шутками. Так, по одному из таких преданий, в день 1 апреля император Александр I решил подшутить над комендантом П. Я. Башуцким и заявил тому, что прошлой ночью с Сенатской площади украли монумент Петру Великому. Перепуганный комендант отправился к памятнику, но вскоре

П. М. Волконский

вернулся и начал радостно докладывать императору: «Успокойтесь, Ваше Величество! Монумент целехонек, на месте стоит! А чтобы чего на самом деле не случилось, я приказал к нему поставить часового». Все расхохотались, а император поздравил Башуцкого с 1-м апреля. Через год в ночь на 1 апреля Башуцкий разбудил императора и доложил, что во дворце начался пожар. Император быстро оделся и поинтересовался, где и что горит. Башуцкий был очень доволен своим розыгрышем и поздравил императора с 1-м апреля. Александр Павлович не оценил шутку и сурово сказал: «Дурак, любезнейший, и это уже не первое апреля, а сущая правда».

П. К. Эссен

По свидетельству начальника внутреннего караула по Зимнему дворцу корнета лейб-гвардии Конного полка барона Э. И. Мирбаха, уже в 8 часов вечера в Фельдмаршальском зале стоял такой дым, что он приказал караульным, которые не имели права покидать посты, присесть на корточки и закрыть двери в Петровский зал и в Малый аванзал: «В зале стояла такая мгла, что сквозь нее не видно было даже уже лампы, и люди, одною рукою отмахиваясь от дыма, другою зажимали себе рот, ожидая дальнейших приказаний»²⁰⁷. Тем не менее караульные постов не покидали, пока их не вывели в Малый Аванзал, но и оттуда пришлось уйти, поскольку на чердаке уже горел потолок.

Именно в театре «Государя Императора» известили через дежурного флигель-адъютанта Лужина, что в Зимнем Дворце Фельдмаршальское зало начало 25 минут 9 часа гореть, по

²⁰⁷ Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году // Русский архив. 1865. Кн. 2. С. 1197.

каковому случаю Его Величество прибыл из театра в 9 часов во дворец и проходил к обозрению пожара»²⁰⁸.

Император Николай Павлович, прибыв в Зимний дворец, прежде всего прошел в детские комнаты и приказал немедленно вывезти из Зимнего дворца своих детей. Затем он направился к эпицентру пожара, для того чтобы лично составить представление о его масштабах.

С. А. Кокошкин

²⁰⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 138. Л. 16. Журнал камерфурьерский. Декабрь 1837 г.

Клод-Жозеф Верне. Пожар в Зимнем дворце. 1838 г.

По воспоминаниям «майора от ворот» Зимнего дворца (1839–1845 гг.) Л. Р. Барановича император «в сопровождении Волконского прошел Ротонду, Концертную залу и большую Аванзалу (ныне Николаевскую); но, вступив в малую Аванзалу, был уже встречен стремительным потоком огня, проникшим в нее через потолок».

По воспоминаниям Э. И. Мирбаха, именно в Малой Аванзале он увидел царя: «...около 9 часов, я слышал из большой аванзалы мерную поступь государя и звонкий его голос, так врезывавшийся в память. С ним шли Великий князь Михаил Павлович и Наследник. Все в надетых по форме шляпах и с биноклями в руках, как приехали из театра... он подошел к дверям Фельдмаршальской залы и, при хлынувшем оттуда густом дыме, закричал: „Разбить окна“. В ту же минуту послышался звук падающих стекол... Ветер со двора произвел сильный сквозняк, и в том месте, где прежде была зеркальная дверь, неожиданно сверкнул огненный змей, в одну минуту, точно молния, осветивший всю залу»²⁰⁹. Так начался большой пожар, не оставлявший Зимнему дворцу никаких шансов.

Тем не менее Николай I с сопровождавшими его офицерами прошел через уже горевшие Фельдмаршальский и Петровский залы: «Несмотря на явную опасность, Государь с хладнокровным спокойствием прошел отсюда через Фельдмаршальскую и Петровскую залы, первые добычи огня, и, наконец, вступил в Белую (Гербовую). Здесь, казалось, уже не было возможности идти далее: густо клубящийся дым занимал дыхание, а карнизы и потолки, по которым вилось пламя, грозили всякую минуту падением; но и в этом критическом положении Государь не потерял присутствия духа: с помощью Божиею он успел пройти в Статс-дамскую (Гренадерскую) залу... Достигнув таким образом части дворца, еще не тронутой огнем, и убедясь в возможности спасти из нее, по крайней мере, движимость особой ценности, Государь велел полкам Преображенскому и Павловскому и командам гоф-интендантского ведомства выносить мебель и прочие вещи и складывать на Дворцовой площади»²¹⁰.

«Когда начало гореть малое Мраморное зало, в то время Государь Император Высочайше повелеть соизволил выносить из всех имеющих в Зимнем дворце комнат мебели и вещи, для чего наряжены были от Военного начальства из разных лейб-гвардии полков рядовые, которые носили вещи и мебели в Адмиралтейство и Главный штаб и во дворцовый Экзерциз-гауз».

Вслед за императором, «по окончании в театре представления», вернулась в Зимний дворец и императрица Александра Федоровна «в 11 часу и проходила в комнаты великого князя Константина Николаевича, где изволила смотреть горевшие залы: Фельдмаршальское, Петра Великого и Белое, а также и другие прикосновенные к оным комнаты, потом с великою княжною Мариею Николаевною отсутствовала из Зимнего дворца в карете в Собственный, куда приехала в час пополуночи».

Сохранился и «детский взгляд» на пожар 17 декабря. Этот день запомнился дочерям царя и тем, что в Зимнем дворце поставили «детские елки». Вечером, пока родители были в театре, дети пили чай, который разливала англичанка Мими – Мария Васильевна Кайсовская. «Она была в большом почете у императорской фамилии, вынянчив всех царских детей, начиная с великого князя Александра Николаевича»²¹¹. В эту ночь дети Николая I потеряли не только любимый дом, но и все столь любимые ими игрушки. Все это детское великолепие – и детский домик, и любимую деревянную горку – в одночасье уничтожил пожар. На детей Николая I, ставших очевидцами начала пожара, огненная стихия произвела тяжелое впечатление. Они навсегда запомнили буйство огня, в считанные часы уничтожившего их любимый дом.

²⁰⁹ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1198.

²¹⁰ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1193.

²¹¹ *Фредерикс М. П.* Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 66.

Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Это случилось вечером. У нас была зажжена по обыкновению елка в Малом зале, где мы одаривали друг друга мелочами, купленными на наши карманные деньги. Родители были в театре, где давали „Бог и баядерка“ с Тальони. В половине десятого, когда мы как раз собирались ложиться спать, Папа неожиданно появился у нас с каской на голове и с саблей, вынутой из ножен. „Одевайтесь скорей, вы едете в Аничков“, – сказал он поспешно. В то же время взволнованный камер-лакей застучал в дверь и закричал: „Горит!.. Горит!..“. Мы раздвинули портьеры и увидели, что как раз против нас клубы дыма и пламени вырываются из Петровского зала. В несколько минут мы оделись, и сани были поданы. Я еще побежала в мою классную, чтобы бросить прощальный взгляд на все, что мне было дорого. С собою я захватила фарфоровую собаку, которую спрятала в шубу, и бросилась на улицу. Там меня впихнули в сани вместе с маленькими братьями, и мы понеслись в Аничков. Нас устроили там наспех, где придется. О том, чтобы спать, не могло быть и речи. Между часом и двумя приехала Мама и рассказала, что есть надежда спасти флигель с покоями Их Величеств. Когда Мама приехала из театра, ей сказали, что мы в безопасности. Тогда она сейчас же прошла к несчастной Софи Кутузовой (дочь петербургского генерал-губернатора, которая была очень слаба после несчастного случая) и очень осторожно сказала ей, что ей придется переехать. Она оставалась при ней, пока та перенесла вызванный этой новостью нервный припадок, и не оставила ее, пока не приехал доктор. Только после этого она прошла к себе, где Папа уже распорядился всем. Книги и бумаги запаковывались, и старая камер-фрау Клюгель заботилась о том, чтобы не оставить безделушек и драгоценностей. Отсюда Мама поехала к Нессельроде, где был приемный день и где весь петербургский свет столпился у окон, чтобы видеть пламя пожара»²¹².

По свидетельству М. П. Фредерикс, императрица Александра Федоровна собирала вещи буквально до того времени, пока пожар не подступил к ее покоям в северо-западном ризалите. Очевидец вспоминал: «Императрица думала только о том, как бы охранить от опасности тех из живших во дворце, которых лета и недуги могли бы в нем задержать и лишить в общем замешательстве нужной помощи. Она успокоилась лишь тогда, когда убедилась, что все спасены и что никто не забыт в этих огромных чертогах, в которых три царствования так радушно призывали под своим кровом старых слуг и честную бедность, словом, в которых три тысячи человек имели себе приют»²¹³. По свидетельству майора от ворот Л. Р. Барановича, императрица поднялась во Фрейлинский коридор и находилась около кровати больной фрейлины С. П. Голенищевой-Кутузовой, пока ее не вынесли из дворца²¹⁴. По дороге в Аничков дворец, где уже находились дети, императрица заехала на квартиру супругов Нессельроде, находившуюся в здании Министерства иностранных дел, и оттуда через Дворцовую площадь некоторое время смотрела как гибнет Зимний дворец.

Очевидцы вспоминали непоколебимое спокойствие Николая I («нисколько не казался встревоженным»), его стремление прекратить паническую суету. Генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов вспоминал: «Около 11 часов ночи опасность стала принимать самые ужасающие размеры. Тогда я счел обязанностью доложить Государю, не нужно ли вынести бумаги из его кабинета, к которому огонь приближался со всех сторон. „У меня нет там никаких бумаг, – отвечал он с дивным хладнокровием: – Я оканчиваю свою работу изо дня в день, и все мои решения повеления тогда же передаю министрам. Из кабинета остается взять всего только три портфеля, в которых собраны дорогие моему сердцу воспоминания“»²¹⁵.

²¹² Сон юности.

²¹³ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1185.

²¹⁴ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1194.

²¹⁵ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1183.

В час ночи 18 декабря предпринимается последняя попытка отстоять половину императрицы в северо-западном ризалите. Генерал-адъютант П. А. Клейнмихель, стоявший тогда во главе лейб-гвардии Егерского полка, приказал закладывать кирпичом все дверные проемы Концертного зала. Кирпичами закладывали дверные проемы еще в трех местах дворца. Граф В. Ф. Адлерберг, по приказу Николая Павловича, взяв батальон лейб-гвардии Семеновского полка, попытался взломать крышу, для того чтобы возвести кирпичный брандмауэр. Но уже горел Аванзал, и огонь начал распространяться на Белый (Николаевский) зал. Время уже упустили, загорелся потолок этого зала, да и на чердак можно было подняться только по одной узкой деревянной лестнице. В. Ф. Адлерберг прошел по обледеневшей крыше до угла ризалита и увидел, что «телеграф²¹⁶ уже объят пламенем». В это время генерала нашел вестовой, сообщивший, что император отменил свое приказание и распорядился вывести батальон из горящего дворца.

Судя по воспоминаниям, император был буквально везде. Его видели в церкви, когда снимали с иконостаса иконы. Он был на Дворцовой площади и Разводной площадке, куда сносили вещи из дворца. В Арапской комнате корнет Э. И. Мирбах слышал рассказ самого императора, как он, пройдя в спальню императрицы, увидел ящик из-под бриллиантов, раскрытым и пустым: «По выражению его лица видно было, сколько это обстоятельство его огорчило, но он не высказал ни одним словом неудовольствия»²¹⁷. Как выяснилось позже, камер-фрау императрицы Рорбек вынесла все бриллианты, оставив тяжелый ящик.

Все воинские знамена, хранившиеся в резиденции, вывезли в Аничков дворец. Когда их выносили из помещения гауптвахты, на ее крыльце, обращенном в Большой двор, стоял император, наблюдая, как рушатся своды Белого (Гербового) зала. Как это ни удивительно, именно тогда император для себя впервые определил сроки восстановления дворца: «Все части дворца, обращенные во двор, пылали. „Больно, – сказал Государь, – видеть разрушение отцовского дома; но, с помощью Божиею, мы в год снова его поднимем“»²¹⁸.

Примечательно, что резкий и порывистый ветер в эту ночь дул со стороны Финского залива, но огонь распространялся навстречу ветру. Отметим, что в западном крыле Зимнего дворца, напротив гауптвахты, хранился архив Государственного совета, документы которого начинались с 1768 г. Спасли и эти бумаги. Когда к 4 часам утра запылали комнаты архива, все документы (из 69 больших шкафов) вынесли на Разводную площадку. Отдельные сотрудники архива провели эту ночь в подвале под раскаленными сводами.

Во втором часу ночи император приказал прекратить эвакуацию вещей из северо-западного ризалита и начать выводить людей из Зимнего дворца: «Сбор людей был произведен в величайшем порядке, и едва верилось тому величайшему спокойствию и той тишине и сноровке, с которыми массы старых солдат выпутывались из этого лабиринта галерей, переходов и зал, где всех их ожидала верная могила, если б предусмотрительность их повелителя не положила конец борьбе, становившейся уже напрасною»²¹⁹.

Очевидцам пожара запомнились совершенно разные его эпизоды, но на многих произвело особое впечатление обрушение телеграфной башенки, расположенной над кабинетом Николая I: «Падение телеграфной каланчи над Государевым кабинетом было особенно поразительно: она провалилась вовнутрь дворца с таким грохотом, как будто бы разрушался целый дом»²²⁰.

²¹⁶ Имеется в виду башенка оптического телеграфа, расположенная на крыше северо-западного ризалита.

²¹⁷ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1199.

²¹⁸ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1201.

²¹⁹ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1184.

²²⁰ Рассказы очевидцев о пожаре... С. 1202.

По словам очевидца, около 3 часов ночи Николай I оставил Зимний дворец и перешел в Малый Эрмитаж. К этому времени барон Корф уже полным ходом вел эвакуацию бумаг Государственного совета, а нижние чины гвардии под командой великого князя Михаила Павловича уже заложили все дверные проемы кирпичом, разрушив переходы, соединявшие Малый Эрмитаж с Зимним дворцом. Раскаленные стены Малого Эрмитажа без перерыва поливали ледяной водой из Невы. По свидетельству Барановича, Михаил Павлович покинул пожарище только в 11 часов утра.

Когда стало ясно, что пожар не остановить, «Его Величество по обозрению в Зимнем дворце пожара изволил приехать в Собственный дворец в санях с Государем Наследником 30 минут 2 часа пополудни». Следовательно, на пожаре царь пробыл четыре с половиной часа. К этому времени «пожаром в Зимнем дворце истреблены все залы и комнаты среднего и верхнего этажей, а также в некоторых местах и в нижнем, в том числе Большая и Малая церкви, из коих церковная утварь и ризничие были спасены до начала в оных пожара».

Утром детям императора сказали: «Сгорел весь дворец. В обеденное время мы поехали туда и увидели, что огонь вырывается вдоль крыши, как раз над комнатами Папа. Окна лопнули, и посреди пламени виден был темный силуэт статуи Мама, единственной вещи, которую не смогли спасти, так как она придерживалась железной скобой, замурованной в стене».

Когда Папа в театре узнал о пожаре, он сначала подумал, что горит на нашей половине, — он всегда был против елок. Когда же он увидел размер пожара, то сейчас же понял опасность. Со своим никогда не изменявшим ему присутствием духа он вызвал Преображенский полк, казармы которого расположены ближе всех к Зимнему дворцу, чтобы они помогли дворцовым служащим спасти картины из галерей. Великому князю Михаилу Павловичу он отдал распоряжение следить за Эрмитажем, и, чтобы уберечь последний, в несколько часов была сооружена стена, единственное, что можно было сделать, чтобы спасти сокровища, так как нельзя было и думать о том, чтобы выносить их.

Мы опять оказались сбитыми в тесную кучу в любимом гнезде нашего детства Аничковом дворце. Это был счастливейший период моей юности. Мы жили, как в русской поговорке: в тесноте, да не в обиде. Теснота делала совместную жизнь более интимной, чем в Зимнем дворце, где квартиры были разделены громадными коридорами. Там невозможно было между двумя уроками быстро пожелать друг другу доброго утра: следующий преподаватель уже ждал с уроком. И так было во всем»²²¹.

В субботу 18 декабря Николай I трижды выезжал на пожар. Первый раз рано утром (7 ч 30 мин.) «выезд имел один в санях к Зимнему дворцу для обозрения в оном пожара и потом прибыл обратно в Собственный дворец»²²². Вторично на пожар император выехал с наследником-цесаревичем (11.40) и вернулся «в Собственный дворец 55 мин 1 часа пополудни». В этот день царь также принимал обычные доклады «силовиков» (военный министр Чернышев, генерал-адъютант Бенкендорф, военный генерал-губернатор граф Эссен и комендант Мартынов). В третий раз — вечером (21.30–22.05) «Его Величество выезд имел один в санях к Зимнему дворцу для обозрения не погасшего в оном пожара».

В воскресенье 19 декабря с 9 утра император принимал обычные доклады и рапорты (Чернышева и Голицына). После церковной службы Николай Павлович продолжил работу, приняв доклады Бенкендорфа, Волконского, генерал-адъютанта князя Меншикова, графа Толя и Клейнмихеля. Затем последовали «приватная аудиенция голландского посланника», «приватная отпускная аудиенция французского посла» и многочисленные представления. В этот день царь только один раз съездил на пожарище (14.15–15.25): «Его Величество выезд имел один в санях к Зимнему дворцу, где изволил смотреть снаружи обгоревшие в оном залы и ком-

²²¹ Сон юности.

²²² РГИА. Ф. 516. Он. 1 (120/2322). Д. 138. Журнал камер-фурьерский. Декабрь 1837 г. Л. 19.

наты»²²³. Отметим, что граф К. Ф. Толь и П. А. Клейнмихель представили императору доклад о предварительных «итогах» пожара Зимнего дворца.

Распорядок этого дня, с небольшими изменениями, стал типичным для последующих рабочих дней Николая I. Император в Аничковом дворце с утра принимал доклады и рапорты. Перед обедом он посещал пожарище. В камер-фурьерском журнале это фиксировалось устойчивыми фразами: «25 минут 2 часа Его Величество выезд имел один в санях к Зимнему дворцу для обозрения снаружи его обгоревших в оном комнат и потом прибыл обратно в Собственный дворец 15 минут 4 часа» (20 декабря, понедельник); «15 минут 2 часа Его Величество с великим князем Михаилом Павловичем выезд имел в санях к Зимнему дворцу для обозрения снаружи обгоревших в оном Комнат, потом прибыл обратно в Собственный дворец один 15 мин. 4 часа» (21 декабря, вторник); «25 минут 2 часу Его Величество с великим князем Михаилом Павловичем выезд имел в санях к Зимнему дворцу для обозрения снаружи сгоревших в оном комнат, обратно 30 мин. 4 часа» (22 декабря, среда).

Н. Сверчков. Николай I в санях

Конечно, эти краткие записи оставили «за бортом» ту огромную организаторскую работу, которая начала разворачиваться вокруг Зимнего дворца уже с первых дней. Ежедневно приезжая на пожарище, император лично инспектировал (1,5–2 часа) ход работ, принимая «окончательные решения». Кроме этого, в Аничковом дворце он регулярно заслушивал доклады лиц, отвечавших за восстановление Зимнего дворца.

В последующие дни Николай I, совершая перед обедом традиционную 15-минутную «инспекторскую» прогулку в санях по Петербургу, обязательно проезжал мимо сгоревшего Зимнего дворца.

²²³ РГИА. Ф. 516. Он. 1 (120/2322). Д. 138. Журнал камер-фурьерский. Декабрь 1837 г. Л. 20.

Аничков дворец, который при Николае Павловиче называли «Собственным», временно стал главной резиденцией императора. Поэтому императорский двор, оправившись от потрясения, возобновил привычный круговорот светской жизни. Вечером 23 декабря Николай I посетил Михайловский театр, посмотрев французскую пьесу. Ранее, в 3 часа пополудни, протопресвитер Музовский освятил походную церковь, поставленную в зале Шепелевского дома. Тогда же состоялась панихида о погибших на пожаре.

Жизнь продолжалась, и церемонии, по традиции проводившиеся в Зимнем дворце, перенесли в чудом уцелевший Малый Эрмитаж. 23 декабря по Петербургу разослали «Повестку от Двора» следующего содержания: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: сего 25 числа в день праздника Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления России от нашествия неприятеля в 1812 г. съезжаться всем знатным обою пола особам... в Эрмитаж по утру в 11 часов для слушания божественной литургии и Благодарственного молебна... и собираться всем имеющим вход за Кавалергардов в Италианском зале, а генералам, штаб и обер-офицерам и прочим особам в комнатах под № 1 и 2 и в Рафаиловой зале. Камер-фурьер Гримм».

В сочельник 24 декабря в Аничковом дворце «приготовлены были в Большой столовой комнате убранные конфетами, золочеными орехами и яблоками елки, которые и поставлены были на 9 круглых столах, на коих так же находились и разные вещи». Как вспоминала фрейлина М. П. Фредерикс, эта елка была «грустная».

В рождественскую субботу 25 декабря Николай I, после утренних рапортов и докладов, отправился в Малый Эрмитаж на литургию. К торжеству император и члены его семьи переодевались «в боковых комнатах». В 11.15 царская семья вышла «в Италианский зал... проходили в Большой зал Шепелевского дома». В этот же день под пушечную пальбу открыли монументы князю Кутузову и Барклаюде-Толли у Казанского собора.

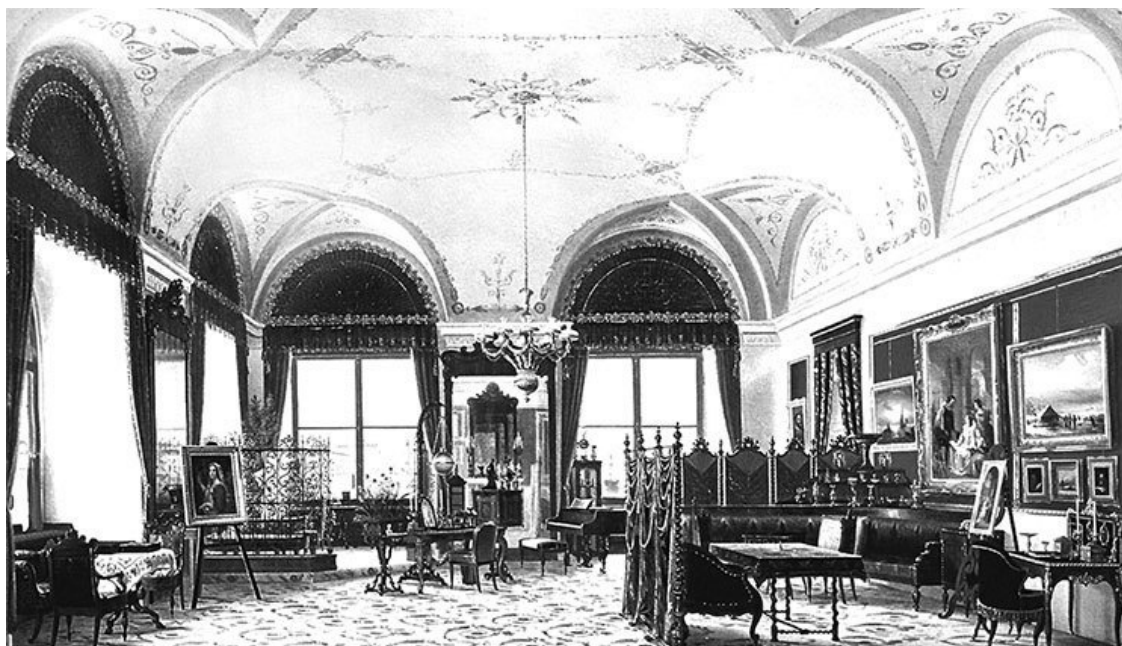
В начале января 1838 г. Николай I в письме к И. Ф. Паскевичу оценивал произошедшую трагедию следующим образом: «Надо благодарить Бога, что пожар случился не ночью и что, благодаря общему усердию гвардии, Эрмитаж мы отстояли и спасли почти все из горевшего дворца. Жаль старика, хорош был; но подобные потери можно исправить, и с помощью Божиею надеюсь к будущему году его возобновить не хуже прошедшего и надеюсь без больших издержек. Усердие общее и трогательное. Одно здешнее дворянство на другой же день хотело мне представить 13 миллионов, тоже купечество и даже бедные люди. Эти чувства для меня дороже Зимнего дворца, разумеется, однако, что я ничего не принял и не приму: у Русского Царя довольно и своего: но память этого подвига для меня новое драгоценное добро».

Когда Зимний дворец восстановили, на Пасху 1839 г. освятили Большой собор Зимнего дворца. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Я упустила упомянуть, что мы снова жили в Зимнем дворце. В Страстную субботу 1838 года (мемуаристка ошибается, Большой собор Зимнего дворца освятили 25 марта 1839 г., в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. – И. З.) там была освящена церковь. В день свадьбы Мэри мы провели в Зимнем дворце одну ночь и переехали туда окончательно в ноябре.

Помещения для нас, детей, были в нижнем этаже, под апартаментами Родителей. Из комнат, расположенных на юг, открывался чудесный вид на Неву, крепость и Биржу. Своды с колоннами помогали приспособить для жилья интерьер этих громадных комнат, и мы чувствовали себя очень уютно. Наши спальни были низкими, моя рабочая комната, с четырьмя окнами, очень большой и не слишком теплой; я предпочитала ей библиотеку, где стояли мои шкафы и мой рояль. Мой рабочий стол стоял между двумя колоннами, очень укромно и приятно. Для этого помещения я получила от Папа прекрасные картины, частью те, которые принадлежали еще Бабушке, частью же копии из Эрмитажа»²²⁴.

²²⁴ Сон юности.

Когда в 1841 г. супругой великого князя Александра Николаевича стала Мария Александровна, сопровождавшие ее лица с огромным интересом осматривали парадные залы и личные половины членов императорской семьи. О степени критичности этого взгляда дает представление фрагмент из воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны: «В один прекрасный день она пожелала видеть мои комнаты. Она критически осмотрела лестницу, множество балконов и дверей, которые все выходили в переднюю, и наконец сказала неожиданно: „Неужели у вас здесь нет ни одной комнаты, в которой нельзя было бы подслушивать?“».²²⁵

Р. Юшков. Рабочий кабинет великой княжны Ольги Николаевны

За достойное состояние императорских половин отвечали чины гофмаршальской части. Именно они принимали решения о необходимости косметических и капитальных ремонтов, своевременной замене мебели и т. п. Поскольку Зимний дворец был огромен и в нем жило несколько тысяч человек, эти хозяйственно-строительные работы велись постоянно. В качестве примера приведем переписку «О перемене полузанавесок у окон комнат Зимнего дворца», датированную осенью 1841 г.

В рапорте президента Гофинтендантской конторы обер-гофмейстера Ф. П. Опочинина²²⁶ на имя министра Двора П. М. Волконского, датированном 23 сентября 1841 г., отмечается, что «полузанавески разных цветов, полинявшие и имеющие пятна», поэтому чиновник рачительно предлагает перекрасить занавески «по роду первоначальных цветов». Вместе с тем Опочинин указывает, что «совершенно выгоревшие (занавески. – И. З.), с желтыми по низам от сырости пятнами, крайне неудобно, потому, что пятна желтые не примут краски», и предлагает «оставить до будущего года, исправив в них полинявшие полотнища по возможности теми полузанавесками, которые останутся от ремонта половин Их Высочеств Наследника Цесаревича и Великих Князей»²²⁷. В ответ П. М. Волконский предписал: «Находящиеся у окон в комна-

²²⁵ Сон юности.

²²⁶ Опочинин Федор Петрович (1779–1852) – действительный статский советник, обер-гофмейстер. С детства записан в лейб-гвардии Измайловский полк, поручик (1800 г.), адъютант вел. кн. Константина Павловича. Участник сражения при Аустерлице (1805 г.) и сражений 1807 г. С 1808 г. – полковник в отставке. Петербургский вице-губернатор (1810 г.). С 1826 г. на придворной службе, президент гоф-интендантской Конторы, член Госсовета, член Санкт-Петербургской театральной дирекции. Кавалер многих орденов, в том числе Св. Андрея Первозванного (1850 г.) и Св. Георгия IV ст.

²²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 145. О перемене полузанавесок у окон комнат Зимнего дворца. 1841. Л. 1.

тах Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств в Зимнем Дворце полузана-вески... заменить новыми, в других же комнатах Зимнего Дворца полинявшие полузанавески перебрать из старых или перекрасить их в зеленую краску»²²⁸. О предполагаемых расходах и объемах работ говорит то, что предполагалось декорировать 28 окон и одну дверь зеленой тафтой на 176 аршин.

Последние два месяца жизни (январь-февраль 1855 г.) Николая I в Зимнем дворце прошли в давным-давно устоявшемся ритме. В 8 час. 50 мин. император выходил из Салтыков-ского подъезда и гулял пешком по Дворцовой набережной на протяжении 30–40 мин. Затем начинался обычный рабочий день, когда Николай Павлович начинал принимать доклады своих министров.

Семья не всегда собиралась вместе на обед, например 3 января 1855 г. Николай I обедал с цесаревичем и цесаревной в «Белой комнате», при этом недомогавшая императрица Александра Федоровна «кушала в уборной комнате в постели», и вечером «Ея Величество ела у себя в Малиновой комнате»²²⁹.

Если все были здоровы, то вечером император и императрица не ужинали: «Вечернего стола Их Величества иметь не изволили, а кушали тартинки и морожено». Надо сказать, что мороженое, общее любимое лакомство, подавалось к столу каждый вечер.

Э. П. Гау. Император Николай I на смертном одре

²²⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 145. О перемене полузанавесок у окон комнат Зимнего дворца. 1841. Л. 2.

²²⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/382). Д. 1. Л. 2. Камер-фурьерский журнал. Январь 1855 г.

С середины января 1855 г. у императора начал развиваться грипп, но свой обычный рабочий график, несмотря на недомогание, он старался не нарушать. Однако болезнь давала себя знать, и 12 января он на прогулку не вышел. Обедал в это время Николай I один, в своем нижнем кабинете на первом этаже северо-западного ризалита, куда ему подавали суп с картофелем. 5 февраля император вновь «по нездоровью не прогуливался», но доклады принимал, придерживаясь порядка обычного рабочего дня. С 6 февраля 1855 г. началась официальная история болезни Николая Павловича. В этот день в камер-фурьерском журнале записали, что император не прогуливался и доклады не принимал «по несовершенному здоровью»²³⁰. 18 февраля император Николай Павлович скончался в нижнем кабинете Зимнего дворца.

²³⁰ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/382). Д. 2. Л. 8. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1855 г. Кончина в Бозе Почившего Государя Императора Николая Павловича.

Александр II и его семья

Александр II всю жизнь прожил в Зимнем дворце, куда его младенцем привезли из Москвы, где он родился 17 апреля 1818 г. Александр II стал вторым императором, для которого Зимний дворец был не только главной резиденцией, но и главным домом. Там он рос в окружении любящих родителей, сестер и братьев. Там он пережил первую юношескую влюбленность. Там сложилась его семья, родились его дети. В мае 1880 г. в Зимнем дворце умерла императрица Мария Александровна, а менее чем через год, 1 марта 1881 г., туда привезли умирать и Александра II.

Среди череды дней, проведенных в Зимнем дворце, случались дни, ставшие важной вехой в истории России. Так, 19 февраля 1861 г. в своем кабинете Александр II подписал судьбоносный для России Манифест об отмене крепостного права. Хотя ближайшее окружение прекрасно понимало все значение этого документа, должного изменить облик России, в самом Зимнем дворце этот день прошел как обычно. Баронесса М. П. Фредерикс вспоминала: «День 19 февраля прошел при Дворе совсем тихо, как будто ничего такого особого и важного не свершилось»²³¹.

С Зимним дворцом и прилегающими территориями связано несколько покушений на жизнь императора. Одним из таких дней стало 4 апреля 1866 г., когда выстрел Д. Каракозова положил начало времени политического терроризма в истории России. Сюжет самого покушения у ворот Летнего сада хорошо известен²³², поэтому мы остановимся только на том, что происходило в этот день в самом Зимнем дворце.

Апрель 1866 г. для Александра II начался как обычно. В пятницу 1 апреля он в 7 часов утра возвратился в Зимний дворец с охоты в Осиновой роще и в 11 часов начал принимать доклады. Для императора Александра II понедельник 4 апреля 1866 г. был обычным рабочим днем. Как следует из записи в камер-фурьерском журнале, утро царя началось прогулкой по Дворцовой набережной (с 8.40 до 9.00); с 10.00 он принимал доклады в своем рабочем кабинете. Затем, после завтрака (13.00–13.50), Александр II вновь погулял рядом с Зимним дворцом (13.50–14.10), от Салтыковского подъезда до Зимней канавки, далее по набережной Мойки до Певческого моста и через Дворцовую площадь к Салтыковскому подъезду. После часа работы состоялся «выезд для прогулки в Летний сад» (в 15.15). К приезду царя чины Дворцовой полиции, сформированной в декабре 1861 г., уже очистили Летний сад от посторонней публики. Снаружи, по периметру, сад охраняли жандармы и чины полиции.

О прогулках царя петербуржцы хорошо знали, и к моменту окончания прогулки любопытные всегда толпились у ворот Летнего сада, выходивших на набережную. В воспоминаниях князь В. П. Мещерский писал: «Стоять около коляски при выходе Государя дозволялось всякому: были тут обычный жандарм, обычный полицейский городской и обычный сторож сада. Все они, при приближении Государя становясь во фронт, *стояли к нему лицом и спиной* (курсив мой. – И. З.), увы, к той кучке, где был злоумышленник Каракозов»²³³. Когда Александр II сажился в коляску, Каракозов почти в упор выстрелил в императора, но промахнулся.

Покушение на царя описано в камер-фурьерском журнале следующим образом: «Его Величество, через несколько время по прогулки в саду возвращаясь в Средние ворота к Набережной реки Невы к Экипажу, одел поданную шинель, намереваясь вступить в коляску, как в ту минуту из окружавшей Экипаж толпы народа мгновенно отделился человек и направил

²³¹ ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Л. 32. Фредерикс М. П., баронесса. «Воспоминания старушки».

²³² См.: Девятое С. В., Жиляев В. И., Зимин И. В., Кайкова О. К. и др. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. М., 2006.

²³³ Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001. С. 230.

пистолет в Особу Его Величества, злодей уже спускал курок, но промысел Божий не дал исполниться гнусному предприятию, крестьянин Костромской губернии Осип Комиссаров (Комиссаров находился впереди толпы и заметил усиленное желание человека выбиться вперед, пропустил его вперед себя, но когда тот отдалился ближе к Государю и вынул пистолет, Комиссаров бросился к нему) в этот момент ударил в локоть злодея, выстрел раздался, и пуля пролетела над головою Государя Императора. Преступник был задержан»²³⁴.

Покушение Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. у Летнего сада в Петербурге

После неудачного выстрела Каракозов бросился бежать в сторону Прачечного моста, вдоль ограды Летнего сада, где его и задержала охрана. Унтер-офицер жандармского эскадрона Лукьян Слесарчук дал показания, что он заступил в наряд в 12 часов у Летнего сада и дважды обошел его. В 4 часа пополудни он стоял у ворот Летнего сада, держа в руках полость коляски, в которую должен был сесть царь. Стрелявшего он не видел, но после выстрела унтер сразу же бросил полость и «сейчас побежал за выстрелившим, а он, как только сделал выстрел, сейчас побежал через дорогу по Невке»²³⁵.

²³⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 136. Л. 12 // Камер-фурьерский журнал. Месяц апрель 1866 г.

²³⁵ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. М., 1928.

Второй участник задержания Каракозова – унтер-офицер команды дворцовых городских Степан Заболотин – рассказывал, что в момент выстрела он держал в руках шинель царя. После выстрела, раздавшегося «с левой стороны», он тоже бросился за террористом. Унтера схватили Каракозова, когда тот подбежал к Прачечному мосту. Охранники отобрали у Каракозова двустольный пистолет, один из его стволов оставался заряженным. Заболотин передал этот пистолет Александру II и «сказал, что еще заряжен был один ствол и не спущен курок»²³⁶.

Патриархальный непрофессионализм охраны очевиден. Чины охраны стояли спиной к публике, жандарм, как слуга, держал полость коляски, дворцовый городской – шинель императора. Эти профессиональные и психологические «проколы» нарождавшейся дворцовой спецслужбы показывали, какой путь им предстояло пройти в деле налаживания профессиональной охраны первых лиц государства.

С. 13.

²³⁶ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. М., 1928. С. 14.

Белый зал Зимнего дворца

Героем этого дня стал не только Александр II, но и крестьянин Костромской губернии Осип Иванович Комиссаров. С места покушения Александр II поехал в Казанский собор, где приложился к иконе Казанской Божией Матери, а затем вернулся в Зимний дворец (16.20). Вскоре там состоялся «выход» в Малую церковь (около 17.00), в котором приняли участие все Романовы, успевшие приехать во дворец «к слушанию благодарственного молебна с коленопреклонением». Вечером в Зимний дворец начал съезжаться весь столичный бомонд. В это время Александр II с женой и сыновьями вновь посетили Казанский собор (18.50–20.15).

Когда Осипа Комиссарова привезли в Зимний дворец из III Отделения (19.00), его приняла императрица Мария Александровна и сестра царя – великая княгиня Ольга Николаевна.

Императрица «ободрила Комиссарова, благодаря за спасение Царя, „за это наградит тебя Бог и Государь“». Можно себе представить, что пережил в этот день Комиссаров, оказавшийся после допроса в III Отделении в стенах императорской резиденции.

Наконец к собравшимся вышел император (20.20). Несколько минут в Белом зале Зимнего дворца гремело нескончаемое «ура». В камер-фурьерском журнале отмечено, что «Ея Величество необходимо принуждена была отойти и сесть». Затем в зал ввели Осипа Комиссарова. Александр II обнял и поцеловал своего спасителя и «потом в Общем собрании поздравил его дворянином». С этого момента крестьянин Осип Комиссаров превратился в дворянина Комиссарова-Костромского²³⁷.

²³⁷ 27-летний О. И. Комиссаров-Костромской, получив дворянство из рук царя, был определен в учебный эскадрон Павлоградского полка, где сдал экзамен на офицерский чин. На собранные по всей России деньги ему купили имение. В армии Комиссаров дослужился до чина штабс-ротмистра и вышел в отставку, уехав в свое имение, где благополучно спился и в 1892 г. повесился в приступе белой горячки. См.: *Персианов И. А.* «Спаситель» императора: О. И. Комиссаров-Костромской // Из глубины времен. 1997. Вып. 8. С. 83.

О. Комиссаров

Поскольку всю Дворцовую площадь заполнил народ, Александр II с Марией Александровной сочли своим долгом выехать в коляске на площадь. Народ встретил царя пением национального гимна.

Затем император отправился «в Институт Общества благородных девиц» и только после этого вернулся в Зимний дворец (21.40). Дело в том, что Александр II счел необходимым встретиться с юной смолянкой Е. М. Долгоруковой. Именно с ней он гулял в Летнем саду перед покушением. Очередной роман императора был в разгаре, и в июле 1866 г. Е. М. Долгорукова стала фавориткой императора.²³⁸ Любопытно, что все перипетии этого насыщенного дня не помешали царю совершить вечернюю прогулку близ дворца (23.10–23.40).

²³⁸ Сохранилось письмо Е. М. Долгоруковой: «В тот день я была в Летнем саду, император говорил со мной как обычно, спросил, когда я собираюсь навестить сестру в Смольном, и когда я сказала, что отправлюсь туда сегодня же вечером, что она

Пистолет, из которого Каракозов стрелял в Александра II, все последующие годы хранился в рабочем кабинете императора в Зимнем дворце. Один из германских корреспондентов, принятых Александром II в его рабочем кабинете, обратил внимание, что «под стеклянными колпаками, рядом с казачьими киверами покойных императора Николая I и цесаревича Николая Александровича» хранится «пистолет, оказавшийся тем самым, из которого Каракозов выстрелил в государя 4 апреля 1866 г. Пистолет был двуствольный, и один из стволов оставался заряженным»²³⁹.

На следующий день, 5 апреля 1866 г., когда в 9 часов утра Александр II вышел из Салтыковского подъезда на традиционную прогулку по Дворцовой площади, он был «перед подъездом встречен народом». В этот же день, уже в Большой церкви Зимнего дворца, состоялся молебен. Судя по тому, что в 12 часов император вышел «на балкон дворца и благодарил народ», петербуржцы собрались у дворца уже ранним утром.

Второй раз в Александра II стреляли уже на Дворцовой площади, 2 апреля 1879 г. Неудачные выстрелы в Александра II, произведенные здесь учителем А. К. Соловьевым, положили конец попыткам заколоть или застрелить царя. Теперь его будут пытаться только взрывать.

Вот одно из характерных мемуарных описаний этого покушения: «Утром, совершая свою ежедневную прогулку и входя в Миллионную улицу, Государь видит, как навстречу ему идет человек подозрительной наружности в чиновничьей фуражке и как в расстоянии нескольких шагов от него он преспокойно вынимает из-под пальто револьвер и стреляет в Государя. Государь делает движение направо, преступник стреляет вторично направо, Государь переходит на левую сторону, преступник стреляет в третий раз, и в третий раз Бог чудесным образом охраняет своего несчастного Помазанника, и только тогда полиция успевает схватить преступника»²⁴⁰.

В целом, мемуарист верно изложил произошедшее. Но есть некоторые детали, подробно описанные в рапорте штабс-капитана К. Коха шефу жандармов генерал-адъютанту А. Дрентельну. В этот день семь стражников, как обычно, заняли посты около Зимнего дворца и по углам Дворцовой площади. Конечно, семи телохранителей для столь протяженного ежедневного 20-минутного утреннего моциона царя было явно недостаточно, но в те патриархальные времена Александр II с крайним неудовольствием воспринимал уплотнявшееся кольцо своей личной охраны.

В начале десятого утра Александр II, как обычно, вышел на прогулку по Миллионной улице, Зимней канавке и Мойке, обошел вокруг здания Гвардейского штаба и повернул на Дворцовую площадь: «В то время как из-за угла будки здания Гвардейского штаба... показался государь император, к противоположному углу приблизился мерными шагами и направился навстречу государю неизвестный человек, на вид прилично одетый, с форменной фуражкой на голове. Приблизившись спокойно, с руками, опущенными в карманы, на расстоянии 15 шагов, он мгновенно, не сходя с панели, произвел по его величеству выстрел». Александр II с криком «ловите!» бросился бежать зигзагами, по направлению к Министерству иностранных дел. Капитан Карл Кох, следовавший за царем в некотором отдалении, кинулся с обнаженной шашкой к стрелявшему, но тот, прежде чем Кох догнал его и ударом шашки по голове свалил с ног, успел произвести еще три выстрела, но в царя так и не попал.

меня ждет, он заметил, что придет туда, только чтобы меня увидеть. Он сделал ко мне несколько шагов, дразня меня моим детским видом, что меня рассердило, я же считала себя взрослой. „До свидания, до вечера“, – сказал он мне и направился к решетчатым воротам, а я вышла через маленькую калитку возле канала... Несмотря на волнения и дела, которыми он был занят днем, он вскоре после меня приехал в институт. Эта встреча стала лучшим доказательством, что мы любим друг друга».

²³⁹ Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 438.

²⁴⁰ Князь Мещерский. Воспоминания. С. 422.

Покушение 2 апреля 1879 г. А. К. Соловьева на Александра II Всемирная иллюстрация

О последующих событиях во время допроса рассказал сам террорист. По показаниям Соловьева, события развивались следующим образом: «Я не прошел еще ворот штаба, как, увидя государя в близком от меня расстоянии, схватил револьвер, впрочем, хотел было отказаться от исполнения своего намерения в этот день, но государь заметил движение моей руки, я понял это и, выхватив револьвер, выстрелил в его величество, находясь от него в 5–6 шагах; потом, преследуя его, я выстрелил в государя все заряды, почти не целясь. Только когда сделал 4 выстрела, жандармский офицер подбежал и сбил ударом по голове с ног. Народ погнался за мной, и, когда меня задержали, я раскусил орех с ядом, который положил к себе в рот, идя навстречу государю».

Место покушения у Главного штаба Санкт-Петербургского Военного округа. Народ рассматривает следы пуль

К показаниям террориста необходимо сделать несколько уточнений. После того как капитан Кох ударом сабли свалил Соловьева, он кинулся к Александру II: «Я бросился к Государю со словами: „Не ранены ли, Ваше Величество?“ Государь изволил отвечать: „Нет, не ранен, смотри, чтобы не убежал преступник“». Соловьев, очнувшись, попытался сбежать, но его едва не растерзала собравшаяся толпа. Охране пришлось отбивать террориста у разъяренных людей. Кох писал в рапорте: «По задержании преступника, опасаясь, чтобы разъяренная сбежавшая публика не порвала бы его в клочья, я сдал его в секретное отделение».

С количеством выстрелов на Дворцовой площади тоже поначалу не было ясности. В мемуарах упоминается, что Соловьев успел расстрелять «все патроны» из своего многозарядного револьвера. Авторы пишут о пяти, четырех и трех выстрелах в царя. Карл Кох в своем рапорте, составленном непосредственно в день покушения, упоминает о четырех выстрелах²⁴¹. На судебном процессе по делу Соловьева этот нюанс уточнили. Всего выстрелов было пять. Четыре выстрела в Александра II и один неприцельный выстрел, во время бегства Соловьева. Последним выстрелом был ранен в щеку один из охранников капитана Коха – Франц Милошевич²⁴². При этом из четырех пуль, выпущенных в Александра II, одна пуля пробила полу шинели, а другая вскользь задела голенище сапога императора. Отметим, что террорист неплохо для дилетанта стрелял, поскольку дважды сумел зацепить бегущую цель, активно сбивавшую прицел «зигзагами».

Современников до глубины души поразили унижительные «зигзаги» русского императора на Дворцовой площади перед Зимним дворцом. По словам мемуариста, «глубокое смущение охватило русских людей. Первая мысль, которая у всех вырывалась наружу, была изумление,

²⁴¹ М. Палеолог также упоминал о четырех выстрелах. См.: *Палеолог М. Александр II и Екатерина Юрьевская*. Пг.; М., 1924. С. 75.

²⁴² РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2040. Л. 2. О доставлении в Придворный Конюшенный госпиталь Франца Милошевича с огнестрельною раной, нанесенною из револьвера злоумышленником, покушавшимся на царя. 1879.

как могла расставленная по всем направлениям полиция, явная и тайная, допустить, чтобы первый встречный мог идти навстречу Государя и почти в упор в него стрелять»²⁴³.

Особым документом, фиксирующим «внутреннюю историю» Зимнего дворца, являлись камер-фурьерские журналы, в них день за днем описывались все происходящие во дворце события. События понедельника²⁴⁴ 2 апреля 1879 г. около Зимнего дворца описаны следующим образом: «В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться и проходил по тротуару к зданию Штаба Санкт-Петербургского Военного округа, навстречу Его Величеству, с противоположной стороны здания, шел человек прилично одетый, в форменной гражданской с кокардою фуражке. Подойдя ближе к Государю Императору, человек этот (Соловьев) вынул из кармана пальто револьвер, выстрелил в Его Величество и вслед за этим сделал еще несколько выстрелов. Божие провидение сохранило Государя Императора. Злодей арестован. Его Величество возвратился 15 мин. 10 часа»²⁴⁵.

²⁴³ Князь Мещерский. Воспоминания. С. 423.

²⁴⁴ Напомним, что Д. Каракозов стрелял в императора тоже в понедельник, 4 апреля 1866 г.

²⁴⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г. Л. 65.

Александр II в 1870-х гг.

К 11 часам в Зимнем дворце «к Императорским Величествам имели приезд с поздравлением» ближайшие родственники. Все собравшиеся прошли в Малую церковь «к слушанию Божественной литургии и благодарственного с коленопреклонением молебна по случаю избавления Государя Императора от угрожавшей опасности». По окончании молебна Александр II вышел в Белый зал к собравшимся сановникам, где «Государь Император был встречен долго не смолкавшими громкими восторженными восклицаниями». Обращаясь к собравшимся, Александр II сказал: «Я глубоко тронут и сердечно благодарю за чувства преданности, оказанные вами. Сожалею только, что поводом к этому послужил столь грустный случай. Богу угодно было в третий раз избавить меня от верной смерти... продолжать служить России и видеть ее счастливой и развивающуюся мирно, как я того желал бы». Затем император вернулся на половину императрицы, и все Романовы прошли в библиотеку, где за четырьмя круглыми столами «имели фамильный фриштик».

К этому времени Дворцовая площадь «наполнилась народом, и около 2 часов Его Величество изволил выйти на балкон, выходящий на Разводную площадку, в пальто и каске. Народ приветствовал его шумными восторженными криками», пел «Боже царя храни», «Коль славен» и «Славься». Затем, в 2 часа, Александр II вновь в Белом зале принял депутацию дворянства Санкт-Петербургской губернии. После этого, в 14.40, император отправился в Казанский собор на поклонение местным иконам, возвратился в Зимний дворец в 15.15. К этому времени Петербург украсили флагами и иллюминацией. В театрах по требованию публики исполнялись гимны.

Этот тревожный день закончился в Зимнем дворце самым обычным образом, когда на половине императрицы Марии Александровны состоялось (в 0.30) «вечернее собрание», на котором присутствовали: фрейлина графиня Толстая, фрейлина Пиллар, княгиня Вяземская, министр Императорского двора граф Адлерберг, генерал-адъютант князь Суворов и генерал-адъютант граф Перовский.

4 апреля 1879 г. Александр II провел в Белом зале прием гласных Городской думы, к которым обратился со следующими словами: «Многие из вас домовладельцы. Нужно, чтобы домовладельцы смотрели за своими дворниками и жильцами. Вы должны помогать полиции и не держать подозрительных людей. Нельзя относиться к этому спустя рукава. Посмотрите, что у нас делается. Скоро честному человеку нельзя будет показаться на улице. Посмотрите, сколько убийств. Хорошо, меня Бог спас. Но бедного Мезенцева они отправили на тот свет. В Дрентельна тоже стреляли... искреннее „Ура“ было ответом депутатов»²⁴⁶.

Покушение Соловьева стало водоразделом, резко изменившим тактику террористов. Если накануне покушения Соловьева революционеры бурно дебатировали, чем убивать, каким оружием²⁴⁷, кому покушаться – поляку, еврею или русскому, то отныне для подготовки новых террористических актов становится характерна строгая конспирация, когда в «дело» посвящался минимальный круг участников.

После покушения на царя, как водится, начался период «оргвыводов». Полетели погоны у одних и начали делать карьеру другие. 4 апреля 1879 г., Карл Кох лично получил из рук Александра II Владимирский крест IV степени с бантом и медаль «За спасение погибавших»²⁴⁸. Церемония вручения награды прошла в Зимнем дворце. Карл Кох писал в рапорте: «...в 9 часов утра Государь Император, потребовав меня к себе в кабинет, изволил осчастливить меня

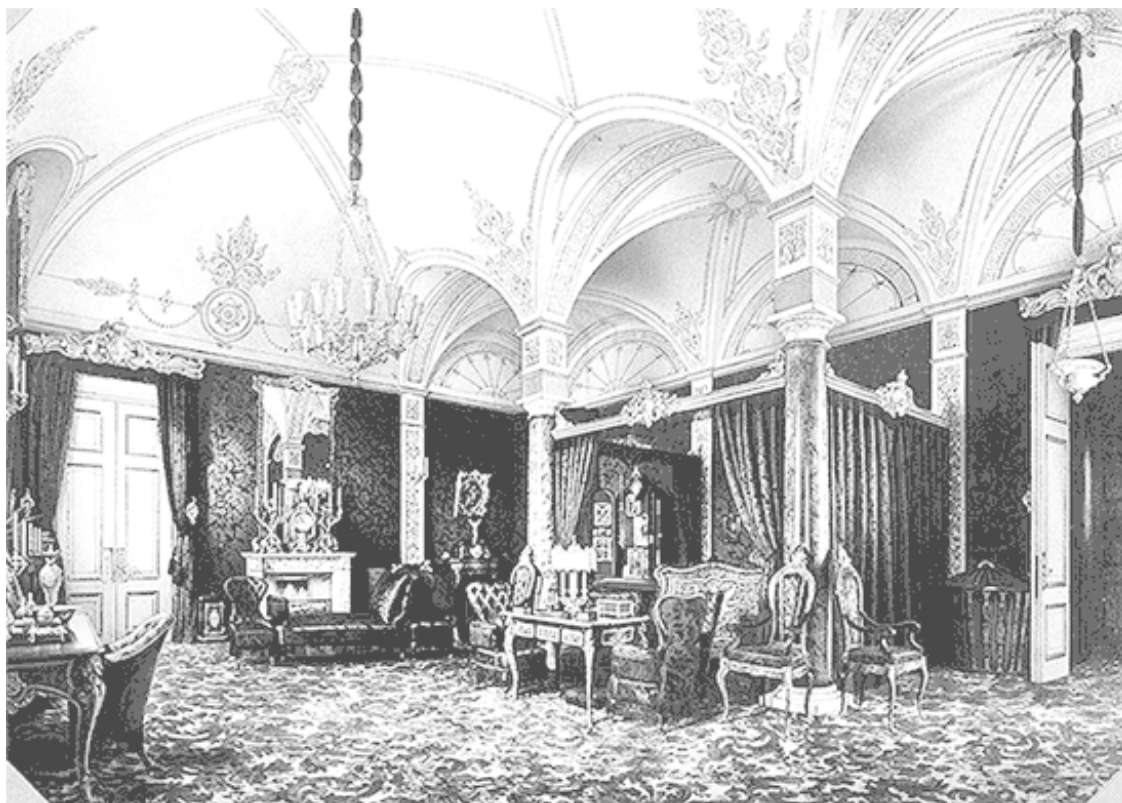
²⁴⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г. Л. 66.

²⁴⁷ Как это ни странно, решение о том, каким оружием совершать покушение, решался голосованием. Большинство отвергло кинжал и динамит, проголосовав за револьвер.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 42 (502/2739). Д. 73. Л. 11 об. // О назначении единовременного пособия из Кабинета Его Императорского величества вдове отставного генерал-майора Кох. 1909–1916 гг.

следующими милостивыми словами, которых я никогда не забуду: „Вот тебе Владимирский крест, который ты можешь носить с бантом, так как подвергался одинаковой со мной опасности. А вот тебе золотая медаль за спасение погибавших. Спасибо тебе“».

В этот же день в Большом соборе Зимнего дворца состоялся молебен по случаю дня «избавления Государя Императора от угрожавшей опасности в 1866 г.». 12 апреля 1879 г. Александр II и императрица Мария Александровна покинули Зимний дворец, отбыв на отдых в тихую Ливадию²⁴⁹.

Л. Премацци. Спальня императрицы Марии Александровны. 1859 г.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г.

Императрица Мария Александровна на смертном одре. С оригинала И. Крамского. 1880 г.

На следующий год в Синеи спальне Зимнего дворца 22 мая 1880 г. закончился земной путь императрицы Марии Александровны. Гессенская принцесса, ставшая императрицей Марией Александровной, приехав в Россию летом 1840 г. и выйдя замуж за наследника престола, великого князя Александра Николаевича в апреле 1841 г., прожила в Зимнем дворце всю свою супружескую жизнь.

Долгие годы супругов связывали самые теплые отношения, свидетельством чему были восемь детей (6 сыновей и 2 дочери), рожденных в разные годы Марией Александровной. Столь частые роды не прошли для молодой женщины даром. Хрупкое, астеническое телосложение, частые роды, склонность императрицы к простудам сделали свое дело. Видимо, уже в середине 1850-х гг. у нее возникли проблемы с легкими. В 1855 г. в столовую императрицы в Зимнем дворце проложили специальную трубу для охлаждения воздуха²⁵⁰.

²⁵⁰ РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 9.

Александр II с детьми: Мария, Сергей, Владимир, Александр, Алексей, Николай. 1860 г.

На развившееся легочное заболевание наложилось охлаждение мужа и трагическая смерть старшего сына Николая. Кроме этого, в 1860 г., после рождения последнего ребенка – Павла Александровича, врачи заявили, что следующая беременность убьет императрицу, и супружеские отношения между Александром II и Марией Александровной полностью прекратились²⁵¹.

После смерти любимого Никсы²⁵² в апреле 1865 г. – это уже совершенно больная, погруженная в себя, покинутая мужем женщина. Императрицу так потрясла смерть старшего сына, что она оказалась не в состоянии присутствовать на его похоронах в Петропавловском соборе²⁵³. Во время церемонии присяги нового цесаревича в Георгиевском зале Зимнего дворца «Императрица стояла на возвышении перед тронem и почти шаталась от слабости и горя»²⁵⁴.

²⁵¹ Молин Ю. А. Романовы... Забвение отменяется! Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2005. С. 207.

²⁵² Никса – великий князь Николай Александрович, старший сын Александра II, умерший в апреле 1865 г. в Ницце.

²⁵³ ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Фредерикс М. П., баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 92.

²⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Фредерикс М. П., баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 92 об.

Ф. С. Журавлев. Портрет императрицы Марии Александровны. 1870-е гг.

Г. Виллевалде. Присяга цесаревича Александра Александровича в Георгиевском зале Зимнего дворца 20 июля 1866 г. 1867 г.

В эти годы половина Марии Александровны в Зимнем дворце включала в себя: Уборную, Ванную, Опочивальную комнату, Будуар, Кабинет, Золотую Гостиную, Столовую, Буфет, Камер-юнгферскую и Ванную комнату на антресолях²⁵⁵.

Начиная с 1870 г. частыми посетителями половины Марии Александровны в Зимнем дворце становятся врачи, и прежде всего терапевт С. П. Боткин. 22 ноября 1870 г. С. П. Боткин

²⁵⁵ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 743. Опись вещам, находящимся на половине покойной Императрицы Марии Александровны. 1894 г.

назначается почетным лейб-медиком²⁵⁶, и главным объектом его забот становится императрица Мария Александровна. С середины 1870-х гг. Мария Александровна по рекомендации СП. Боткина осень и зиму проводила в Италии. Знаменитый врач сопровождал императрицу в ее поездках по итальянским климатическим курортам. В результате 10 мая 1875 г. СП. Боткин был «пожалован в лейб-медики Двора Его Императорского Величества с назначением состоять при Ее Императорском Величестве Государыне Императрице с оставлением при занимаемых им ныне должностях»²⁵⁷.

Болезнь императрицы профессор диагностировал как хронический плеврит. Примечательно, что именно СП. Боткин первый начал осматривать императрицу, как обычную пациентку, выслушивая хрипы в легких своим стетоскопом. В мае 1878 г. в состоянии императрицы наступило новое ухудшение, и, естественно, видные сановники немедленно зафиксировали это событие в дневниках. Так, Д. А. Милютин записал: «Болезнь императрицы со вчерашнего дня возбуждает тревожные опасения. Плеврит усилился и превратился в сильное воспаление легких. Доктор Боткин не ручается за исход этой болезни, особенно ввиду непомерной слабости больной»²⁵⁸. Тогда же для Марии Александровны у мебельного фабриканта Мельцера приобрели специальное «механическое кресло», в котором ее возили по комнатам в Зимнем дворце.

²⁵⁶ РГИА. Ф. 479. Оп. 1 (375/1694). Д. 383. Л. 50.

²⁵⁷ РГИА. Ф. 479. Оп. 1 (375/1694). Д. 383. Л. 50.

²⁵⁸ Милютин Д. А. Дневник. 1878–1880 гг. Т. III. М., 1950. С. 65.

Э. П. Гау. Будуар императрицы Марии Александровны. 1861 г.

По воспоминаниям камер-юнгферы А. И. Яковлевой, осенью 1879 г. императрицу «одевали и усаживали в кресло, на котором катили в другую комнату... Несколько раз в день она вдыхала кислород посредством воздушных подушек, и каждый вечер втирали ей мазь, для облегчения дыхания»²⁵⁹. Синяя спальня императрицы, тремя окнами выходящая во внутренний дворик юго-западного ризалита, фактически превратилась в госпитальную палату.

²⁵⁹ Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы Императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. 1888. № 3. С. 604.

Л. Премацци. Гардеробная императрицы Марии Александровны. 1857 г.

Последний раз из-за границы Марию Александровну привезли в Зимний дворец 23 января 1880 г. Александр II встречал императрицу с сыновьями в Гатчине. На вокзале строго запрещалось находиться кому бы то ни было, чтобы не беспокоить больную. Тем не менее те, кто там присутствовал, рассказывали Милютину, что все «поражены ее худобою и истощенным видом»²⁶⁰.

Тема умирающей императрицы стала главной новостью светского общества. Милютин писал, что она не выходит из своей комнаты, ее никто не видит. В газетах начали появляться бюллетени, носившие успокоительный характер. 26 января 1880 г. он записал рассказ баронессы Н. К. Пиллар фон Пильхау: «Императрица обратилась в скелет; не имеет сил даже двигать пальцами; ничем не может заниматься» – и добавил, что «первая встреча с нею должна была произвести тяжелое впечатление на государя, который с того дня так же чувствует себя нехорошо, жалуется на лихорадочное состояние и слабость. Сегодня я нашел его заметно изменившимся (он бледен, опустился и слаб)²⁶¹, лицо бледное, впалое, глаза поблекшие»²⁶².

²⁶⁰ Милютин Д. А. Дневник. Т. III. С. 205.

²⁶¹ На французском языке.

²⁶² Милютин Д. А. Дневник. Т. III. С. 207.

С. П. Боткин

Стетоскоп, молоточек перкуссионный. Кон. XIX – нач. XX вв.

5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце взорвалась бомба Степана Халтурина. Взрыв был так силен, что его слышали не только в окрестных зданиях, но и живущие на Мойке. Императрица же, постоянно находившаяся в полузабытьи, даже не услышала взрыва, а суету во дворце ей объяснили случайным взрывом газа. С. П. Боткин не отходил от умирающей императрицы. Учитывая недоброжелательное на тот момент общественное мнение по отношению к медику, Александр II, для того чтобы продемонстрировать ему свое монаршее благоволение, 20 апреля 1880 г. пожаловал Боткина табакеркой, украшенной бриллиантами с вензелем императора²⁶³.

Незадолго до смерти императрицы ее видел великий князь Константин Константинович, который 15 апреля записал в дневнике: «Она сидела на постели в спальне и поразила меня страшной худобой, поседевшими волосами и постаревшим измученным лицом... Больно слышать, как она тяжело дышит и стонет»²⁶⁴.

В мае, по причине постоянно ухудшающегося самочувствия императрицы, Александр II отложил традиционный переезд из Зимнего дворца в Царское Село. Но колебания продолжались не особенно долго, и 11 мая 1880 г. Александр II вместе с Е. М. Долгоруковой, которая уже несколько лет жила с детьми в резиденции над покоями умиравшей императрицы, уехал из Зимнего дворца. Это вызвало новую волну осуждения стареющего императора. Великий

²⁶³ РГИА. Ф. 479. Он. 1 (375/1694). Д. 383. Л. 52.

²⁶⁴ Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. М., 1998. С. 82.

князь Константин Константинович записал в тот день в дневнике: «Императрица лежит здесь, нет и речи о ее недуге. Находят неудобным, что, когда ей немного остается жить, Царь переезжает»²⁶⁵. Императрица в том же безнадежном состоянии осталась в Зимнем дворце вместе с младшими сыновьями Сергеем и Павлом. Для того чтобы соблюсти приличия, Александр II приезжал время от времени в город на несколько часов, чтобы навестить умирающую супругу.

22 мая 1880 г. императрица Мария Александровна скончалась в Сине́й спальне Зимнего дворца. В этот же день великий князь Константин Константинович подробно записал обстоятельства ее смерти: «Вчера вечером еще Императрица нисколько не было хуже. В три часа утра она еще звала Макушину и кашляла. Затем Макушина, долго не слыша обычного звонка, вошла в спальню. Императрица спала спокойно, положив руки под голову. Макушина пощупала пульс, он не бился, руки похолодели, а тело теплое. Она послала за доктором Алышевским. Он решил, что все кончено. От всех скрывали смерть, дали знать царю в Царское Село»²⁶⁶.

22 мая 1880 г. в 10 часов утра лейб-медик С. П. Боткин и почетный лейб-медик В. Я. Алышевский направили министру Императорского двора А. В. Адлербергу донесение о смерти императрицы Марии Александровны. Документ написан рукой доктора Алышевского: «Ее императорское Величество Государыня Императрица в течение вчерашнего дня была слаба и сонлива. Отхаркивание, в последнее время постепенно уменьшавшееся, почти совершенно прекратилось. Спокойно уснув в обычный час вчера вечером, Ее Величество больше не проснулась. В три часа ночи немного кашляла, а в седьмом часу утра прекратилось дыхание, и Ее Величество в Бозе опочила без агонии. Почетный лейб-медик Алышевский. Лейб-медик Боткин. 22 мая 10 часов утра»²⁶⁷.

²⁶⁵ Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. М., 1998. С. 85.

²⁶⁶ Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. С. 86.

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1614. Он. 1. Д. 97. Л. 2.

В. Я. Альшевский

Ее Императорское Величество
Государыня Императрица въ
теченіи вчерашняго дня была
слаба и сонлива. Отдыхавшая
въ послѣднее время постепенно
уменьшавшіеся почти совершенно
прекратились. Спокойно улежавъ
въ обычномъ часѣ вчера вечеромъ,
Ее Величество больше не проснулась.
Въ ту ночь мортиса нечаянно
замыкала, а въ субботу часу
утра прекратилось дыханіе и
Ее Величество въ ту ночь отошла безъ
агоніи.
22^е мая 1880 года. Покойный лейб-медик Александръ
Боткинъ.

Свидетельство о смерти императрицы Марии Александровны

После смерти императрицы остались разрозненные наброски завещания, и в одном из них зафиксировано ее желание, «если это возможно, не производить вскрытия»²⁶⁸. Тем не менее вскрытие тела императрицы состоялось во втором часу утра 23 мая 1880 г.²⁶⁹ При вскрытии отмечено, что подкожный жировой слой почти совершенно исчез. В «Заключении» констатировалось: «У Ее императорского Величества было хроническое воспаление обоих легких и по преимуществу правого. Воспаление это имело характер интерстициального воспаления, сопровождавшегося расширением бронхов в нижних долях и язвенном разрушении легочной

²⁶⁸ Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при Дворе. Записки фрейлины // Октябрь. 1993. № 5. С. 107.

²⁶⁹ На вскрытии присутствовали министр Императорского двора А. В. Адлерберг, лейб-медик С. П. Боткин, почетный лейб-медик Г. А. Головин, почетный лейб-медик В. Алышевский, проф. В. Л. Грубер, прозекторы Н. П. Ивановский, П. Ф. Лесгафт и А. И. Тарнецкий.

ткани по преимуществу в верхних долях и особенно правого легкого. Поражение легочной ткани осложнено последствиями бывшего воспаления легочной плевы, выразившееся сращениями правого легкого с грудною стенкою, особенно заднею частью нижней доли. Небольшие сращения были и на левой стороне. Замеченный отек легочной ткани появился в последние часы жизни и вместе со слабостью сердечной силы был ближайшею причиною смерти. Изменения в других органах представляют отчасти последствия грудной болезни, отчасти они составляют остатки других побочных заболеваний, появлявшихся в течение жизни Ее Величества. Изменения, найденные в сердце, указывают на упадок питания и деятельности его. Изменения в стенках зависят от бывших малярийных лихорадок. Изменения в кишках и желудке от бывшего тифозного процесса. Наконец, изменения в почках составляют результат ненормальной подвижности их и отчасти следствие всех упомянутых инфекционных болезней. Осложнения легочной болезни, изменения в различных других органах, как сердце, почках, селезенке, были очевидною причиною и тех особенностей, которые наблюдались при жизни в течение этого легочно-чахоточного процесса»²⁷⁰.

²⁷⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 91. Л. 4–5.

Доменикино (Цампъери Доменико). Евангелист Иоанн. Италия. Между 1601–1641 гг.

Рафаэль Санти. Мадонна с Младенцем (Мадонна Конестабиле). Италия. Ок. 1504 г.

Уходя, Мария Александровна распорядилась судьбой принадлежавших ей шедевров живописи. Так, Императорскому Эрмитажу «немедля после кончины Ея Величества» передали картину «кисти Доменикино „Св. Иоанн“»²⁷¹.

Знаменитую картину Рафаэля, приобретенную в 1870 г. у графа Конестабиле во Флоренции, Мария Александровна завещала оставить «в Малом Красном кабинете Собственной Ея Величества половины до тех пор, пока Государь Император Александр II занимал смежные с половиной Государыни покои свои в Зимнем дворце»²⁷². После смерти Марии Алексан-

²⁷¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 54. Л. 1. О передаче в Императорский Эрмитаж завещанною оному в Бозе почившему Императрицею Мариею Александровною картину, изображающую Св. Иоанна. Современное именование картины на сайте Государственного Эрмитажа – «Иоанн Богослов».

²⁷² РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 54. Л. 1. О передаче в Императорский Эрмитаж завещанною оному в Бозе почившему Импе-

дровны (22 мая 1880 г.) и Александра II (1 марта 1881 г.) в сентябре 1881 г. по рапорту директора Императорского Эрмитажа А. А. Васильчикова в музей передали и «„Мадонну“ Рафаэля, известную под названием мадонны Конестабиле», поскольку «Половина Его Величества ныне заперта, стены завешаны и все украшавшие покои предметы вынесены».

Мария Александровна стала третьей императрицей, умершей в Зимнем дворце. Александр II станет вторым императором, умершим в главной имперской резиденции. Особый трагизм этой смерти придаст то, что Александр II погибнет 1 марта 1881 г. в результате террористического акта, организованного членами революционной организации «Народная воля».

К февралю 1881 г. над императором Александром II уже витала тень обреченности. Да он и сам был уверен, что рано или поздно его убьют. К этому времени император составил завещание и все материальные дела, связанные с обеспечением своей жены княгини Е. М. Юрьевской, были улажены²⁷³. Имелись и устные распоряжения императора на случай его смерти. Он пожелал быть похороненным в мундире Преображенского полка без орденов и траурной короны. Но внешне в Зимнем дворце все шло по устоявшимся стандартам.

Февраль 1881 г. стал последним месяцем, прожитым Александром II в стенах Зимнего дворца. Как и для его отца, императора Николая Павловича, Зимний дворец был для Александра II домом, в котором прошла вся его жизнь.

Если по камер-фурьерскому журналу проследить события февраля 1881 г., то мы увидим картину внешне тихой семейной жизни. Хотя эта жизнь шла на фоне охоты полиции за террористами и террористов «Народной воли» за Александром II. Не стоит сбрасывать со счетов и весьма напряженные отношения с «молодым двором» наследника-цесаревича. Отношения эти в немалой степени «разогревались» именно женской половиной – княгиней Е. М. Юрьевской и цесаревной Марией Федоровной. Итак, февраль 1881 г...

3 февраля Александр II счел необходимым посетить фрейлину Анну Карловну Пиллар²⁷⁴ «по случаю дня ее Ангела». 7 февраля в Зимнем дворце во время вечернего собрания в Белом зале развлекались: клоун из цирка «Айкс» показывал дрессированных собак, а «г. Мальваль и г-жею Жазон были исполнены комические картины с пением».²⁷⁵ 10 февраля «за обеденным столом» присутствовал генерал-адъютант П. А. Черевин, тогда он играл одну из ключевых ролей в Министерстве внутренних дел. Весь месяц царь работал по стандартной схеме, начиная принимать доклады в первом часу дня. 11 февраля Александр II «за обеденным столом... кушал без гостей».

12 февраля он посетил Аничков дворец и провел время в семье наследника, великого князя Александра Александровича, с 22 час. вечера до 00 час. 40 мин. ночи. Видимо, «в обмен» на отцовский визит на следующий день, 13 февраля, наследник приехал в Зимний дворец, где на большом обеде с массой приглашенных гостей блистала княгиня Е. М. Юрьевская. 14 февраля Александр II, продолжая скреплять «расползавшуюся» семью, устроил семейный обед, на котором присутствовали не только наследник Александр Александрович с женой, но и их старшие сыновья – будущий царь Николай II и его младший брат Георгий Александрович. За столом также сидели великий князь Владимир Александрович с женой Марией Павловной. Но подлинным украшением обеда опять стала княгиня Е. М. Юрьевская со всеми тремя детьми. Всего на семейном обеде присутствовало 11 человек.

Княгиня Е. М. Юрьевская так и продолжала жить на третьем этаже Зимнего дворца, в скромных комнатках вдоль Камер-юнгферского коридора. У нее хватило ума и такта не пере-

ратрицею Мариею Александровною картину, изображающую Св. Иоанна. Современное именование картины на сайте Государственного Эрмитажа – «Иоанн Богослов».

²⁷³ См. подробнее: Зимин И. В. Царские деньги. М.: СПб., 2011.

²⁷⁴ Пиллар-фон-Пильхау Анна Карловна (1832–1885) – баронесса, фрейлина императрицы Марии Александровны.

²⁷⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 2. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1881 г.

езжать немедленно на второй, императорский этаж Зимнего дворца. Впрочем, переселение она, видимо, откладывала до своей коронации, намеченной на осень 1881 г.

19 февраля 1881 г., поскольку этот день считался днем восшествия Александра II на престол, вечером в Белой зале Зимнего дворца царственная чета развлекалась с гостями. Некий Эрнст Шульц показывал «мимико-физиогномическое представление». В программе значились «Этюды и характерные головы Общественной жизни: меланхолик, сангвиник, флегматик, холерический темперамент, пиит, сатирик, ученый, глупец, мизантроп»²⁷⁶.

В субботу последнего дня февраля 1881 г., в 9 часов утра, император с семьей²⁷⁷ слушал литургию в Малой церкви Зимнего дворца. Затем он приобщился св. Христовых Таин. На этой литургии последний раз вместе стояли Александр II, его старший сын, будущий Александр III и внук императора, будущий Николай II. После литургии вся семья «кушала чай» в Желтой комнате Третьей запасной половины за двумя столами. В обед «Его Величество изволил кушать без гостей... Вечернего собрания не было»²⁷⁸.

Сам Александр II зафиксировал в записной книжке свой последний день «обычной жизни» в Зимнем дворце следующим образом: «28 февраля / 12 суббота – встал в 8. В 9 (преод.) к обед. приобщ. с К 3 дет.²⁷⁹ Саша²⁸⁰ и ²⁸¹Влад²⁸² до ¹/₂ кофе в запасн. Работал один. Прощался с Вердером²⁸³ и Дондуковым²⁸⁴ в 11 доклад Милютин²⁸⁵, Гирса²⁸⁶ и Лориса²⁸⁷. 3 важных ареста, в том числе Желябов²⁸⁸. В 1 завтрак у К. с детьми. Работал в ¹/₄ 3 кофе. В летн. пешком приятно в санях у Сани и Миши. В 4 дома у К. до ¹/₂ 5 отдыхал. В 7 обед у К. с К. и Vava до ¹/₂ 12. лег в 1»²⁸⁹.

²⁷⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 2. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1881 г.

²⁷⁷ На службе присутствовали среди прочих – наследник великий князь Александр Александрович, цесаревна Мария Федоровна и их старшие сыновья, Николай и Георгий.

²⁷⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 2. Л. 37 об. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1881 г.

²⁷⁹ «К» – это Катя, т. е. Е. М. Юрьевская, которая была на службе с тремя детьми.

²⁸⁰ Наследник, великий князь Александр Александрович.

²⁸¹ «2» – видимо, с двумя сыновьями – Николаем и Георгием.

²⁸² Второй сын Александра II – великий князь Владимир Александрович.

²⁸³ Бернгард Франц Вильгельм фон Вердер (1823–1907) – прусский генерал. Военный атташе в Петербурге с 1869 по 1886 г.

²⁸⁴ Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820–1893) – князь, русский генерал и государственный деятель, участник Кавказских походов и Крымской войны. В 1880 г. командовал войсками Харьковского военного округа и был временным харьковским генерал-губернатором, в 1881 г. занимал такой же пост в Одессе.

²⁸⁵ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – граф, генерал-фельдмаршал, почетный член Академии наук, военный министр (1861–1881 гг.), член Государственного совета.

²⁸⁶ Гирс Николай Карлович (1820–1895) – дипломат, министр иностранных дел России в 1882–1895 гг., статс-секретарь (1879 г.).

²⁸⁷ Михаил Тариэлович Лорис-Меликов (1825–1888) – российский военачальник и государственный деятель; генерал от кавалерии (17 апреля 1875 г.), генерал-адъютант, граф (16 апреля 1878 г.). Член Государственного совета (11 февраля 1880 г.).

²⁸⁸ Андрей Иванович Желябов (1851–1881) – революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», один из организаторов убийства императора Александра II.

²⁸⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 58. Л. 38. О светлейшей княгини Юрьевской и ее дочери княгине Барятинской. 1904–1910 гг.

П. И. Антонов. Последний прижизненный портрет Александра II

Воскресное утро 1 марта 1881 г. для Александра II началось как обычно. В 9 часов утра он принял петербургского градоначальника А. А. Федорова. Распорядился от имени «Его Величества поздравить с днем ангела Камер-фрейлину Графиню Блудову». Затем (в 11 ч. утра) состоялся выход в Малую церковь к слушанию Божественной литургии. После этого Александру II представились 4 человека. В 13 часов состоялся «фриштик на 3 запасной половине за 3 круглыми столами», после которого император принял министра Императорского двора графа А. В. Адлерберга. Затем вновь представления (7 чел.). Наконец в 12 ч. 50 мин. Александр II в мундире лейб-гвардии Саперного батальона²⁹⁰ выехал на развод караула в Михайловский манеж.

Когда в Михайловском манеже закончился развод караулов, Александр II отправился в карете домой в Зимний дворец. На маршруте его уже ожидали четыре бомбиста, которыми руководила Софья Перовская.

Две бомбы, брошенные Рысаковым и Гриневицким, смертельно ранили императора. В камер-фурьерском журнале все, что происходило после взрыва второй бомбы, описано следующим образом: «... через несколько секунд Государь тихо, но ясно сказал: „Жив ли Наслед-

²⁹⁰ Разодранный взрывом мундир Александра II с пятнами крови до 1917 г. хранился в Малой церкви Зимнего дворца. В настоящее время – в Государственном Эрмитаже.

ник?“... „Холодно, холодно...“. На вопрос «Как чувствует себя Его Величество», последовал еле слышный ответ: – «Скорее домой... скорее домой», а затем, как бы отвечая на услышанное им предложение штабс-капитана Новикова внести Его в ближайший дом для подания первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнес: «Несите меня во дворец... там умереть...»²⁹¹.

И. И. Гриневицкий

²⁹¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 3. Камер-фурьерский журнал. Кончина императора Александра II. Март 1881 г.

С. Л. Перовская

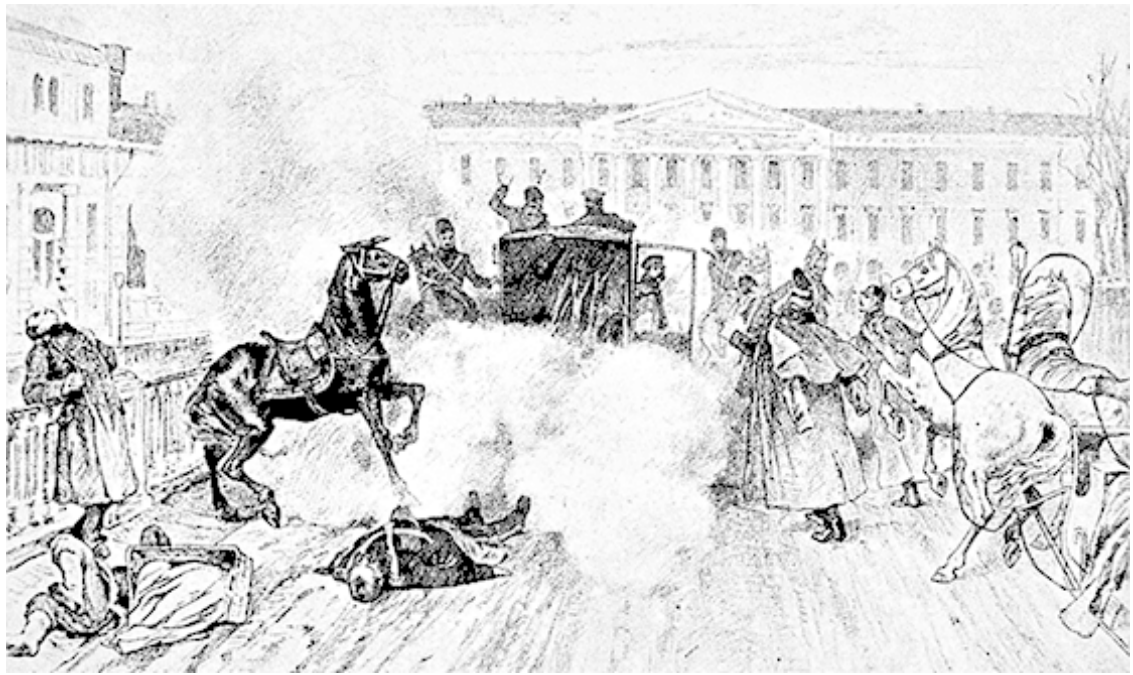

Н. И. Рысаков

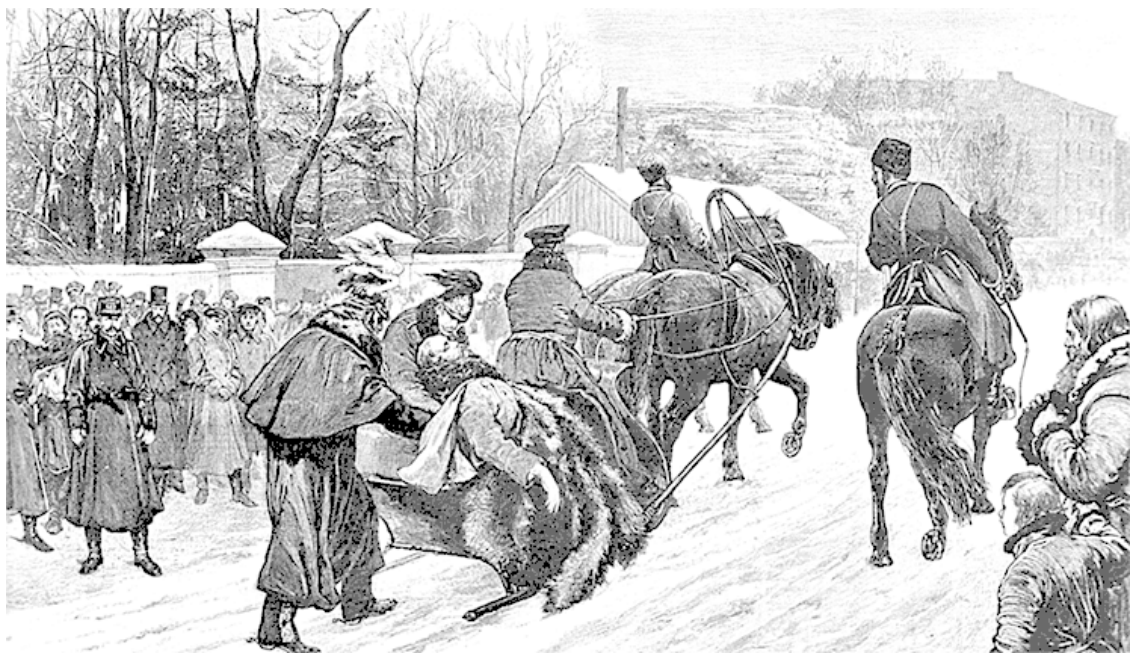
Очевидцы свидетельствовали, что по мере приближения к Зимнему дворцу император терял сознание от потери крови, «которая сочилась из оборванных мускулов обеих голеней. Эти мускулы и составляли единственную связь между стопой и коленями обеих ног, так как кости голеней были раздроблены и вышиблены взрывом»²⁹². Когда сани с истекающим кровью императором подъехали к Салтыковскому подъезду Зимнего дворца, раненого сначала хотели поднять на лифте, но поскольку туда все не умещались, то Александра II начали поднимать на второй этаж по лестнице. Когда императора внесли в кабинет, в котором стояла его походная кровать, ее выдвинули из-за перегородки, поставив между письменным столом и диваном.

Вокруг умирающего началась суета, собрались медики, но характер ранений был таков, что они ничего не могли сделать, и в 15 часов 35 мин., на 63-м году жизни и 26-м году царствования Александр II скончался. В камер-фурьерском журнале 1 марта 1881 г. зафиксировано: «Сего числа злодейская катастрофа на Екатерининском канале, совершенная 2-мя злоумышленниками $\frac{3}{4}$ 2 часа, и мученическая кончина Государя императора Александра Николаевича». Над Зимним дворцом до половины древка был спущен Императорский штандарт. В этот же день протоирей Никольский привел к присяге новому императору дворцовый караул и внутренние пикеты.

²⁹² Комаров В. В. Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 г. СПб., 1882. С. 17.

1 марта 1881 г. Взрыв первой бомбы на Екатерининском канале

1 марта 1881 г. Смертельно раненного императора Александра II увозят в Зимний дворец

В 4 часа тело усопшего обмыли прямо в кабинете, одев в чистое белье, и уложили его «на железную кровать»²⁹³, которая была поставлена в Учебной комнате». В 20 ч 30 мин. при теле усопшего началось дежурство. В 21 час в Большой церкви Зимнего дворца началась панихида, на ней присутствовали Александр III и будущий Николай II.

²⁹³ Эта «железная односпальная бронзированная кровать», на которой скончался Александр II, хранилась в его кабинете вплоть до конца 1920-х гг.

Э. П. Гау. Кабинет императора Александра II в Зимнем дворце. 1851 г.

1 марта в 23 час. 45 мин. началось бальзамирование. Как зафиксировано в камер-фурьерском журнале: «Организм был в цветущем состоянии, и отдышка, которою Его Величество страдал в последние годы, происходила, как и предполагали, от расширения легочных сосудов». Закончили бальзамирование в 2 марта 7 час. 30 мин. утра. Тело Александра II, одетое в парадный мундир с эполетами л. – гв. Преображенского полка (без орденов) вынесли в Учебную комнату.

На следующий день, 2 марта 1881 г., в 11 часов утра, в Зимний дворец в сопровождении сыновей Николая и Георгия приехал Александр III. Через полчаса после приезда царя в Учебной комнате у тела усопшего началась панихида. Вместе с Романовыми у тела стояла и княгиня Е. М. Юрьевская. Александр III «облобызал Тело Усопшего Родителя», и все спустились на первый этаж, в комнаты великих князей Сергея и Павла, где «имели семейный фрыштик».

Мундир Александра II по форме лейб-гвардии Саперного батальона

К. Е. Маковский. Александр II на смертном одре. 1881 г.

К 13 часам в Зимний дворец начал съезжаться столичный бомонд на церемонию принесения присяги Александру III. В это же время в Малахитовой гостиной собрались все наличные Романовы²⁹⁴, которые вскоре двинулись «в формате» большого выхода в Большой собор Зимнего дворца.

В Николаевской зале Александр III, обратившись к офицерам, заявил, что он «будет служить России и ее благоденствию и надеется заслужить любовь, а также уверен, что Войска будут служить Его Величеству и Его Наследнику с теми же верностью и усердием», с каким они служили его отцу.

В Большом соборе Зимнего дворца министр юстиции Д. Н. Набоков прочитал высочайший манифест и текст присяги. В присяге как наследник престола был поименован 12-летний великий князь Николай Александрович. Первыми присяжные листы, под 101 пушечный выстрел Петропавловской крепости, подписали «Высочайшие Особы».

После завершения церемонии Александр III с ближайшими родственниками проследовал «в комнаты императрицы Александры Федоровны», занимавшие второй этаж северо-западного ризалита Зимнего дворца. На этом «дворцовом маршруте», в Малахитовой гостиной, где собрались члены Государственного совета, Александр III уже как политик «облобызал» столь нелюбимого им великого князя Константина Николаевича, многие годы возглавлявшего Государственный совет. В Концертной зале, перед отбытием в Аничков дворец, Александр III с прочувствованными словами обратился к военной свите Александра II²⁹⁵.

Еще раз Александр III вместе со старшими сыновьями посетил Учебную комнату Зимнего дворца вечером (21.00), где вновь прошла панихида по погибшему от рук террористов

²⁹⁴ Великие княгини Александра Иосифовна и Терезия Петровна Романовская в выходе не участвовали «по несовершенному здоровью и молебн слушали из моленной комнаты».

²⁹⁵ РГИА. Ф. 516. Он. 1 (206/2703). Д. 3. Л. 25. Камер-фурьерский журнал. Кончина императора Александра II. Март 1881 г.

императору. На панихиде вновь присутствовала княгиня Е. М. Юрьевская со своими детьми. Заметим, что после гибели императора Е. М. Долгорукова пыталась «закрепиться» в Зимнем дворце, создавая некий мемориальный комплекс императора в своих комнатах на третьем этаже Зимнего дворца (комнаты на 3-м этаже Зимнего дворца юго-западного ризалита). Например, она распорядилась прикрепить к круглому дубовому столу медную табличку: «На этом столе Государь Император Александр II часто пил чай и сидел у этого стола в мундире, в котором отправился прямо на развод 1 марта 1881 года».

Учебная комната Александра II

А. Гебенс. Чины императорской Главной Квартире. 1860 г.

Примечательно, что Александр III и в мыслях не держал переезжать в Зимний дворец на постоянное жительство. Хотя с точки зрения организации его личной охраны несколько раз на дню проезжать по людному Невскому проспекту было, по крайней мере, неразумно. Тем более что некоторая часть террористов «Народной воли» во главе с Софьей Перовской продолжала оставаться на свободе.

3 марта 1881 г. Александр III приехал на панихиду в Зимний дворец к 12 часам. Его сопровождал наследник, великий князь Николай Александрович. После панихиды император вернулся к себе домой – в Аничков дворец.

Вечером (к 20.00) Романовы вновь собрались у тела погибшего императора. В Учебную комнату внесли гроб с уложенной в него порфирой. Доктора и придворные служители переложили тело в гроб. Затем сыновья императора, подняв гроб на плечи, понесли почившего Александра II в последний раз по маршруту Большого выхода: Приемная, Темный коридор, Ротонда, Арабская, Парадные залы Невской анфилады, Фельдмаршальский зал, Петровский зал, Гербовый зал, Пикетный зал, Большой собор. В соборе гроб установили на катафалк, перед которым на столах выложили императорские регалии.

К. А. Ухтомский. Темный коридор. 1861 г.

4 марта 1881 г. утром в Петербург привезли недостающие элементы коронационных регалий, хранившиеся в Оружейной палате Московского Кремля: «Корона Казанская, корона Астраханская, корона Грузинская, корона Польская, корона Сибирская, корона Таврическая (шапка Мономаха)». Регалии торжественно, в шести каретах, провезли по Невскому проспекту от Николаевского вокзала до Зимнего дворца. Полный коронационный комплект императорских регалий уложили на два стола в Георгиевском зале.

Вечером (17.00) из-за границы прибыли великий князь Алексей Александрович, великая княгиня Мария Александровна и герцог Эдинбургский. Когда дети Александра II собрались вместе в Большом соборе, началась литургия. Примечательно, что если ранее на панихидах в Учебной комнате княгиня Е. М. Юрьевская стояла бок о бок с Романовыми, то на этой литур-

гии ее уже «отсекли» от семьи, и она слушала литургию с хор Большого собора, хотя после ее окончания вместе со всеми прикладывалась к телу Александра II.

В этот день Александр III с семьей остался ночевать на половине императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце. Дело в том, что в тот же день арестовали Софью Перовскую – напротив Аничкова дворца, в Екатерининском садике. В ходе допроса выяснилось, что нестигаемая террористка планировала новое покушение, уже на Александра III. Удалось обнаружить 50-килограммовый фугас под брусчаткой на углу Малой Садовой и Невского проспекта, заложенный народовольцами, почти напротив Аничкова дворца. Охрана справедливо рассудила, что если бы этот фугас взорвали при проезде Александра III по Невскому проспекту, то ударная волна и разлетающиеся булыжники вполне могли задеть императора. Видимо, приняв во внимание все эти рекомендации охраны, Александр III на одну ночь остался в Зимнем дворце.

6 марта 1881 г. из-за границы приехали великие князья Сергей и Павел Александровичи. Наконец вся семья Александра II собралась полностью. В Большом соборе Зимнего дворца шли регулярные литии, на которых княгиня Юрьевская со своими детьми по-прежнему присутствовала, стоя на хорах Большого собора.

На голову Александра II не была одета погребальная корона. Как отмечено в камер-фурьерском журнале: «По воле покойного, выраженной *две недели назад* (курсив мой. – И. З.) в присутствии наследника Адлербергу, корона в гроб на голову покойного Александра II не возлагалась, которая и была убрана из Георгиевского зала»²⁹⁶. Эта очень характерная деталь указывает на чувство обреченности, постоянно сопровождавшее Александра II в последние дни его жизни.

В субботу, 7 марта 1881 г., тело Александра II торжественно перевезли из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость²⁹⁷. Император навсегда покинул Зимний дворец, где он прожил весь отпущенный ему Богом срок земного существования. Второй этаж западного фасада Зимнего дворца, ранее столь населенный, полностью опустел²⁹⁸.

Завершив разговор о пребывании Александра II в Зимнем дворце, обратимся к сюжету, связанному с жизнью его второй семьи в императорской резиденции. В истории Зимнего дворца не раз возникали скандалы. Иногда очень громкие, но подобного происшедшему при Александре II еще не случалось: четыре года в Зимнем дворце одновременно (и неподалеку!) жили жена – императрица Мария Александровна и любовница, а затем и морганатическая супруга – Е. М. Долгорукова (Юрьевская).

О романе 49-летнего императора Александра II и 17-летней фрейлины Екатерины Михайловны Долгоруковой написано множество книг и снято несколько фильмов. Поэтому обратимся только к истории их совместной жизни в Зимнем дворце.

О времени и причинах переезда Е. М. Долгоруковой в Зимний дворец имеются разногласия. Связь императора, начавшаяся в 1866 г., моментально перестала быть секретом для петербургского бомонда, тем более что Екатерина Михайловна всячески афишировала свои «особые услуги».

Как уже упоминалось, императрица Мария Александровна постоянно недомогала и, похоронив старшего сына, начала замыкаться в кругу своих болезней. Мария Александровна не сразу смирилась с наличием у мужа второй, «параллельной» семьи. Поначалу она пыталась хотя бы объяснить с супругом. Как следует из дневниковых записей Александра II (2 февраля 1870 г.), «по возвращении с немецкого спектакля мне пришлось вынести крайне тягост-

²⁹⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 3. Л. 50 об. Камер-фурьерский журнал. Кончина императора Александра II. Март 1881 г.

²⁹⁷ Погребение императора Александра II состоялось в воскресенье 15 марта 1881 г.

²⁹⁸ Половина Александра II на втором этаже западного фасада Зимнего дворца включала: Биллиардную комнату, Приемную, Учебную, Кабинет, Камердинерскую, Библиотеку, Антресоль над камердинерской комнатой и Буфет. См.: РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 742 Опись казенным вещам, находящимся на половине покойного Императора Александра II. 1894.

ное объяснение с женой по поводу моих исчезновений по вечерам, после посещения детей. Это лишь подтвердило мои опасения. Слава Богу, имя Д²⁹⁹ еще не было пока произнесено!».

В 1872 г. Александр II запретил своим детям входить в его кабинет без доклада. Единственная дочь императора Мария Александровна вспоминала: «Мне казалось особенно невыносимым, что Папа запретил нам входить к нему без доклада». Более чем вероятно, что уже в это время Е. М. Долгорукова периодически навещала императора в его рабочем кабинете. Для того чтобы избежать неприятных встреч и вопросов, свободный доступ к императору для его детей был закрыт.

В мемуарах самой Е. М. Долгоруковой упоминается, что к весне 1879 г. она уже поселилась со своими детьми в Зимнем дворце. Так, после апрельского покушения 1879 г. на Дворцовой площади Александр II, по просьбе Е. М. Долгоруковой, отказался от ежедневных утренних прогулок вокруг Зимнего дворца и вместо этого ежедневно совершал утреннюю прогулку по парадным залам резиденции «в обществе своих троих детей, рожденных от его брака с княгиней Юрьевской»³⁰⁰. По ряду других мемуарных упоминаний, переезд состоялся осенью 1879 г., после возвращения Александра II из Крыма.

Что касается причин беспрецедентного переезда «параллельной жены» в Зимний дворец, то баронесса М. П. Фредерикс утверждала, что «Ее Величество сама приказала, чтоб эту недостойную личность переместили в Зимний дворец, так как Государь постоянно у ней бывал. Тогда же опасались за его жизнь, т. к. покушения злоумышленников все больше и больше повторялись. Императрица нашла, что вернее его охранить под их собственным кровом, забыв все, а главное себя, приказала эту личность поместить над своими покоями, так, что она постоянно слушала шаги бегающих детей»³⁰¹.

²⁹⁹ Император имел в виду, конечно, Е. М. Долгорукову.

³⁰⁰ Княгиня Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). Александр II. М., 2004. С. 90.

³⁰¹ ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Л. 95 об. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки».

Княжна Е. М. Долгорукова. Фото С. Левицкого. 1870-е гг.

Вопрос о дате переезда княгини Долгоруковой («этой личности») в Зимний дворец решается с помощью архивных документов, хранящихся в Государственном Эрмитаже. В источнике «Описи комнатного имущества бывших Исторических комнат Государственного Эрмитажа и оценочные акты» упоминается, что на мебели из комнат Александра II (точнее, это мебель из комнат Е. М. Долгоруковой с третьего этажа Зимнего дворца) по распоряжению Е. М. Долгоруковой установили медные таблички с надписями мемориального характера. Эти таблички и позволяют уточнить дату переезда Е. М. Долгоруковой в Зимний дворец.

Например, на дубовом кресле с резными подлокотниками и выгнутой спинкой, крытом темно-зеленой кожей, появилась медная дощечка с надписью: «Постоянно употреблялось Императором Александром Николаевичем от 1876 до 1 марта 1881 года». На другом кресле: «Употреблялось государем императором Александром Николаевичем в Зимнем Дворце с 1876 до 1 марта 1881 года». Даже на плевательнице орехового дерева имелась табличка: «Принад-

лежало и постоянно употреблялось Государем императором Александром II с 1876 по 1 марта 1881 года».³⁰² Следовательно, комнаты Е. М. Долгоруковой на третьем этаже юго-западного ризалита в Зимнем дворце были обставлены еще в 1876 г. Есть надписи, датирующие появление кабинета Александра II, оборудованного Е. М. Долгоруковой в своих комнатах и именуемого ею «Верхним кабинетом». Например, на дубовом стуле имела табличка: «Государя императора Александра Николаевича от Верхнего кабинета в Зимнем дворце с 1877 по 1881 год». Следовательно, комнаты Е. М. Долгоруковой обустроили уже в 1876–1877 гг. Видимо, тогда же из кабинета Александра II пробили лестницу на третий этаж Зимнего дворца, прямо в комнаты Е. М. Долгоруковой.

Е. М. Долгорукова, Александр II и их дети

К концу 1870-х гг. Е. М. Долгорукова стала уже официальной пассией, уверенно отодвинувшей болевшую императрицу Марию Александровну. К примеру, А. А. Половцев так описывает день 6 августа 1879 г.: «Преображенский праздник. Во время развода княжна Долгорукова на главном подъезде дворца сидит в креслах, имея возле себя своего сеттера, составляющего повторение собак, сопровождающих Государя».

К февралю 1880 г. Е. М. Долгорукова вполне обжила в Зимнем дворце. Великий князь Александр Михайлович, бывший в то время мальчишкой, вспоминал, что «во время нашего последнего пребывания в Петербурге, нам не позволили подходить к ряду апартаментов в Зим-

³⁰² Архив Государственного Эрмитажа. Описи комнатного имущества бывших исторических комнат Государственного Эрмитажа и оценочные акты.

нем Дворце, в которых, мы знали, жила одна молодая красивая дама с маленькими детьми». А в это время, этажом ниже, умирала в своей Синей спальне императрица Мария Александровна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.